Г. И. ИКОННИКОВА

ТЕОРИЯ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА». БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЕГО БУРЖУАЗНЫЕ ТОЛКОВАТЕЛИ

ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Издательство «Мысль»

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
при ЦК КПСС

ПРОТИВ
БУРЖУАЗНОЙ
ИДЕОЛОГИИ

Г. И. Иконникова

Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи

(Критический анализ)

Издательство «Мысль»
Москва · 1975

1ФБ
И42

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН
при ЦК КПСС

И $\frac{10506\text{-}308}{004(01)\text{-}75}$ 67-75

© Издательство «Мысль», 1975

Предисловие

Марксистам свойственно диалектически оценивать прошлое, настоящее и будущее, соизмерять поставленные задачи с логикой общественного развития, увязывать их с социально-политической перспективой.

Жизнь свидетельствует, что и сегодня происходят необратимые перемены в пользу социализма; нет сомнений в том, что будущее принадлежит народам, идущим по социалистическому пути. Мировой социализм — могучая движущая сила современного революционного процесса — противостоит мировому капитализму, является оплотом освободительных движений современности, демократии и мира.

Совещания на высшем уровне, состоявшиеся за последний период времени между представителями социалистических и капиталистических стран, отражают новый уровень взаимосвязей мировых систем. Визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США, ФРГ, Францию были продиктованы глубинными процессами развития двух противоположных социально-экономических систем.

Социализм, несущий людям мир, демократию, свободную и счастливую жизнь все более завоевывает симпатии человечества.

В речи на обеде в Кремле 15 октября 1974 г. по случаю проведения в Москве второго заседания американо-советского торгово-экономического совета Л. И. Брежнев сказал: «...курс на построение устойчивых и продуктивных экономических связей ко взаимной пользе советского и американского народов — это давний, неизменный курс нашей партии и Советского государства, оставленный нам в наследство их основателем В. И. Лениным»[1].

Важные сдвиги в международной обстановке обусловлены не изменением природы капитализма (как это пытаются представить буржуазные идеологи), а изменением соотношения сил на международной аре-

[1] «Правда», 16 октября 1974 г.

не в пользу социализма, прогресса и мира. Взоры всего прогрессивного человечества обращены к Стране Советов, к Коммунистической партии Советского Союза, которая, руководствуясь самым передовым учением — марксизмом-ленинизмом, глубоко анализирует ведущие тенденции современного мирового развития, разрабатывает обоснованную, ясную, конкретную и реалистическую политику. «Наша партия — партия научного коммунизма. Она неуклонно руководствуется марксистско-ленинской наукой, самой передовой, революционной наукой современности, делает все для ее дальнейшего развития» [1].

Советский Союз, страны социализма своим опытом, своими успехами в области внутренней и внешней политики оказывают воздействие на мировой революционный процесс, демонстрируют великую жизненную силу идей марксизма-ленинизма.

Передовые люди Земли живут под неизгладимым впечатлением исторического события — празднования 50-летия образования Союза ССР. Советский народ пришел к юбилею своего многонационального государства с большими успехами во всех сферах материальной и духовной деятельности, в строительстве коммунизма. «Партия, — подчеркнул Л. И. Брежнев в докладе, посвященном 50-летию образования СССР — добилась того, что интернационализм превратился из идеала горстки коммунистов в глубокие убеждения и норму поведения миллионов и миллионов советских людей всех наций и народностей» [2].

50-летний опыт советского социалистического государства подтверждает правильность важнейшего методологического принципа марксизма-ленинизма о единстве человечества, об истории его развития, о диалектическом взаимодействии различных цивилизаций, которые в мировом революционном процессе преобразуются в единую, объемлющую весь мир коммунистическую общественно-экономическую формацию.

В условиях развертывания и углубления борьбы за мир, когда революционная энергия коммунистических и рабочих партий направлена на избавление

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 101.

[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 62.

человечества от всех видов социального и национального гнета, империалистического господства и эксплуатации, когда на международной арене утверждаются принципы мирного сосуществования, «расширяется и усложняется идеологическая борьба...»[1]. Буржуазная идеология настойчиво пытается опровергнуть марксистско-ленинскую теорию общественного развития, противопоставить ей свою особую социальную философию, опирающуюся на идею «объективной невозможности» формирования коммунистической общественно-экономической формации.

К числу подобных доктрин относится теория «постиндустриального общества».

Сторонники ее не закрывают глаза на многие острые проблемы современного капиталистического общества, которые, по их мнению, либо разрешимы на основе существующих капиталистических институтов, их модернизации в соответствии с духом «либеральной демократии» и принципами «рационального гуманизма», либо неразрешимы вообще.

Появившаяся теория родственна все еще широко распространенным на капиталистическом Западе теориям «индустриального общества» и «конвергенции». Однако она претендует на обоснованную философскую интерпретацию общества 2000 года, на научный социальный прогноз, данный в свете развития современной научно-технической революции. В центре доктрин о «постиндустриальном обществе» оказались такие проблемы: качественное изменение производительных сил, глубокие сдвиги в социальной структуре капиталистических стран, появление новых типов обобществления труда, значительное увеличение числа и удельного веса специалистов.

Идеализируя государственно-монополистический капитализм в условиях научно-технической революции, авторы данной теории проецируют его в будущее в виде так называемого «постиндустриального общества». При этом обещают «постиндустриальное» будущее и социалистическим странам.

Теория «постиндустриального общества» выступает как апологетическая, буржуазная социально-

---

[1] См. «В Центральном Комитете КПСС». — «Коммунист», 1974, № 13, стр. 5.

прогностическая концепция, направленная против теории научного коммунизма.

Будущее человечества активно обсуждается представителями самых различных направлений философской, социальной, экономической, политической мысли. Интерес к проблемам будущего вызван прежде всего характером современной эпохи, которая является эпохой перехода от капитализма к коммунизму, от предыстории человечества к его подлинной истории.

В современную эпоху встали многие жизненные вопросы. Например: каковы перспективы развития двух противоположных социально-экономических систем — социалистической и капиталистической? можно ли с помощью научно-технической революции решить социальные противоречия? совпадает ли прогресс социальный с научно-техническим прогрессом?

Теория «постиндустриального общества» оказалась сориентированной на эти проблемы. Ее интересуют самые общие вопросы мировой истории, ближайшие и отдаленные судьбы всего человечества и отдельных народов, взаимодействие разнотипных цивилизаций.

Появление теории «постиндустриального общества» — еще одно свидетельство лихорадочных поисков антикоммунистической идеологией средств борьбы с марксизмом, с международным рабочим и коммунистическим движением в конкретно-исторической ситуации последних лет.

Марксизм-ленинизм из года в год все настойчивее завоевывает на свою сторону симпатии трудящихся масс, прогрессивно настроенных ученых. Поэтому отживающий мир капитализма мобилизует свои силы, изощренно маскирует свои классовые цели в философии и социальной теории, пытаясь таким путем отвлечь трудящихся от революционной борьбы, от марксистской идеологии, оторвать международное рабочее движение от мирового революционного процесса, фальсифицировать его революционную сущность, дезориентировать рабочий класс и его союзников в отношении путей преобразования современного капиталистического общества.

Очевидно, что в этих условиях критика теории «постиндустриального общества», разоблачение ее

претензий на научный социальный прогноз, критическое рассмотрение самого общества 2000 года, предвещаемого ее авторами, приобретает важное значение.

Проведенный в данном исследовании анализ различных концепций теории «постиндустриального общества» свидетельствует о том, что и «технотронное общество» З. Бжезинского, и «новое индустриальное общество» Д. Гэлбрейта, и «общество свободных людей и свободных рынков» Р. Тиболда по своей сути оказываются, как и «постиндустриальное общество» Д. Белла и Г. Кана, все тем же государственно-монополистическим капитализмом, только спроецированным в будущее.

В нашей советской философской и социологической литературе [1] содержится разбор отдельных положений этой теории, намечены главные направления критического анализа, вскрыты ее пороки. Необходимо также заметить, что в опубликованной литературе по критике теории «индустриального общества» [2] содержится аргументированный анализ, который может быть использован и для критики теории «постиндустриального общества».

Теория «постиндустриального общества» критикуется не только марксистами, но также и консервативными кругами Запада. С разоблачением некоторых ее положений выступают «новые левые».

---

[1] См. *Ю. К. Островитянов.* «Постиндустриальная цивилизация», или капитализм в 2000 году? — «Вопросы философии», 1969, № 7; статьи А. Галкина, Е. Громова, Я. Хавинсона в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 7; *Э. А. Араб-Оглы.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973; *В. И. Михеев.* Критика теории «постиндустриального общества». М., 1971; *Ю. А. Красин.* Апологетическая сущность теории «постиндустриального общества». — «Вопросы философии», 1974, № 2, и др.

[2] См. *Г. П. Давидюк.* Критика теории «единого индустриального общества». Минск, 1968; «Какое будущее ожидает человечество?» Материалы международного обмена мнениями, организованного редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» и Центром марксистских исследований в Руайомоне в мае 1961 года. Прага, 1964; «Новейшие приемы защиты старого мира». М., 1962; *В. С. Капырин.* Процесс общественного развития и «теория стадий» Уолта Ростоу. М., 1967; *В. И. Михеев.* Капитализм или «индустриальное общество»? Проблемы современного капитализма и буржуазная социология. М., 1968; *С. И. Попов.* Критика современной буржуазной социологии. М., 1970, и др.

Автор данного исследования поставил перед собой задачу рассмотреть теорию «постиндустриального общества» в широком социально-политическом объеме, сочетая критический философский анализ упомянутой теории с марксистским решением поставленных вопросов. В работе предпринята попытка раскрыть идейно-теоретические источники и социально-политическую направленность теории «постиндустриального общества», дать критический анализ основных, исходных положений, показать ее методологическую несостоятельность.

Анализ теории «постиндустриального общества» свидетельствует, что ее создатели идеализируют капитализм на государственно-монополистической стадии, возлагают надежду в искоренении пороков капиталистической действительности на научно-техническую революцию; они прикрывают реакционную сущность своей теории тонкой, наукообразной формой изложения, обилием таблиц и столбиками цифр, эмпирических фактов и схоластических абстракций.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза уделил большое внимание вопросам идеологической борьбы в современном мире. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии подчеркнул, что в период между XXIII и XXIV съездами партии «с наибольшей остротой выявились попытки с различных сторон атаковать марксизм-ленинизм как идейно-теоретическую основу деятельности коммунистического движения» [1]. Известно, что современный правый ревизионизм активно впитывает в себя многие идеи, разработанные буржуазными идеологами. Развиваемые авторами теории «постиндустриального общества» идеи «депролетаризации» современного капитализма, замены социальной революции революцией научно-технической мы обнаруживаем у Р. Гароди, Т. Петкова и др.

Теория «постиндустриального общества» разрабатывается идеологами, стоящими на весьма различных политических платформах, и развивается в настоящее время в четырех основных направлениях: буржуазно-либеральном, реакционно-апологетическом, буржуазно-реформистском, леворадикальном. Поэтому в данной книге делается попытка показать осо-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 20.

бенности и взаимосвязи этих направлений, анализируются их отправные положения, аргументация, черты будущего человечества, которые рассматриваются постиндустриалистами сквозь призму интересов монополистической буржуазии или социальных групп, связанных с ней. В работе показывается, что теория «постиндустриального общества» паразитирует прежде всего на одностороннем выпячивании, гипертрофировании возросшего значения науки в производстве, его организации и управлении, на увеличении в экономике удельного веса сферы услуг и других явлений, связанных с научно-технической революцией и государственно-монополистическим капитализмом.

При работе над книгой изучалась американская литература, изданная в основном за последние восемь лет. Кроме того, использовались материалы ряда периодических изданий США: журналы «Америка», «Паблик интерест», «Дедалус», «Лук», «Нейшн», «Форчун». В монографии критическому разбору подвергаются взгляды известных буржуазных социологов, экономистов, социальных философов — Д. Белла, З. Бжезинского, Г. Кана, Д. Гэлбрейта, Р. Тиболда и др.

В своем исследовании автор опирался на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, материалы XXIV съезда КПСС, основные положения, выработанные международным Совещанием коммунистических и рабочих партий, состоявшимся в Москве в 1969 г. В книге использован накопленный в советской, а также в зарубежной марксистской литературе материал о социальных последствиях научно-технической революции, по вопросам социального прогнозирования.

Глава I

Теория «постиндустриального общества» — очередной миф буржуазной идеологии

Мы живем в эпоху грандиозных исторических перемен: рушится старый капиталистический мир, развивается новый — мир социализма и коммунизма, несущий людям свободу и социальное равенство, благосостояние, невиданный расцвет культуры и человеческой личности.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза отметил, что исходным пунктом в оценке перспектив общественного прогресса служит ленинское положение о современной эпохе как эпохе перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Одновременное развертывание и взаимосвязь революций социалистической, национально-освободительной и научно-технической резко ускоряют поступательный ход истории.

Стремясь разъединить революционные силы современности, задержать революционный процесс, капитализм мобилизует все средства — войны, насилие, обман, идеологические диверсии. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркнул, что «ныне резко усилилась роль такой сферы классовой борьбы между социализмом и капитализмом, как экономическое и научно-техническое соревнование двух мировых систем» [1].

Научно-техническая революция, развернувшаяся во всемирном масштабе, стала ныне одним из важнейших участков исторического соревнования двух социальных систем, а вместе с тем и плацдармом острой идеологической борьбы. Монополии широко используют достижения научно-технической революции для получения высоких прибылей, а также для того,

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 39.

чтобы сохранить массы под своим идейным и политическим влиянием. На капиталистическом Западе усиливается сознание важности научно-технической революции, стремление воспользоваться ею в практическом и теоретическом плане. В битве за умы и сердца людей буржуазные идеологи отводят ей одно из центральных мест. Научно-техническую революцию они рассматривают как неисчерпаемый источник, определяющий общественный прогресс. Те изменения, которые она вносит в структуру производительных сил и капиталистических производственных отношений, буржуазные интерпретаторы считают коренными, качественными преобразованиями современного капиталистического общества. Спекулируя на успехах науки, некоторые из них идеалистически истолковывают этот процесс, науку объявляют определяющей силой общественного развития.

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий, проходившем в июне 1969 г. в Москве, был сделан вывод: *«Империализм бессилен вернуть утраченную им историческую инициативу, повернуть вспять развитие современного мира. Магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы»* [1].

Не решаясь идти на лобовую схватку с социализмом, империализм наряду с военными авантюрами сосредоточил большие усилия на подрывной политической и идеологической борьбе.

Для капитализма жизненно важным является создание такой теории, которая способна была бы увлечь и повести за собой широкие массы, отвлечь их от действительно научной теории, от марксизма-ленинизма. Об этом свидетельствует множество идеологических доктрин, беспрерывно сменяющих и обновляющих друг друга. «Пересмотр» буржуазной идеологией своего теоретического багажа означает не только ее очевидную слабость и несостоятельность в борьбе с марксизмом-ленинизмом, но и стремление приспособиться к тем изменениям, которые происходят внутри капиталистического мира и за его пределами.

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1969, стр. 11.

Правящие круги империалистических держав и их идеологические оруженосцы затратили немало средств и усилий на поиски идей и теорий, которые можно было бы противопоставить марксизму-ленинизму. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл в статье «Меняющийся образ мышления», опубликованной в журнале «США», убедительно показал, как буржуазия лихорадочно и мучительно ищет новые идеи, которые позволили бы ей дать ответ на коренные вопросы века, обеспечить поддержку масс, увести их сознание от революционной борьбы. Он подчеркивает, что эти идеи «используют как дымовую завесу в стремлении скрыть классовые причины происходящих событий» [1].

Миллионы американцев, пишет Г. Холл, отказываются от обычного способа мышления, отвергают старые концепции, традиционные буржуазные социальные ценности. Они критически исследуют капиталистический образ жизни и ставят под сомнение сложившиеся представления. Он использует в статье материалы из журнала «Форчун», который провел опрос американцев. В результате 92% опрошенных молодых людей признали, что «бизнес (капиталисты) чрезмерно озабочен прибылями, а не своей общественной ответственностью», 75% считают, что плоды американского благоденствия распределяются несправедливо и неравномерно.

Критическое отношение масс к капиталистическому строю и идеологическим доктринам, защищающим его, свидетельствует о том, что все новые и новые миллионы людей в странах капитала понимают правоту марксизма-ленинизма, они видят, что каждая страна должна рано или поздно стать на единственно верный и перспективный путь — на путь социалистического развития. Социализм доказал свое превосходство, свою способность на деле решать жизненно важные проблемы, перед которыми бессильным оказался капитализм.

Марксизм-ленинизм является таким учением, которое прошло всестороннюю проверку в самой гуще исторических движений, прочно войдя в сознание, в плоть и кровь миллионов людей. С ним связаны са-

[1] См. *Гэс Холл.* Меняющийся образ мышления. — «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 1.

мые выдающиеся революционные свершения XX в. — Великая Октябрьская социалистическая революция, образование мировой системы социализма, грандиозные социальные и национально-освободительные битвы, победы, одержанные над капитализмом.

Марксизм-ленинизм стал надежным компасом научного познания и революционного утверждения новых, высших форм общественного устройства.

Апологетам старого мира все труднее становится выступать против жизненной силы марксизма-ленинизма, его научности. Для того чтобы противостоять социалистической идеологии, идеология буржуазная вынуждена перестраиваться. В последние годы появились такие буржуазные теории, которые претендуют на объективность в исследовании общественной жизни, они даже признают отдельные успехи социализма, заявляют о необходимости дальнейшего развития общества и наступления новой эры человеческой истории. «Империализм, — отметил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г.,— не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов» [1].

Одним из очередных мифов явилась теория «постиндустриального общества».

В сентябре 1970 г. на VII Международном социологическом конгрессе в качестве альтернативы теории научного коммунизма буржуазная социология единодушно провозгласила теорию «постиндустриального общества». До этого времени велась разработка, формирование ее в статьях, книгах отдельных авторов, и она находилась в тени, как бы «дожидаясь своего часа».

На конгресс в качестве основного доклада от буржуазной общественной мысли был представлен доклад американского социолога Д. Белла — «Постиндустриальное общество: технократия и политика» (Белл на конгрессе не присутствовал). Значительное количество докладов на конгрессе было посвящено вопросам социального прогнозирования, в которых

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 203.

настойчиво проводилась мысль о том, что «постиндустриальное общество» не умозрительная конструкция социальных философов, а реальность. Так, один из участников конгресса, профессор из Амстердама А. Мок, заявил: «Недавно ряд социологов предсказывал возникновение нового типа общества, которое они назвали «обществом знания», «постиндустриальным обществом». Но дело в том, что предсказание стало истиной: Соединенные Штаты являются первой нацией, достигшей постиндустриальной стадии». Подобные соображения были высказаны рядом буржуазных социологов. Ведь для них всякий раз, когда дело касается жизненных устоев капитализма, важно подчеркнуть, что коммунизм не тот общественный строй, с которым связаны развитие научно-технической революции и в целом весь социальный прогресс.

Первоначально теория «постиндустриального общества» появилась в США. Буржуазные философы, социологи, экономисты и историки считают, что термин «постиндустриальное общество» принадлежит Д. Беллу [1] и является весьма емким, позволяющим отразить перспективы развития человеческого общества. Так, французский политический деятель Ж.-Ж. Серван-Шрейбер в книге «Американский вызов», восторгаясь понятием «постиндустриальное общество», пишет: «Мы должны запомнить это понятие. Именно оно обозначает горизонты. Оно воплощает в себе сумму коренных изменений, благодаря которым общество 2000 года в определенных частях индустриального мира окажется столь же мало похожим на то, какое мы сейчас знаем, как наше, быть может, в данный момент отличается от Египта и Ни-

---

[1] Дэниел Белл (род. в 1919 г.) — профессор социологии Колумбийского университета, председатель Комиссии 2000 года при Американской академии наук и искусств, редактор журнала «Паблик интерест», автор работ: «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых годах» (1960), «Реформа общего образования» (1966) и др. Последние годы выступил с рядом статей и докладов, в которых разрабатывает теорию «постиндустриального общества»: «Заметки о постиндустриальном обществе», «Измерение знания и технологии», «Год 2000 — траектория идеи», «Неустойчивая Америка», «Постиндустриальное общество: технократия и политика», «Постиндустриальное общество. Что принесут 1970—80-е годы?». Разрабатывать теорию «постиндустриального общества» Д. Белл начал в основном с 1965 г.

герии»[1]. Председатель японского футурологического общества Юдзиро Хайаши в выступлении на конгрессе в Киото весной 1970 г. отметил совпадение взглядов американских и японских футурологов на «постиндустриальное общество»[2]. В 1970 г. в Цюрихе состоялся специальный симпозиум, посвященный проблеме «постиндустриального общества».

Широта и неопределенность понятия «постиндустриальное общество» позволяют вкладывать в него разный смысл и отражать интересы различных классов и социальных групп. Именно поэтому данная теория привлекает внимание людей, стоящих на разных политических платформах.

Одновременно с Беллом концепции «нового индустриального общества» разрабатывают Д. Гэлбрейт[3] и Р. Тиболд[4].

Идеи о некой «постиндустриальной» цивилизации, о переходе общества от «традиционного» к «индустриальному» и от «индустриального» к «постиндустриальному», противопоставления «постиндустриального» общества коммунизму были подхвачены Г. Каном[5] и З. Бжезинским[6] и широко используются на

---

[1] *J.-J. Servan-Schreiber.* Le Défi Américain. Paris, 1969, p. 64—65.

[2] «International Future Research Conference» (Preliminary Papers). Kyoto, 1970.

[3] Джон Гэлбрейт (род. в 1908 г.) — профессор экономики Гарвардского университета, известный политический деятель, автор книг: «Теория контроля над ценами» (1952), «Великий крах» (1955), «Общество изобилия» (1958), «Время либерализма» (1960), «Новое индустриальное общество» (1967), «Триумф» (1968), «Экономика и общественная цель» (1973) и др. После выхода в свет книги «Новое индустриальное общество» Д. Гэлбрейта некоторые буржуазные экономисты стали называть «новым Кейнсом», другие объявили его «красным».

[4] Роберт Тиболд — экономист и социолог Нью-Йоркского университета, редактор изданий «Гарантированный доход», «Социальная политика Америки в семидесятые годы», автор книги «Свободные люди и свободные рынки» (1963). Тиболд принял непосредственное участие в разработке «Манифеста «тройственной революции»» (1964).

[5] Герман Кан (род. в 1922 г.) — директор Гудзоновского института. Основные его работы: «Метафоры и сценарии» (1965), «Размышление о немыслимом» (1962), «Термоядерная война» (1960), «Год 2000. Основы для размышлений о последующих 33 годах» (в соавторстве с Э. Винером, 1967), «Модель будущего 1980» (1969), «Грядущее. Размышление о семидесятых и восьмидесятых годах» (1972).

[6] Збигнев Бжезинский (род. в 1928 г.) — глава Института

Западе в антикоммунистической пропаганде. К. Боллингер и Г. М. Гейер из ГДР, говоря о пяти «новых» открытиях Бжезинского, указывают, что пятое и последнее его «открытие» состоит в утверждении того, что в США в целом существует общество будущего, на которое должны ориентироваться все континенты, все народы и которое он называет «постиндустриальным». «Концепции Бжезинского являются составной частью обреченной на провал попытки империализма с помощью широкой идеологической диверсии расколоть социалистический лагерь» [1].

Со своими концепциями «постиндустриального общества» выступают и другие социологи. Например, Р. Дарендорф (ФРГ), К. Боулдинг (США), Р. Арон, Ж.-Ж. Серван-Шрейбер, Ж. Ревель, А. Турен (Франция).

Появление теории «постиндустриального общества» свидетельствует, что в наши дни на смену техницистским теориям политэкономии пришли политизированные социально-философские теории, для которых характерным является сциентизм (с различными технократическими, технологическими, индустриалистскими и тому подобными оттенками).

Буржуазная идеология, породив очередной миф в лице теории «постиндустриального общества», шлифует и «подштопывает» его содержание. Теория существует более семи лет; ее авторы за это время внесли ряд «уточнений», «поправок», «развили» некоторые ее аспекты. Как показал XV Всемирный философский конгресс, состоявшийся в сентябре 1973 г. в Болгарии, взгляды Д. Белла, З. Бжезинского, Г. Кана, Г. Маркузе все еще привлекают внимание фило-

---

исследований проблем коммунизма при Колумбийском университете, член совета политического планирования госдепартамента США при президенте Джонсоне, известный идеолог. Последние работы З. Бжезинского: «Политическая власть: США — СССР» (1964), «Идеология и власть в советской политике» (1962), «Советский блок — единство и конфликт» (1960), «Тоталитарная диктатура и автократия» (1957), «Америка в технотронный век» (1967), «Между двумя веками. Роль Америки в технотронной эре» (1970). В двух последних работах Бжезинский выступает как один из авторов теории «постиндустриального общества».

[1] *Клаус Боллингер, Ганс Мартин Гейер.* Идеологические аспекты глобальной стратегии США. — «Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии». Сборник переводов. М., 1971, стр. 241.

софов и социологов капиталистических стран. VIII Всемирный социологический конгресс (август 1974 г.) показал, что хотя теория «постиндустриального общества» в глазах многих буржуазных идеологов уже не является именно той «находкой», о которой они мечтают, однако на очередь дня выдвинут вопрос о «кибернетизированном постиндустриальном обществе», и представители социологии «технологического детерминизма» по-прежнему действуют весьма активно.

Интерпретация социальных явлений с позиций «технологического детерминизма», попытка представить теорию «постиндустриального общества» как концепцию философии истории делают эту теорию весьма «современной» и «научной» в глазах определенных кругов буржуазного общества. Член Политического комитета ЦК Компартии США Х. Лумер отмечает, что теория «постиндустриального общества» широко рекламируется в США. Однако буржуазной идеологии «не удастся надолго скрыть факт загнивания и кризиса современного капитализма, утаить от трудящихся величайшие преимущества социалистического общества, не знающего эксплуатации, где специалисты и интеллигенция, как и все трудящиеся, окружены почетом и где человек труда действительно занимает достойное место» [1].

Теория «постиндустриального общества» не может противопоставляться марксистско-ленинской теории общественного развития. Оптимизм ее наигранный, ложный, цепляющийся за наметившуюся перестройку технологического базиса буржуазного общества в условиях научно-технической революции, покоящийся на подмене прогресса социального прогрессом научно-техническим. События последних лет убедительно показывают мифическую сущность данной теории. Углубление общего кризиса капитализма сопровождается ростом классовой борьбы среди всех слоев капиталистического общества. Становится очевидным, что научно-техническая революция не только не способна оздоровить, исцелить капитализм. Напротив, она углубляет и обостряет все его противоре-

[1] *Хаймен Лумер.* Идеологическая подоплека «постиндустриального общества». — «Проблемы мира и социализма», 1972, № 12, стр. 81.

чия, порождает новые. Однако не следует думать, что теория «постиндустриального общества», опровергаемая самой капиталистической действительностью, не нуждается в глубоком критическом анализе. В современных условиях особенно важно вскрыть ее реакционно-прогностический и буржуазно-апологетический характер.

Буржуазно-апологетический и реакционно-прогностический характер теории «постиндустриального общества»

Марксистско-ленинская концепция общественного развития теоретически обосновала неизбежность исторического перехода человечества из «царства необходимости», когда общество раздирается социальными противоречиями, в «царство свободы», в котором уничтожена эксплуатация и люди получают возможность сознательно строить новое общество. В ней поставлены широкие социальные цели, связанные с решением кардинальных проблем строительства социализма и коммунизма. Марксизм, признавая объективный характер законов общественного развития и важную роль науки в деятельности людей, вместе с тем отрицает фаталистическую заданность будущего.

Коммунистическая партия Советского Союза, опираясь на научное предвидение основных черт второй фазы коммунизма, сделанных К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, на полувековой опыт социалистического и коммунистического строительства, наметила на XXIV съезде КПСС перспективу дальнейшего продвижения вперед, к новому историческому рубежу — вступление в период развитого социалистического общества.

В наше время, когда в мировой революционный поток, направленный на сокрушение мирового капитализма, на утверждение социализма и коммунизма во всемирном масштабе вовлечены сотни миллионов людей, вопрос будущего человечества является первостепенным. Вокруг проблемы социального прогнозирования концентрируются наиболее острые и насущные вопросы, волнующие целые классы, отдельные социальные группы, людей всех наций и по-

колений. В этих условиях буржуазная идеология стремится подменить объективную необходимость переустройства общества на социалистических началах перспективой развития человечества в рамках государственно-монополистического капитализма.

В конце 50-х и особенно в 60-е годы появились буржуазные социологические концепции о путях развития человеческого общества, о судьбах капитализма и социализма. Но они в отличие от теории «постиндустриального общества» не носили столь явно выраженного прогностического характера.

Американский социолог У. Ростоу в 1960 г. в книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» предпринял попытку зачеркнуть марксистскую историческую концепцию, объясняющую неизбежность гибели капитализма и победы социализма. Ростоу обещал ответить на ряд вопросов. Например: в результате какого толчка традиционные аграрные общества начинают процесс модернизации? какие силы обусловливают процесс непрерывного роста каждого общества? что определяет отношения между более развитыми и менее развитыми странами? куда ведет процесс роста к коммунизму или к какому-то иному обществу? Иначе говоря, Ростоу поставил перед собой цель разрешить важнейшие проблемы современности: указать пути экономического развития общества в целом и слаборазвитых стран в частности, определить общее направление в развитии различных стран, проанализировать взаимоотношения между передовыми и слаборазвитыми странами. Он рассматривает вопросы войны и мира, тенденции социального прогресса и перспективы развития человечества. Однако его концепция не стала научной основой предвидения и построения будущего, стимулом общественного прогресса.

Д. Белл, выступая на дискуссии американских футурологов летом 1967 г., довольно четко сформулировал задачу буржуазного социального прогнозирования. Он указал на необходимость создания более гибкой политической теории, способной использовать достижения науки и техники для выработки наилучших методов пропаганды, воспитания поведения масс. Это вызвано тем, что буржуазные идеологи понимают, что в современных условиях они не могут

осуществлять соответствующее манипулирование сознанием широких масс, «развенчать» идеалы коммунизма посредством открытых антикоммунистических выпадов. Для этого они пытаются придать своим концепциям наукообразный, прогностический характер. И в этой связи для них особое значение приобретает «изучение» процессов, протекающих в экономике, политике и идеологии как капиталистических, так и социалистических стран. Но разумеется, в этом «изучении» отсутствует объективный, научный конкретно-исторический подход.

В многочисленных статьях — отчетах членов Комиссии 2000 года, созданной при Американской академии искусств и наук, теория «постиндустриального общества» выдвигается как заманчивая футурологическая концепция, далекая от политики и идеологии, опирающаяся якобы на цифры и факты, анализирующая развитие науки и только на ее основе дающая социальный прогноз. Но это лишь видимость. В действительности теория «постиндустриального общества» выражает классовый характер общественного познания. Ее создатели ставят перед собой цель доказать невозможность становления коммунистической формации во всемирном масштабе.

Как справедливо отмечает Л. В. Скворцов, «антикоммунизм обнаруживает патологический страх перед будущим, возникающим на основе реальных тенденций исторического развития, упрочения социализма, разрядки международной напряженности. В этой связи получают распространение своего рода гадания о будущем, попытки исказить действительные перспективы исторического прогресса путем футурологических спекуляций» [1].

В стремлении опровергнуть вывод марксистской теории о смене капитализма коммунизмом теория «постиндустриального общества» не является оригинальной. Она представляет собой одну из разновидностей апологии капитализма, прикрывающейся прогностической формой и паразитирующей на некоторых аспектах человеческого познания.

Способность предвидения, в том числе и постро-

[1] *Л. В. Скворцов.* Идеологические мифы антикоммунизма: эволюция и новые тенденции. — «Вопросы философии», 1972, № 9, стр. 55.

ение прогнозов,— функция человеческого сознания. Авторы книги «Философия и прогностика» подчеркивают, что предсказание представляет собой аспект такой умственной деятельности (антиципаторная функция сознания), когда сознание исследует в форме идеальной модели положения, которых пока еще нет или которые не доступны ни опыту, ни проверке на практике[1]. Научное предвидение является результатом научно-теоретического анализа природы и характера закономерностей, механизма их действия; результаты такого предвидения могут быть проверены, уточнены. Ненаучное предвидение покоится на нереальных, искусственно сконструированных взаимосвязях, не учитывает действия объективных законов развития мира. Социальное предвидение, свойственное теории «постиндустриального общества», носит явно ненаучный, реакционно-утопический характер. Желаемое здесь трактуется как необходимое; желания, моральные требования, оценки да и сам социальный идеал занимают у постиндустриалистов место закономерных взаимосвязей. Такой подход рассмотрения будущей действительности является субъективным.

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что утопические идеалы могут быть двоякого рода: идеалы утопического социализма, которые явились одним из теоретических источников марксизма, и идеалы, за которыми нельзя признать никакой теоретической реальности, не говоря уже об их практическом осуществлении. Именно к последним относится утопизм теории «постиндустриального общества», увековечивающий в модернизированном виде систему капиталистических отношений. Но это — безжизненные мечты, ибо, «подобно тому как чудотворные исцелители и чудотворные целительные средства в медицине имеют своей основой незнакомство с законами *природы,* точно так же знахари и панацеи *в социальной области* имеют своей основой незнакомство с законами *социального* мира...»[2].

Теория «постиндустриального общества» предлагает невозможное: в новом обществе соединить вое-

---

[1] См. «Философия и прогностика». Мировоззренческие и методологические проблемы общественного прогнозирования. М., 1971, стр. 13—14.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 537.

дино основополагающие капиталистические принципы и прогрессивные тенденции в развитии науки, техники, экономики и культуры. Она провозглашает социальные цели и идеалы, практически недостижимые. Авторы теории «постиндустриального общества» постулируют такую модель отношений, которая не может быть реализована не только при существующей системе общественных отношений, но и вообще. «Постиндустриальное общество» — абстрактная возможность, мысленно отвлеченная от объективных законов общественного развития, всего исторического процесса. Не связано «постиндустриальное общество» и с исторической необходимостью, с закономерностями развивающейся действительности.

Известно, что многообразные материальные и идеологические отношения опосредуются способом производства материальных благ и их движением из сферы производства в сферу потребления. За внешне видимой хаотичностью экономических и социальных явлений протекает закономерный процесс функционирования социально-экономической системы. Каждый способ производства проходит в своем развитии различные стадии. Определить его исторический и логический исходный пункт — сложная проблема. Решить ее, как это делают, например, авторы теории «постиндустриального общества», путем ссылки на отдельные цифры и факты нельзя. Будущее общество не станет непосредственным продолжением настоящего или простым повторением прошлого. Оно неизбежно должно сосредоточить в себе диалектическое отрицание настоящего и принципиальное, качественное своеобразие по сравнению с прошлым. В теории же «постиндустриального общества» прошлое, настоящее и будущее оказываются смещенными в одну плоскость. Предвидение будущего выступает через призму настоящего, модернизированного научно-технической революцией.

В. И. Ленин указывал, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся... особенно наглядно в росте крупного производ-

ства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала,— вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма»[1]. Основоположники марксизма доказали возможность появления нового общественного строя, проанализировав противоречия, тенденции развития капитализма и пути их революционного снятия, но не брались судить о специфических путях и формах построения будущего. У авторов теории «постиндустриального общества» оказалось стертым различие между логическим (научным прогнозом) и историческим (реализацией прогноза) в развитии «индустриального общества» в «постиндустриальное». Проецирование, которое они осуществляют, ставит идеальное рядом с фактически существующим и отождествляет их. Белл замечает, что «постиндустриальное общество» — это лишь «идеальный тип» (в веберовском смысле слова), это схематическая характеристика не целостности общества, а только его «социальной системы»[2], но в то же время он считает, что «постиндустриальное общество» появляется в конце 40-х — 50-х годах, а в «социальной системе» этого общества остается институт государственно-монополистической собственности и буржуазное государство.

Теория «постиндустриального общества» приукрашивает капиталистический строй и его будущее и вместе с тем уходит от сегодняшней действительности к обществу 2000 года. Это весьма показательно, потому что буржуазная идеология оказывается не в состоянии уже защищать капитализм на почве нынешней реальности. Футурологические одежды социальной философии помогают ей прикрыть острейшие социально-политические проблемы сегодняшнего дня, необходимость их революционного разрешения. В концепциях постиндустриалистов обнаруживается прежде всего отрицательное отношение к реально существующему социализму, к марксистско-ленинской теории общественного развития, и это ведет их к спекулятивному идеализму, апологии капитализма, к утопическому просветительству.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 73.

[2] *D. Bell.* The Post-Industrial Society. — «Survey» (London), 1971, N 2, p. 159, 160.

Теория «постиндустриального общества» генетически связана со всем предшествующим развитием буржуазной философской, социологической и экономической мысли. Авторы теории «постиндустриального общества» в поисках аргументации, доводов обращаются не только к работам У. Ростоу, Ф. Перру, но и к более ранним источникам, уходя во времена Т. Веблена и даже обращаясь к А. Сен-Симону, Р. Оуэну, Э. Беллами. Они пытаются тем самым показать, что их теория не реклама типа «народного капитализма», а магистральная традиция, творчески осмысленная в новое время с учетом конкретных условий, и прежде всего — научно-технической революции. Так, Р. Тиболд считает своими ближайшими предшественниками «утопистов и субутопистов». Причем к утопистам он относит тех, кто «предвидел лучшую социально-экономическую систему», к субутопистам, т. е. современным последователям утопистов,— тех, кто хочет, чтобы были произведены своевременно изменения в социально-экономической системе капитализма в соответствии с требованиями научно-технической революции [1].

Д. Белл неоднократно говорит об А. Сен-Симоне как о своем предшественнике, связывая даже название своей теории с именем великого социалиста-утописта. В работе «Измерение знания и технологии» он пишет: «Я проследил этот технологический термин (речь идет о понятии «индустриализм».— *Г. И.*) у таких писателей, как Сен-Симон, Курно, Тейлор и Веблен. Позаимствовал его, чтобы проиллюстрировать постиндустриальный мир...» [2]. В докладе на VII Международном социологическом конгрессе Белл снова подчеркнул связь своих взглядов со взглядами Сен-Симона. Но Сен-Симона нельзя рассматривать в качестве идейного предшественника Белла. «...Крупнейший мыслитель Франции,— как правильно отмечает Ю. К. Островитянов,— видел гораздо дальше, чем считает Дэниел Белл. В самом начале историче-

[1] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets. New York, 1963, p. 84—85.

[2] *D. Bell.* The Measurement of Knowledge and Technology.— «Indicators of Social Change». New York, 1968, p. 245—246.

ского развития он разглядел рабовладельческий строй, в его середине — феодальную монархию и промышленный капитализм, в перспективе — всеобщую ассоциацию свободных тружеников: гуманное социалистическое общество» [1].

Сен-Симону принадлежат идеи относительно «промышленной и научной» цивилизации. В работе «О промышленной системе» (1821) он указывает, например, что цивилизация развивается «от феодальной и теологической системы к промышленной и научной» [2]. С развитием «промышленно-научной системы» на политическую арену выступают промышленники и ученые. По его мнению, промышленники и ученые «могут организовать общество в соответствии со своими желаниями и потребностями, так как ученые обладают силами интеллектуальными, а промышленники располагают силами материальными» [3]. Аналогичные мысли высказывает Сен-Симон в работах «Катехизис промышленников», «Рассуждения литературные, философские и промышленные». Основная задача промышленной системы, пишет он,— установление ясного и разумно комбинированного плана работ, которые должны быть выполнены обществом.

Мысли Сен-Симона — живые, диалектичные. Белл живую, дерзкую мечту Сен-Симона пытается заключить в каноны плоского эволюционизма. Своим последовательным детерминизмом, представлением о диалектическом характере исторического процесса сен-симоновская философия ведет не к «постиндустриальному обществу», а к социализму. Сен-Симону принадлежит почетное место в истории социализма; его взгляды послужили важнейшим теоретическим источником марксизма. Из всей живой диалектической философской мысли Сен-Симона постиндустриалисты взяли на вооружение идеи о промышленной цивилизации и промышленной технократии, да и то не в изложении самого Сен-Симона, а скорее его учеников-эпигонов, например, О. Конта.

Идеи об обществе ученых, о ведущей роли мате-

---

[1] *Ю. К. Островитянов.* «Постиндустриальная цивилизация», или капитализм в 2000 году? — «Вопросы философии», 1969, № 7, стр. 41.

[2] См. *Сен-Симон.* Избр. соч., т. II. М.—Л., 1948, стр. 5.

[3] См. там же, стр. 90.

матиков, кибернетиков, инженерно-технических работников содержатся в статьях Д. Белла «Заметки о постиндустриальном обществе», «Измерение знания и технологии», в его работе «Приходящее постиндустриальное общество», в книге Г. Кана и Э. Винера «Год 2000», а также и у З. Бжезинского в статье «Америка в технотронный век». Однако можно с полным правом утверждать, что идеологам «постиндустриального общества» необходимо имя великого утописта-социалиста, а не его социально-философские воззрения.

Представители буржуазно-реформистского направления теории «постиндустриального общества» несколько иначе относятся к теоретическому наследию социалистов-утопистов. Так, например, Р. Тиболд, как и Р. Оуэн, резко критикует капиталистическую систему, вскрывает ее противоречия, но разрешение их видит в «разумной» деятельности государства. В книге «Свободные люди и свободные рынки» Тиболд, показывая последствия автоматизации на фирме «Американ электрик», вскрывает капиталистические противоречия, ограничивая их, правда, лишь сферой распределения доходов. С целью оздоровления общества он предлагает осуществить перераспределение доходов, добившись от буржуазного государства гарантированного дохода для каждого члена общества. Тиболд полагает, что его план является реальным, так как современное общество создает достаточное количество продуктов, и необходимо лишь с помощью государства взять некую часть у привилегированных членов общества и передать бедным [1].

Аналогичные рассуждения встречаются у Р. Оуэна. Так, например, Оуэн писал: «. . .привилегированные классы поступят всего умнее, если они искренно и любовно будут работать вместе с теми, кто хочет доставить максимум счастья как привилегированным лицам, так и всему обществу; не надо забывать, что такие люди не хотят ни на иоту ограничивать теперешних мнимых выгод привилегированного класса общества. Стоит привилегированным хоть немного углубиться в суть дела, и они безусловно придут к такому решению. Тогда мир окажется подготовленным — без какого-либо внутреннего переворота, без

[1] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 38, 166—167.

войны и кровопролития, даже без преждевременной ломки существующих условий — к принятию принципов, которые только одни могут дать счастье и устранить все враждебные чувства...»[1].

Р. Тиболд, так же как и Р. Оуэн, считает возможным «единение» угнетателей и угнетенных, он верит, что «новое общество» возникнет, если осуществить его «план спасения».

Р. Тиболд, М. Харрингтон, авторы «Манифеста «тройственной революции»»[2], указывают на страдания масс, нищету, безработицу и призывают, как и Р. Оуэн, поспешить на помощь страдающим.

Многие положения реформы Тиболда о перераспределении дохода общества с помощью буржуазного государства напоминают рассуждения Э. Беллами. В книгах «Через сто лет» и «Куда мы идем?» Беллами проводит мысль, что революции не изменяют общего хода социальных явлений. Революции он характеризует как внезапный толчок, за которым следует обыкновенно более или менее сильная реакция; но лет через 20—30, утверждает он, все приходит в норму и получается тот же результат, который получился бы и без революции. Беллами считает, что общество 2000 года возникает благодаря развитию промышленности и «разумной» деятельности буржуазного государства.

Вслед за Э. Беллами Р. Тиболд обращает свои взоры к буржуазному государству с надеждой, что оно установит справедливый порядок. «Правительства, — заявляет он, — ответственны за обеспечение каждой личности достаточным количеством средств существования, чтобы жить ей как члену общества»[3]. Условием, обеспечивающим в обществе изобилие, он считает «кибернетическую революцию», полагая при этом, что «американская индустрия будет окончательно кибернетизирована к концу нынешнего века, точнее, к 2062 году...»[4].

---

[1] *Роберт Оуэн.* Образование характера. Новый взгляд на общество. СПб., 1909, стр. 10.

[2] Авторами «Манифеста «тройственной революции»» являются 32 человека: ученые, публицисты, профсоюзные деятели и бизнесмены США, стоящие на позициях буржуазного реформизма; один из авторов «Манифеста» — Р. Тиболд.

[3] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 16.

[4] Там же, стр. 128.

Конечно, нельзя подходить с одинаковой оценкой к воззрениям Р. Оуэна и Р. Тиболда. Утопизм Оуэна носил социалистический характер. Он пришел к убеждению в необходимости переустройства общества на социалистических началах. Его заслугой явилось стремление связать социализм с рабочим движением. Об этой деятельности Оуэна писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», показав, как свой «решительный коммунизм» Оуэн проводил на практике в течение пяти лет (в конце 30-х — начале 40-х годов). Вместе с тем Ф. Энгельс отметил, что «утописты... были утопистами потому, что они не могли быть ничем иным в такое время, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито. Они были вынуждены конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо в самóм старом обществе эти элементы еще не выступали так, чтобы быть для всех очевидными...»[1].

Утопизм Тиболда носит буржуазно-реформистский характер. Он строит утопическое здание будущего, абстрагируясь от современной истории, не приемлет в качестве реальности будущего человечества социализм и коммунизм. И несмотря на то что Тиболд считает себя последователем Оуэна и старается кое-что у него позаимствовать, истинного родства у него с великим утопистом-социалистом нет.

Итак, ни Сен-Симон, ни Оуэн не являются предшественниками постиндустриалистов, хотя последние упорно об этом говорят.

Каковы же действительные идейно-теоретические источники постиндустриализма?

Теория «постиндустриального общества» опирается на ряд концепций буржуазной общественной науки, среди них: «технократические теории» американских экономистов Т. Веблена, Г. Минза, А. Берли, Д. Бернхэма, французского экономиста Ж. Фурастье; теории «народного капитализма» и «государства всеобщего благоденствия»; теории «индустриального общества» французских социологов Р. Арона, Ф. Перру; теория «стадий экономического роста» американского экономиста и политолога У. Ростоу. Постиндустриалистов привлекает в этих теориях признание (на словах) общественного прогресса; объяснение обще-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 276.

ственного развития исходя из принципа «технологического детерминизма»; интерпретация научно-технической революции и ее социальных последствий в духе буржуазной идеологии; абсолютизация и идеализация некоторых явлений, связанных с развитием государственно-монополистического капитализма.

Особенно большое влияние на разработку теории «постиндустриального общества» оказали различного рода «технократические теории», основоположником которых в США является экономист Т. Веблен (1857—1929). Обращение ныне к взглядам Веблена— свидетельство того, что вновь происходит разбор архивов социальной философии для более «убедительного» обоснования «новых» идей [1].

Авторы теории «постиндустриального общества» делают неоднократные ссылки на Веблена, в частности на его работу «Инженеры и система цен», в которой, как указывает Белл, его привлекли рассуждения о собственности, технической ориентации и политической власти.

В работе «Инженеры и система цен» (1921) Веблен пытается вскрыть причины социальных конфликтов, исходя из анализа функционирования техники. Корень всех бед он усматривает в игнорировании развития техники, физики, промышленности классом «капитанов индустрии», который руководствуется лишь стремлением к получению прибыли. Веблен, критикуя капитализм, указывает на «единственное средство, способное его спасти, — «совет техников»», который должен мирно вытеснить собственников из сферы производства и общественной деятельности.

Д. Белл, Д. Гэлбрейт и другие постиндустриалисты используют в своих концепциях вебленовский анализ значения науки и места машинной техники в системе общественных связей и отношений. На основе этого анализа они формируют ряд исходных посылок для технологической интерпретации историче-

---

[1] Как указывалось в журнале «Политикал аффэрс», органе коммунистов США, учение Т. Веблена находит сегодня наиболее яркое выражение «в распространенных представлениях среди определенной части экономистов и социологов, предсказывающих неизбежное исчезновение рабочего класса и его замену учеными и инженерами как последствие автоматизации» (*E. Bert.* Thorstein Veblen. Social Critic. — «Political Affairs», July 1964, p. 47).

ского процесса и определения характерных черт индустриальной культуры.

Взгляды Веблена не только поддерживаются постиндустриалистами, но и развиваются дальше. В теории «постиндустриального общества» проводится мысль, что социальные проблемы могут быть решены при рациональном использовании физических наук и техники. Создатели теории «постиндустриального общества», как и Веблен, признавая технический прогресс, фетишизируют его, и это становится средством оправдания существования капитализма.

Главные идеи Веблена легли в основу теории «революции управляющих» американского профессора философии Д. Бернхэма, изложенной им в работах «Революция управляющих» (1941) и «Маккиавеллианцы — защитники свободы» (1943) [1]. В свою очередь необоснованно преувеличенное значение функции управления в условиях монополистического капитализма получило дальнейшее развитие у авторов теории «постиндустриального общества». Они, как и Бернхэм, считают, что «управляющие» — это не только новый класс в производстве, но и решающая социальная сила. В основе политического и экономического господства лежат не «отношения собственности», а «отношения управления». Они говорят о принципиальном различии между капиталистами и менеджерами, утверждают, что именно менеджеры являются ныне хозяевами, ибо они управляют производством. Современные капиталисты, по их мнению, перестали быть частными собственниками, так как лишились контроля над орудиями и средствами производства, перестав заниматься хозяйственными вопросами.

Большое внимание постиндустриалисты, как и технократы, уделяют регулирующей деятельности государства в области экономики. В свое время Бернхэм

[1] В свою очередь на Д. Бернхэма имели определенное влияние также и идеи А. Берли и Г. Минза, изложенные ими в книге «Современная корпорация и частная собственность» (1932). Правда, впоследствии сам Д. Бернхэм оказал влияние на А. Берли, который в работах «Капиталистическая революция XX века» (1955), «Власть без собственности» (1959), «Американская экономическая республика» (1963) и в ряде других высказывал положения, сходные с концепцией Д. Бернхэма. Он утверждал, что современный капитализм — это капитализм без капиталистов, а «капиталистическая революция» призвана покончить с социалистической революцией.

отмечал: «Государство и его институты будут, если можно так выразиться, «собственностью» управляющих. И этого будет вполне достаточно, чтобы эти последние очутились в положении правящего класса»[1].

З. Бжезинский считает правомерным и необходимым появление в «технотронном обществе» элиты в лице организаторов промышленности и ученых, которые образуют «верхушку господствующего класса»[2]. У Бжезинского речь идет прежде всего о благотворном влиянии «технотронной революции» в период между двумя веками — XX и XXI, когда и произойдет, по его мнению, окончательное соединение «экономической власти с политической властью» в лице инженеров и ученых.

Следует отметить, что если концепция Бернхэма оказала прежде всего влияние на представителей реакционно-апологетического направления теории «постиндустриального общества», то взгляды Берли — на представителей буржуазно-реформистского направления. Например, идеи А. Берли и Г. Минза относительно крупной капиталистической корпорации и частной собственности легли в основу разработки концепции «нового индустриального общества» Д. Гэлбрейта. Берли и Минз говорят, что современная корпорация может быть рассмотрена не просто как одна из форм социальной организации, а, возможно (если не действительно), как преобладающее учреждение современного мира.

Рост современной корпорации, утверждают они, обеспечивается концентрацией экономической власти, которая на равных условиях может конкурировать с современным государством, причем в будущем возможен «экономический организм» нового типа, а «закон корпораций соответственно можно скорее рассматривать как возможный основной закон для нового экономического государства...»[3]. Эти мысли Берли и Минза перекликаются со взглядами Гэлбрейта на корпорацию. «Индустриальное общество» у него — это мир крупных корпораций. Именно они определя-

[1] *J. Burnham.* The Managerial Revolution. New York, 1944, p. 72.

[2] *Zbigniew Brzezinski.* America in the Technetronic Age. New York, 1967, p. 4.

[3] *A. Berle* and *G. Means.* The Modern Corporation and Private Property. New York, 1933, p. 352.

ют характер современной экономики. Гэлбрейт вводит понятие «зрелая корпорация» (the mature corporation) в отличие от «предпринимательской» корпорации, характерной для конца XIX — первой трети XX в. Гэлбрейтовская «зрелая корпорация» обладает экономической силой для того, чтобы избавить себя от направляющего воздействия рынка. Этой корпорацией руководит не группа собственников, а так называемая «техноструктура», являющаяся «мозгом предприятия»[1]. Изучение такого, с точки зрения Гэлбрейта, «нового» явления, как «техноструктура», снова возвращает нас к взглядам Берли и Минза об исчезновении класса капиталистов и о возникновении «нового общества» благодаря усилению роли государства и росту корпораций.

Итак, очевидно, что идеологи теории «постиндустриального общества» развивают основные положения «технократических» концепций. Они пришли к выводу, что определяющую роль в «социальной трансформации» капиталистического строя играет техника; замену индивидуального капиталиста акционерной компанией они выдают за превращение капиталистического общества в новый общественный строй; господствующим классом «нового» мира рассматривают менеджеров, ученых, инженерно-технических работников; приход к управлению предприятием менеджеров означает для них исчезновение капитала; выполнение буржуазным государством хозяйственных мероприятий постиндустриализм характеризует как свидетельство появления нового общества; техническая интеллигенция и ученые призваны, по их мнению, руководить этим обществом.

На разработку теории «постиндустриального общества» определенное влияние оказали социологические взгляды французского социолога Ж. Фурастье, и особенно его идеи, связанные с социальным прогнозированием. В работе «40 000 часов» он указывает, что «великое техническое и экономическое изменение преобразует человеческое существование». Говоря о так называемой «эволюции социалистического идеала», Фурастье утверждает, что современный капитализм сумел преодолеть те противоречия и несовершенства,

[1] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 113.

которые разоблачали социалисты XIX в., что ликвидация эксплуатации человека человеком «не освобождает человека от зла». Чтобы иметь совершенное общество, «недостаточно ликвидировать частную собственность». По мнению Фурастье, человеку нет необходимости ломать капиталистические порядки и строить социализм, ибо лишь капитализм приведет его к «обществу изобилия». Характеризуя черты ближайшего будущего, он говорит о предполагаемом уровне жизни. Но тут же оправдывает в капиталистическом мире «иерархию доходов», уверяя, что капиталисты не только берут у общества, но и дают ему [1].

Г. Кан, так же как и Фурастье, считает возможным совершенствование общества в рамках сохранения частной собственности буржуазного государства. Противоречия капитализма, по его мнению, снимаются накоплением научных и технических знаний, нововведениями, увеличением изобилия, грамотностью и образованием. Кан и Винер в главе «Комментарии по науке и технологии» своей книги «Год 2000» подробно рассматривают прогнозы развития электроники, автоматики, информационных процессов, биологии, медицины. Они отмечают, что автоматика и электроника не только обеспечат увеличение производительности труда и рост экономики, но и создадут условия для полной занятости рабочих и служащих [2]. Их очень занимает вопрос распределения дохода на душу населения. Они, как и Фурастье, хотели бы «среднего человека» превратить в «богатого человека»; «новое общество» они характеризуют небывалым ростом народонаселения и сокращением рабочей недели (1200 рабочих часов в год — у Фурастье и 1100 часов — у Кана и Винера) [3].

Как видно, общие черты «постиндустриального общества» очень напоминают общие черты «человеческого существования в начале XXI века», сформулированные Фурастье.

В книге «Основные идеи. За гуманизацию научного общества» Фурастье намечает ряд тенденций в экономическом росте высокоразвитых стран. По его мне-

[1] *J. Fourastié.* Les 40 000 Heures. Paris, 1965, p. 147.

[2] *Herman Kahn* and *Anthony J. Wiener.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next Thirty—Three Years. London, 1969, p. 93.

[3] См. там же, стр. 195.

нию, перераспределение занятости приведет к тому, что в сельском хозяйстве будет занято 5% населения, в тяжелой промышленности — 10, а в сфере создания предметов комфорта, роскоши, в управлении и обслуживании — 85% [1]. Аналогичные рассуждения встречаются у Кана, Белла, Бжезинского и др.

Кан, например, пишет: «На первое место выдвигается сфера обслуживания по сравнению с производством», Бжезинский считает, что важнейшим признаком «постиндустриального общества» является то, что «промышленная занятость уступает место сфере обслуживания», а Белл в качестве первого признака «нового общества» выдвигает «создание экономики обслуживания» [2].

Постановка данной проблемы оправданна, и она, естественно, вызывает необходимость анализа ряда вопросов, и в частности анализа тенденции быстрого роста объема сферы обслуживания в экономике развитых капиталистических стран. Однако и Фурастье и постиндустриалисты абсолютизируют эту тенденцию, отрывают сферу услуг от ее непосредственного фундамента — материального производства и на этой основе делают неправильные выводы.

Теория «постиндустриального общества» тесно связана с теориями «народного капитализма» и «государства всеобщего благоденствия». Все основные положения «народного капитализма» нашли свое отражение и дальнейшее развитие в теории «постиндустриального общества». Теория «народного капитализма» возникла в 50-х годах в США. В ее пропаганде ведущая роль принадлежала американским буржуазным экономистам и социологам — А. Берли, П. Дракеру, Л. Келсо, М. Адлеру, Г. Крусу и др. Идеи «народного капитализма» получили в середине 50-х и начале 60-х годов широкое распространение в странах Запада.

Важнейшая часть этой доктрины — теория «демократизации капитала», рассматривающая в качестве основного признака «народного капитализма» широкое

[1] *J. Fourastié.* Idies Majenres. Pour un Humanisme de le Société Scientifique. Paris, 1960, p. 36.

[2] *H. Kahn* and *A. J. Wiener.* The Year 2000, p. 186; *Z. Brzezinski.* America in the Technetronic Age, p. 3; *D. Bell.* The Measurement of Knowledge and Technology. — "Indicators of Social Change", p. 153.

распространение акционерной формы капитала, вошла как важнейший постулат в концепции «постиндустриального общества». Представители теории «народного капитализма» энергично проповедующие тезис, что Америка становится страной «народного капитализма», заявляли о том, что если акции получат широкое распространение, то это приведет капитализм к конечным целям социализма — к тому, что народ будет владеть средствами производства, но при этом не будет принесена в жертву стимулирующая система капитализма...

Идеи «демократизации» управления производством, в результате которой на смену крупным собственникам приходят менеджеры, или управляющие, образующие новый, отличный от капиталистов класс, защищающий интересы народа, использовались для обоснования теории «постиндустриального общества». В 50-х и в начале 60-х годов Берли писал: «Капитал существует, существует и капитализм, исчезает сам капиталист. Он уже в значительной мере сошел со сцены...» [1] При этом он подчеркивал, что в США якобы произошла незаметная «социальная революция», в ходе которой утвердился совершенно «новый общественный строй», именуемый им «народным капитализмом», «американской экономической республикой». Последняя, по его словам, преодолела не только классический капитализм, но и марксистский коммунизм, ставший «музейной редкостью мысли и культуры XX столетия» [2].

Эта «новая» социальная система, утверждает он, воплотила в себе «экономическую демократию», в условиях которой менеджеры осуществляют власть без собственности, а прибыль и частная собственность корпораций «социализировались». Аналогичные рассуждения встречаются у постиндустриалистов [3].

---

[1] *A. Berle.* The 20-th Century Capitalist Revolution. New York, 1954, p 39.

[2] *A. Berle.* Power without Property. A New Development in American Political Economy. New York, 1959, p. 68.

[3] В американской и английской буржуазной прессе приводилось много расчетов подобного рода. Наиболее известны расчеты американского буржуазного экономиста С. Кузнеца, пытавшегося подвести под теорию «уравнения в доходах» некую научно-статистическую базу (*S. Kuznetc.* Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. New York, 1953; *его же.* Capital

Третий компонент, на котором зиждется буржуазная доктрина «народного капитализма» и который нашел свое отражение в теории «постиндустриального общества», — это концепция «революции (или уравнения) в доходах». Суть ее состоит в утверждении, что за последние десятилетия произошла «революция» в распределении национального дохода в пользу низкооплачиваемых слоев населения. Эти идеи нашли свое отражение у Тиболда, именно это пытается доказать Кан своими таблицами о среднем уровне дохода на душу населения в «постиндустриальном обществе».

Доктрина «народного капитализма» тесно смыкается с другой апологетической концепцией — теорией «государства всеобщего благоденствия». Основной тезис этой концепции таков: если раньше буржуазное государство ограничивалось ролью «ночного сторожа», то теперь его функции изменились «коренным образом». Цель «государства всеобщего благоденствия», пишет К. Боулдинг, «состоит в обеспечении благоденствия всех его членов» [1]. Аналогичные взгляды высказывают американские экономисты и социологи — Д. Кларк, А. Берли, М. Лернер, Э. Хансен и др. Важнейшим признаком «государства всеобщего благоденствия» они объявляют социальные мероприятия буржуазного государства, особенно введение прогрессивного налогового обложения и социальное законодательство, которое якобы призвано обеспечить справедливое распределение национального продукта, уменьшить социальное неравенство и обеспечить экономическое процветание. Подобные идеи встречаются в книге Р. Тиболда «Свободные люди и свободные рынки».

Непосредственными и главными теоретическими источниками концепций «постиндустриального общества» являются теории «индустриального общества» и «стадий экономического роста» У. Ростоу.

Теория «индустриального общества» оформилась в 1957—1958 гг., теория «стадий экономического роста» — двумя годами позже. Обе они в качестве фак-

---

in the American Economy. Its Formation and Financing. Princeton, 1961).

[1] *K. Boulding*. Principles of Economic Policy. New York, 1958, p. 11.

торов, определяющих общественное развитие, берут технико-экономические показатели (уровень науки и техники, производительность труда). При этом первая является моделью современного этапа развития промышленных стран, вторая претендует на универсальную схему развития человечества, на всеобщую теорию общественного прогресса.

Концепция «постиндустриального общества» пытается синтезировать обе эти теории, идеализируя государственно-монополистический капитализм, спроецированный в будущее.

Рассмотрим связь теории «постиндустриального общества» с теорией «индустриального общества». Постиндустриалисты часто дают характеристику «постиндустриального общества», противопоставляя его «индустриальному обществу», хотя, как и представители теорий «индустриального общества», они рассматривают развитие техники чем-то неотвратимым, способствующим возникновению серьезных социальных изменений.

Авторы некоторых концепций «постиндустриального общества», как и представители теории «индустриального общества», стремятся толковать развитие капиталистического и социалистического общества в качестве сближения индустриальных систем. Так, один из основоположников теории «индустриального общества», французский экономист и социолог Перру, исходя из того, что экономическая жизнь в наше время складывается из трех элементов: науки, техники и промышленности, не видит различий между «этатизированными классовыми обществами», как он называет и США и СССР [1].

Другой французский социолог, Р. Арон, историко-экономическую эволюцию человечества разделяет на две эпохи: «традиционное, или архаическое, общество» и «индустриальная система». По Арону, «производительная сила выступает источником богатства» [2].

Авторы теории «индустриального общества» справедливо провозглашают «производительные силы источником богатства». Но, выдвинув общий тезис, они

---

[1] *F. Perroux.* Industrie et Creation Collective. Saint-Simonisme de XX Siécle et Creation Collective. Paris, 1964, p. 72.

[2] *R. Aron.* 18 Lectures on Industrial Society. London, 1967, p. 47.

дальше не идут. Положив в основу периодизации экономического и исторического развития общества набор разнородных технико-экономических показателей, постиндустриалисты приравнивают к одной и той же экономической системе разнородные типы производственных отношений. Отсюда, по мысли всех идеологов индустриализма, и в том числе постиндустриализма, государство в любом «обществе изобилия» может добиться справедливого распределения материальных благ.

Соглашаясь с утверждением Перру, что капитализм и социализм вследствие высокого индустриального развития составляют «единый мир», Р. Арон пишет: США и СССР, социализм и капитализм — это два варианта одного и того же «индустриального общества». У них одинаковые ценности и одна и та же цель — «эксплуатация природных ресурсов», а политический строй, форма собственности, система управления — все это лишь внешнее оформление «индустриального общества». По мнению Арона, «чем больше развивается современная индустрия, тем меньше становится частнособственнических отношений. Никто персонально не владеет заводами Кирова или «Дженерал моторс». Различия между существующими двумя обществами выражаются в социальном происхождении менеджеров и распределении власти» [1].

Авторы буржуазно-реформистского и либерально-буржуазных направлений теории «постиндустриального общества», так же как и Арон, фиксируя влияние научно-технической революции на процесс дальнейшего обобществления производства в капиталистических странах, вместе с тем отмечают, что этот процесс определяет переход современного капиталистического общества в «постиндустриальное». Гэлбрейт, например, рассматривая обобществление средств производства при капитализме, сосредоточивает внимание на материально-техническом содержании производства, и умалчивает о его социальной форме. При этом современное капиталистическое общество изображается им как некая «индустриальная система», или технико-организационный комплекс, как совокупность крупных предприятий, применяющих переловую технику.

[1] *R. Aron.* L'Opium des Intellectuels. Paris, 1955, p. 248.

Воздействие научно-технической революции на капиталистическое общество обстоятельно проанализировано советскими исследователями [1]. В частности, они убедительно показали, что концентрация и централизация капитала приводит не к нивелировке, а к углублению основных капиталистических противоречий. Научно-техническая революция не изменяет эксплуататорской сущности капитализма, класс капиталистов не исчезает. Менеджеры выступают либо как лица, принимающие участие в распределении и получении прибыли, либо как люди наемного труда.

Гэлбрейт, как и Арон, развивает идеи «конвергенции» капитализма и социализма. Он отмечает, что иные люди, толкующие о непроходимой пропасти между капитализмом и социализмом, стоят на позициях догматизма; они, по его мнению, не видят того, что «в ходе своего развития обе индустриальные системы сближаются...» [2].

Гэлбрейт вслед за Ароном полагает, что научно-техническая революция стирает различия между капитализмом и социализмом, осуществляя их индустриализацию. При этом и тот и другой концентрируют внимание на вопросах развития техники, технологии производства, производительности труда, т. е. на всестороннем рассмотрении развития производительных сил; производственные же отношения их интересуют в плане обмена и распределения; они абстрагированы от определяющей их основы — частной собственности на средства производства.

Здесь обнаруживается явное родство между теорией «постиндустриального общества» и теорией «индустриального общества».

И прежде всего общим для них является принцип «технологического детерминизма». Этот принцип кладется в основу объяснения всех важнейших общественных явлений. Согласно этому принципу, развитие

---

[1] См., например: *А. Г. Милейковский.* Марксизм и экономические предпосылки социалистической революции. — «Марксизм-ленинизм и проблемы мирового революционного движения», ч. I. [М., 1970]; *С. А. Далин.* Современный капитализм в свете «Капитала». — «Маркс и современность». М., 1968; *А. Б. Николаев.* Общественное воспроизводство и развитие научных исследований в США. Очерк теории. М., 1969, и др.

[2] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 454.

общества рассматривается лишь исходя из развития техники, при этом не воспроизводится многогранная закономерная связь техники с различными элементами социальной структуры. Наоборот, всячески подчеркивается, что социальная система выступает только как функция технической системы. Анализ исходного методологического принципа теории «постиндустриального общества» — «технологического детерминизма» — убедительно говорит о том, что постиндустриалистские претензии обосновать неизбежность преобразования капитализма в некое «новое общество», основанное на «знании и технологии», означает не что иное, как появление очередного варианта все той же теории «индустриального общества».

Как и Арон, многие авторы теории «постиндустриального общества» считают, что существует множество путей к «индустриальному обществу». К нему, по их мнению, можно прийти на основе социологических схем, моделей, выдвинутых различными мыслителями, начиная от Ш. Монтескье, О. Конта, М. Вебера и кончая современными социологами. Согласно их точке зрения, через всю историю общества проходит тенденция к «рациональности», и эта тенденция достигает своего кульминационного пункта в «постиндустриальном обществе». У Арона эта «рациональность» проявляется в «разнообразии выбора между моделями индустриальной цивилизации» [1]. Белл считает, что концепция «рациональности» Вебера и Арона нашла свое применение в индустрии и военном деле, а само появление «постиндустриального общества» и есть решение проблемы «рациональности».

Как известно, Вебер выдвигает понятие «идеальный тип», соединяющее в себе наиболее существенные и характерные черты явлений, но взятые в их «идеальном виде», т. е. в том виде, который они примут, если логически их продумать «до последних пределов». «Идеально-типическая конструкция» Вебера выдается им за своего рода масштаб для измерения действительных отношений. Она рассматривается как конструкция, которую мышление создает, чтобы измерять различные связи. Вебер утверждает, что «идеальные типы» служат ориентирующей нитью, при помощи которой можно разобраться в сложной взаи-

[1] *R. Aron.* L'Opium des Intellectuels, p. 248.

мосвязи явлений, а схемы не поглощают без остатка историческую действительность. «Идеально-типический» характер схем позаимствовали у Вебера авторы теории «постиндустриального общества».

Белл, например, отмечает, что «постиндустриальное общество» — это некая схематическая характеристика веберовского типа, включающая прежде всего «интернационализацию научных и технологических процессов», однако форма «их выражения будет разная в различных странах» [1].

Что же представляет собой эта схематическая общая основа, «идеальный тип»? Это прежде всего, утверждает Белл, технология, социально-классовая структура и экономика. Отличие стран определяется лишь политическими системами и культурой [2].

Методология Вебера присуща Кану и Винеру, Арону и Беллу, которые полагают, что их прогноз на 2000 год удачно сочетает социологию с историей. Известную дань Веберу отдает также и Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество».

Одна общая идея пронизывает работы авторов теорий «индустриального» и «постиндустриального общества» — *капитализм внутренне изменился:* произошло снятие противоречий между рабочим и капиталистом; прибыль в новом обществе перестала быть целью производства. Как похожи высказывания Арона и Гэлбрейта об уменьшении роли прибыли в современном «индустриальном обществе». «...Начиная с какого-то определенного уровня движущий мотив прибыли, — утверждает Арон, — начинает играть все меньшую роль. Если мы, например, рассмотрим крупное американское предприятие, то его менеджер уже не ставит своей целью получение выгоды...» [3] «Развитая корпорация... не принуждается к максимизации прибыли и не добивается этого, — вторит ему Гэлбрейт. — Это позволяет ей преследовать иные цели... Цели корпорации... должны быть совместимы с целями общества, с целями тех, из кого она состоит» [4].

Подобные разговоры о роли прибыли в современном буржуазном обществе не имеют реальной осно-

[1] *D. Bell.* The Post-Industrial Society. — "Survey", 1971, N 2, p. 160.

[2] См. там же.

[3] *R. Aron.* 18 Lectures on Industrial Society, p. 120—121.

[4] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 205.

вы; это своего рода пропагандистский маневр. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл отметил в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, что американский финансово-индустриальный капиталистический комплекс «стал еще более диким чудовищем эксплуатации, нацеленной на максимальную прибыль. Он находит все новые способы, чтобы выжимать все новые соки. За последние десять лет степень эксплуатации труда повысилась на 17 процентов» [1].

Правда, монополии вынуждены считаться с современной обстановкой, с ростом влияния социалистической системы, с усилением классовой борьбы в мире капитала. В этих условиях они стремятся создать видимость участия трудящихся в управлении производством, в распределении прибылей. Но еще В. И. Ленин писал, что «усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собой в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких трудящихся масс» [2]. Этот вывод каждодневно подтверждается фактами реальной действительности, всем ходом развития государственно-монополистического капитализма. В программе Коммунистической партии США сказано, что «вопиющее противоречие между возможностями и фактическим положением вещей не случайно. Оно объясняется не ошибками того или иного политического деятеля. Оно органически присуще экономическому строю, при котором движущей силой класса, господствующего в стране, является извлечение частных прибылей» [3].

Другим непосредственным и главным источником теории «постиндустриального общества» является теория «стадий экономического роста» У. Ростоу. Авторы теории «постиндустриального общества», так же как и их предшественник Ростоу, явно претендуют «подняться» выше К. Маркса. Ростоу считает, что он дал

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 545.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 149.

[3] «Новая программа КП США». — «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 11, стр. 77.

«теорию всей новой истории» и что его концепция имеет большое сходство с «исторической теорией Маркса», поскольку обе теории «изучают, как в целом развивается общество, рассматриваемое в экономической перспективе, обе признают, что экономические изменения имеют социальные, политические и культурные последствия» [1].

У. Ростоу в своей теории, которую он назвал «некоммунистическим манифестом», выступил против марксистско-ленинского учения об общественно-экономической формации и попытался снять проблему замены капитализма социализмом. Авторы теории «постиндустриального общества» тоже выступили с теорией «исторического развития», отрицая необходимость революционной замены капитализма социализмом. Они противопоставили марксистско-ленинскому учению о коммунистической общественно-экономической формации свое «учение» о «постиндустриальном обществе».

Из концепции Ростоу в теорию «постиндустриального общества» перенесен ряд основных вопросов, среди них: деление истории общества на последовательные стадии поступательного развития; определяющие факторы общественного развития — техника и наука. Обе теории общественный прогресс рассматривают как технический прогресс; идеал будущего общества видят в мещанском благополучии.

Согласно теории «стадий экономического роста», каждое общество в своем развитии проходит пять последовательных стадий экономического роста: 1) традиционное общество, 2) стадия созревания предварительных условий для сдвига, 3) сдвиг, 4) стадия движения к зрелости, 5) эпоха высокого массового потребления. Ростоу в предположительной форме ставит вопрос о шестой стадии, которая обозначена им термином «за потреблением» и связывается с «уменьшением значения в глазах людей роста реального дохода в обычной форме и вместо этого повышением интереса к увеличению семьи» [2].

Кан и Винер как бы развивают эту идею Ростоу о «шестой стадии», когда рассматривают «шесть эко-

[1] *W. W. Rostow.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960, p. 148.

[2] См. там же, стр. 11—12.

номических групп», т. е. типов общества, которые якобы будут существовать в 2000 году[1]. При этом вслед за Ростоу они утверждают, что общество «массового потребления» не последняя ступень общественного развития. Ростоу эту следующую ступень лишь наметил, постиндустриалисты же занялись ее разработкой и назвали «постиндустриальным обществом».

Авторы теории «постиндустриального общества», как и Ростоу, выдвигают свою концепцию философии истории. В частности, они дают следующую периодизацию истории:

1) предындустриальная стадия; 2) переходная; 3) индустриальная; 4) массового потребления; 5) постиндустриальная[2].

Пороки теорий «стадий экономического роста» и «постиндустриального общества» одинаковы. Обе теории игнорируют классовое содержание общественного развития, анализ производственных отношений, определяющих качественную специфику общества; отрицают социальные революции в общественном развитии. В них отсутствует качественная характеристика производительных сил на различных этапах развития общества. Принципы классификации общества и критерии исторического прогресса берутся произвольно. Концепция «исторического развития» в обоих случаях носит абстрактно-схематический, метафизический характер.

В теории «постиндустриального общества», как и в теории «стадий экономического роста», проводится мысль, будто социализм не обладает какими-либо преимуществами перед капитализмом, что будущее человечества — не коммунизм. Разбирая вопрос об отличиях в развитии США и СССР, Ростоу отмечает, что эти отличия сводятся к тому, что переход к зрелости в США совершался в период мира, а в СССР он протекал после 1928 г., на фоне приготовления к войне; что в США уровень потребления на душу населения был на каждом этапе выше, чем в СССР[3].

Характерным для вышеуказанных теорий является отождествление капиталистических и социалистических стран по технико-экономическим показателям.

---

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 59—60.

[2] См. там же, стр. 58.

[3] *W. W. Rostow*. The Stages of Economic Growth, p. 98—99.

Так, например, Кан и Винер, говоря, что в число «постиндустриальных обществ» войдут по порядку страны: США, Япония, Канада, Скандинавские страны, отмечают, что индустриальные страны Западной Европы, СССР, Израиль, Чехословакия, Австралия, Новая Зеландия, ФРГ имеют возможность стать «постиндустриальными» [1], т. е. здесь социалистические и капиталистические страны рассматриваются как однотипные: СССР, дескать, находится на одном социально-экономическом уровне развития с Францией, Италией, Израилем и т. д. Ростоу считает, что общество «изобилия», «высокого массового потребления» уже наступило. Пример тому — США, и это далеко не коммунизм, о котором писал К. Маркс.

Авторы теории «постиндустриального общества», отрицая становление коммунизма, заявляют, что будущее принадлежит некому «постиндустриальному обществу». К тому же Кан и Винер рассматривают коммунизм не как социально-экономическую систему, а как «идеологию и революционную силу» [2]. Причем они считают коммунизм преходящим и «порождаемым бедными и недовольными».

Авторы теорий «постиндустриального общества» единодушны в том, что общественный прогресс — это в первую очередь технический прогресс. Внедрение научных данных в производство, появление новых машин, электроника и кибернетика, автоматизация и химизация производства, программирование и усовершенствование методов планирования — все это, по их мнению, способствует «социальной трансформации» индустриальной системы и ее постепенному превращению в «постиндустриальное общество», вступлению человечества в «технотронный век». В новом, «технотронном обществе», утверждают постиндустриалисты, будут править ученые и специалисты, они осуществят манипулирование человеческим сознанием и общественными явлениями.

Нашли свое место в теории «постиндустриального общества» и идеи теории «конвергенции». Теория «постиндустриального общества» испытала на себе воздействие не только «конвергенционных» взглядов Ростоу, концепции «индустриального общества», но и

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 20—22.
[2] См. там же.

основных положений теории «конвергенции», разработанной американским социологом П. Сорокиным.

В 1960 г. Сорокин опубликовал статью, которая уже самим названием «Социологическое и культурное сближение между Соединенными Штатами и Советским Союзом» [1] привлекла внимание широких кругов буржуазной общественной мысли. В 1964 г. идеи «конвергенции» он развивает в еще более широком плане. Этому он посвящает книгу «Основные тенденции нашего времени», третья глава которой называется «Взаимная конвергенция США и СССР к смешанному социально-культурному типу». «Взаимную конвергенцию» Сорокин рассматривает по таким направлениям: естествознание и техника; общественные науки; философия; этика и уголовное право; образование; спорт и отдых; изобразительное искусство; брак и семья; экономическая система; социальные отношения; политическая система. По всем этим направлениям он пытается обнаружить взаимосближение двух систем. Развивая свою концепцию, Сорокин приходит к выводу: «...я склонен думать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть современное критическое положение, то господствующий тип возникающего общества и культуры, вероятно, не окажется ни капиталистическим, ни коммунистическим, но будет своеобразным типом, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип общества является промежуточным между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни» [2]. Как видно, Сорокин речь ведет о сближении всей совокупности социальных отношений.

Постиндустриалисты в отличие от Сорокина идею «конвергенции» не разрабатывают в широком плане. Они принимают «конвергенцию» как тенденцию развития общества. Поэтому в теории «конвергенции» Сорокина их привлекают его историко-социологические взгляды, в частности, трактовка исторического процесса как смены неких повторяющихся культур, «суперсистем». Кан и Винер соглашаются с Сорокиным, рассматривая тенденцию развития культур, назва-

[1] "Zeitschrift für Politik", 1960, H. 4.

[2] *P. Sorokin.* The Basic Trends of Our Times. New York, 1964, 78.

ния и содержания которых они заимствуют у Сорокина. В конечном итоге они, как и Сорокин, включают социализм и капитализм в одну «чувственную суперсистему» [1]. И делается это на том основании, что и при социализме, и при капитализме в сфере общественного сознания большое место занимает опытное естествознание и распространение получает материалистический взгляд на мир. На словах Кан и Винер своеобразно относятся к теории «конвергенции». Так, они заявляют, что отвергают «так называемую теорию «конвергенции», в которой утверждается, что коммунизм и капитализм становятся более сходными и станут практически неразличимыми» [2]. Идея «конвергенции», уверяют они, заимствована у марксистов. Однако дальнейшие рассуждения свидетельствуют о том, что они считают невозможным сблизить лишь политические системы США и СССР, что же касается развития техники и науки, планирования и программирования, образования и досуга, роста дохода на душу населения, то все страны идут одинаковым путем [3]. Подобный взгляд на «конвергенцию» проводится и Бжезинским в его работе, написанной совместно с С. Хантингтоном, «Политические системы США и СССР. Сходство и различия, конвергенция или эволюция» (1964).

Представители теории «постиндустриального общества», как и П. Сорокин, игнорируют прогрессивный, поступательный характер общественного развития, подменяют его научно-техническим прогрессом; отрицают социальную революцию как необходимое условие перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Концепция «постиндустриального общества» Кана и Винера, как и концепция П. Сорокина, — гибрид буржуазных западноевропейских философско-исторических систем XIX—XX вв., и прежде всего циклической теории с современным американским неопозитивистским подходом к общественной жизни.

В последнее время обостряется дискуссия вокруг «теории конвергенции» двух систем. Идеи о том, что «конвергенция» носит обоюдный характер (у капита-

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 44—48.
[2] См. там же, стр. 260.
[3] См. там же, стр. 22.

листических и социалистических стран), подвергаются критике представителями реакционно-апологетического направления теории «постиндустриального общества». Бжезинский, Кан утверждают, что «конвергенция» носит односторонний характер; возможна лишь некоторая эволюция «восточной цивилизации» по направлению к «западной». Последняя же является обществом «новаторским и творческим», ибо коммунизм как цель запоздал для развитых капиталистических стран и «социализм советского толка как альтернатива развития общества» якобы потерял свою привлекательность и должен трансформироваться в «технотронное общество».

З. Бжезинский усиленно проповедует превосходство западной (североамериканской) цивилизации над восточной, видит в США источник, центр мировой истории. По его мнению, даже возможность изменения «восточной цивилизации» маловероятна, так как основными ее чертами являются стремление к мировому господству и «национализм». Правда, подчеркивает он, определенные социально-экономические сдвиги в ней произошли под влиянием научно-технической революции в сторону западных экономик.

Истолковывая социализм как некую аномалию в историческом развитии, Бжезинский предполагает в то же время его «выправление» на путях «возвращения» социалистической экономики к рынку. Если проанализировать множество материалов, появившихся в буржуазной печати за последние годы в связи с экономической реформой, проводимой в нашей стране, где последняя рассматривается как эволюция по направлению к капитализму, то можно заметить сходство выводов Бжезинского и многих других буржуазных экономистов. Эта экономическая реформа означает, по их утверждениям, падение роли планирования, возвращение к капиталистической рыночной экономике, восстановление капиталистического закона прибыли, капитулирование перед капиталистическими методами хозяйствования. А увеличение самостоятельности советских предприятий ставит якобы их руководителей в положение, аналогичное капиталистическим менеджерам.

С точки зрения Бжезинского, СССР, осуществляя совершенствование своей экономики, эволюционирует

в направлении к капитализму. Главной целью его «теории эволюции» является доказательство поэтапного «отступления» социализма от своих позиций. Характерным для Бжезинского является восприятие «односторонней конвергенции», т. е. идеи о медленном возврате стран социализма на путь «западного общества», для которого характерен «рыночный принцип» и «общественный плюрализм».

Но З. Бжезинский не удовлетворяется только некой «западной цивилизацией»; он выступает как откровенный пропагандист великой миссии США — миссии показать человечеству путь в будущее.

Несмотря на некоторое расхождение во взглядах представителей различных концепций «постиндустриального общества» на «конвергенцию» двух противоположных систем, все они одинаково отвечают на вопросы о принципиальном сходстве и различии между социально-политическими системами США и СССР, о путях построения «нового общества», взаимодействии в каждой системе техники, науки, профсоюзов, политических партий, инженерно-технических кадров и т. п. Общей у них является теоретическая, методологическая и идеологическая платформа, выражающая их основную направленность — антикоммунизм.

Теория «постиндустриального общества» заимствует основные положения и в концепции «деидеологизации». Согласно этой теории, XX век характеризуется как век «конца идеологии», в котором на смену идеологии якобы приходит научно-техническая «интеллектуализация» общественной жизни. Теория «деидеологизации» получила обоснование в книгах Д. Белла «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых годах» (1960) и С. М. Липсета «Политический человек. Социальные основы политики» (1960), в статье Р. Арона «Индустриальное общество, идеология, философия» [1] и др.

Весьма примечательно, что авторы теории «постиндустриального общества» выступили с разработкой и теории «деидеологизации».

Согласно Беллу, «деидеологизация» — необходимый элемент «постиндустриального общества». Бжезинский в качестве одного из признаков «постиндустриального общества» называет «конец идеологии».

[1] "Preuves", 1965, N 169.

Не оставляет места для идеологии в «новом индустриальном обществе» и Гэлбрейт. Все постиндустриалисты в один голос утверждают, что развитие научно-технической революции детерминирует сознание таким образом, что фетишистское идеологическое мышление «индустриального общества» неизбежно заменяется «научным мышлением», в основе которого будет положена подлинно социальная наука [1].

Буржуазная идеология не оставляет мысли обосновать правомерность, жизненность идеи «деидеологизации», дав заявку не только на ее настоящее, но и на будущее. При этом преследуется цель доказать невозможность преобразования мира на основе марксистско-ленинской идеологии. Применение электронно-вычислительных машин и автоматов, свободных от всякой идеологии, — вот что призвано сыграть первостепенную роль в развитом обществе.

На буржуазно-либеральное и буржуазно-реформистское направления теории «постиндустриального общества» оказали заметное влияние идеи английского экономиста Д. М. Кейнса. Так, Д. Гэлбрейт говорит о том, что «кейнсианская революция представляет собой эпохальное явление с точки зрения развития индустриальной системы и сохранения того, что принято называть капитализмом» [2]. Для Гэлбрейта, как и для Кейнса, характерна инициатива и изобретательность по части выдвижения и пропаганды средств «обновления капитализма». Об этом свидетельствуют все его последние работы. Реалистично оценивая силы социализма, и Гэлбрейт и Кейнс предлагают «возможные улучшения» и преобразования капитализма. Но при этом они возлагают надежды на буржуазное государство и капиталистическую корпорацию.

Экономическое учение Кейнса — тонкая апология государственно-монополистического капитализма, направленная в первую очередь на обоснование определенных практических мероприятий, обеспечивающих хотя бы частичную стабилизацию капитализма. После выхода в свет книги Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», по мнению многих буржуазных

---

[1] См. *Л. Н. Москвичев.* Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. Критические очерки об одной модной буржуазной концепции. М., 1971, стр. 35.

[2] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 273.

идеологов, Гэлбрейт принял эстафету Кейнса в разработке проблемы регулирования экономики буржуазным государством. Гэлбрейт, как и Кейнс, замалчивает социальные последствия регулирования экономики капиталистическим государством, изображает меры этого регулирования как одинаково выгодные для всех классов общества. В отличие от Кейнса Гэлбрейт государственное регулирование синтезирует с научно-технической революцией. В современной технике он видит причину усиления этой функции буржуазного государства. Сложная современная техника, рассуждает он, требует значительных капиталовложений, которые инвестируются на длительные сроки. Дело это весьма рискованное. Поэтому гарантировать ее развитие может лишь государство, взяв на себя все расходы и хлопоты по обеспечению рынка для продукции, полученной в результате применения передовой техники. Именно таким образом, заявляет Гэлбрейт, современная техника предопределяет усиление роли современного государства.

Кейнс оказал определенное влияние и на Тиболда. Правда, Тиболд считает, что в настоящих условиях теория Кейнса менее действенна, ибо «общество изобилия» построено, и ныне главным являются не вложения государства в экономику, а «обеспечение жизненных условий всем».

Р. Тиболд заимствует у Кейнса идею регулируемого капитализма. Кейнс признает «необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ... в основном, предоставлены частной инициативе...». По его мнению, помимо широкой социализации инвестиций «нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства» [1].

С точки зрения Тиболда, Кейнс прав, но он считает, что в условиях огромного влияния технического прогресса на все стороны жизни общества следует разработать конкретные правительственные меры, направленные на обеспечение минимума жизненных условий всем. С этой целью он предлагает стимулиро-

[1] *Дж. М. Кейнс.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948, стр. 364, 365.

вать максимальный рост темпов производства, изменить тарифные ставки и объем экспортной продукции, обеспечить бурное развитие электроники, автоматики, кибернетики. Тиболд предлагает свой «план экономической гарантии» («An Economic Security Plan»), по которому буржуазное государство должно осуществить перераспределение произведенного в обществе продукта (при существующей системе) [1]. Этот вывод Тиболда является иллюзией буржуазного реформиста.

Постиндустриалисты часто обращаются к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, но, пользуясь старым ревизионистским приемом, они искажают содержание проблем, разработанных классиками марксизма-ленинизма. Делается это для того, чтобы показать, что эти проблемы в наше время устарели и решаются иначе.

Анализ идейно-теоретических источников теории «постиндустриального общества» показывает, что для нее, как и для всей буржуазной социологии, характерен эклектизм, смешение различных идей и взглядов, отсутствие последовательности, логической стройности.

В теории «постиндустриального общества» переплетаются субъективный идеализм и вульгарный материализм, эмпиризм и схематизм, биологизм и элитизм.

Теория «постиндустриального общества» не ограничивается заимствованием реакционных идей. Она обращается и к доктринам, исторически прогрессивным в эпоху буржуазных революций, к утопическому социализму и даже к марксизму. При этом в ходе «критической переработки» воспринимаемых идей выбрасывается все не соответствующее интересам современной буржуазии и сохраняется все то, что ей полезно и необходимо для борьбы с марксизмом-ленинизмом.

Эклектизм теории «постиндустриального общества» объясняется ее социально-политическим назначением. Речь идет о том, чтобы сконструировать такую доктрину, которая смогла бы оказать определенное воздействие на духовную и политическую жизнь общества. Отсюда и претензии на отказ от «устаревших

[1] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 160.

догм» и ссылки на социал-утопистов и даже марксизм. Однако, как показано выше, основными отправными положениями теории «постиндустриального общества» являются модернизированные идеи целого ряда буржуазных философских, социологических и экономических концепций. Появление же самой теории означает очередную попытку буржуазных стратегов приспособиться к изменению обстановки, с тем чтобы более успешно выполнять идеологический заказ монополистического капитала.

Глава II

Реакционно-утопический характер социального идеала в теории «постиндустриального общества»

В последние годы проблема социального идеала привлекает особое внимание буржуазных идеологов и политиков. Ей посвящаются статьи, книги, целые теории и концепции. Это объясняется не просто научным интересом к будущему человечества, но прежде всего стремлением найти новое средство апологии капиталистического строя.

Содержание и социальное назначение буржуазных теорий развития человечества, будущего общественного устройства и путей его осуществления многократно критиковались марксистами. В документах КПСС, братских партий социалистических стран, в материалах международных совещаний коммунистических и рабочих партий не раз подчеркивалось, что современная монополистическая буржуазия не имеет прогрессивных социальных идеалов. Ее идеалы отражают положение и интересы уходящих, отживающих сил, а это одно из важнейших выражений духовного кризиса буржуазии, отражающего общий кризис капитализма.

Социальные идеалы современной буржуазии и связанных с ней социальных групп обращены не в будущее, а к капиталистическому настоящему и скорее к прошлому. И даже те идеалы, которые претендуют на видение общества 2000 года, оказываются очередной попыткой буржуазных апологетов идеализировать государственно-монополистический капитализм, возвысить прошлое и настоящее до будущего, несколько модернизировав его достижениями научно-технической революции. Именно такой «возвышенный» буржуазный социальный идеал появился в конце 60-х годов — так называемое «постиндустриальное общество». Авторы этого идеала пытаются преподнести его

как результат строго обоснованного научного социального прогноза, связать с научно-технической революцией.

Прежде чем перейти к анализу природы и характера социального идеала теории «постиндустриального общества», остановимся на некоторых аспектах марксистского учения о социальном идеале.

Проблема идеала сложна и многогранна. В качестве всеобщей целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях общественной жизни — социальной, политической, нравственной, эстетической и т. д. Следует отличать социальный идеал как отражение перспективы развития общества в целом, представление о более совершенном общественном строе от частных идеалов, касающихся отдельных сторон общественной жизни.

Социальный идеал — это своеобразная форма отражения назревших потребностей общественного развития, воплощающая интересы и цели различных классов и социальных групп. Иначе говоря, он носит классовый, партийный характер, является порождением и отражением общественного бытия.

Появление социального идеала связано как с особенностями самого процесса познания, так и с отношением того или иного класса к познаваемому.

«В гносеологическом плане,— отмечает Т. М. Румянцева,— идеал представляет собой синтетическую форму опережающего отражения действительности, так как обосновывает будущее с точки зрения науки, морали, эстетики. Идеал — это обоснование будущего, мысленная форма связи настоящего и будущего» [1]. Социальный идеал — это не нечто априорное, присущее лишь рассудку, а такая форма опережающего отражения действительности, которая имеет свои гносеологические и социальные корни и в значительной мере определяется особенностями социального познания.

Процесс социального познания проявляется в двух аспектах: констатации фактов, накопленных в результате познавательной деятельности человека, и оценки этих фактов с точки зрения нужд познающего индивида, класса. А отсюда возможна тенденциозность

[1] *Т. М. Румянцева.* Интервью с будущим (Методологические проблемы социального прогнозирования). Л., 1971, стр. 185.

в познании, классовое ви́дение будущего общественного устройства и перспектив развития действительности. При этом в социальном идеале отражается и оценка познанного, и то, что должно быть, и то, что человек хотел бы видеть, иметь.

Социальный идеал отражает отношения общества к личности, личности к личности и личности к обществу. По тому, каково воздействие общества на личность, можно говорить и об отношении личности к обществу и наоборот.

Говоря о социальном идеале, следует иметь в виду прежде всего определенное общество, систему общественных отношений, которые данный класс или социальная группа считают более совершенными и желаемыми, чем существующие.

Итак, социальный идеал — это своего рода образец устройства общества, выдвигаемый с позиций определенного класса, социальной группы, и поэтому он является не столько отражением того, что есть, сколько отражением того, что должно быть. «Идеал, — как отмечает Д. И. Чесноков,— отражение жизни и цель, которую нужно еще реализовать» [1].

Гносеологической основой идеала является, с одной стороны, объективно существующая связь между прошлым, настоящим и будущим, которая имеет место в развитии любого явления (тем более в развитии общества), с другой — целесообразный характер деятельности, нуждающейся в предвосхищении ее результатов. К тому же не следует забывать о такой способности человеческого познания, как обобщение мыслительного материала, о способности к абстрактному мышлению. В «Философских тетрадях» В. И. Ленин пишет: «...в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек **фантазии**» [2]. Он отмечал, что «фантазия есть качество величайшей ценности», но в этом хорошем свойстве нужна мера [3]. Еще Д. И. Писарев говорил о фантазии двух родов: одна обгоняет ход событий, поддерживает энергию человека, другая — нереальная; она обрекает человека на бездейст-

---

[1] *Д. И. Чесноков.* Исторический материализм. М., 1965, стр. 362.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 125.

вие, уводит в сторону от действительности [1]. Человек всегда интересуется будущим. Интерес к будущему обостряется, особенно в периоды крупных исторических событий, общественных потрясений, затрагивающих судьбы государств, целых народов, отдельных людей. Этот естественный и закономерный интерес всегда использовался идеологами эксплуататорских классов для того, чтобы внушить народным массам мысль о вечности и справедливости существующих общественных порядков.

Итак, предвидение будущего основано на определенных классовых позициях, социальных целях, отражает интересы того класса или социальной группы, которая выдвигает социальный идеал.

Предвидение будущего общественного устройства — это объяснение, обоснование выдвигаемого социального идеала (в аспекте соотношения предвидения и социального идеала). Однако предвидение говорит о социальном идеале как о возможном желаемом будущем.

Спрашивается: в состоянии ли идеологи буржуазии объективно верно предсказывать будущее? могут ли их предсказания служить руководством для практически плодотворной деятельности людей? являются ли жизненными и научно обоснованными выдвигаемые ими социальные идеалы?

В силу своей социально-классовой обусловленности буржуазная идеология не в состоянии дать научный социальный прогноз.

Известно, что идеалы, которые буржуазия предлагала народу, существовали с момента ее появления как класса. И даже передовые буржуазные мыслители XVIII в. считали, что именно частная собственность и индивидуализм, укрепление норм буржуазной морали обеспечат условия, при которых общество будет служить великим гуманистическим целям. Буржуазные теории раннего капитализма содержали много интересных и довольно прогрессивных моментов. Провозглашение свободы, равенства, братства, безусловно, способствовало укреплению гуманистического взгляда на человека и общество. Но, признав частную собственность непременным атрибутом свободы, бур-

---

[1] См. *Д. И. Писарев.* Соч., т. 3. М., 1956, стр. 147—149.

жуазный гуманизм пришел в противоречие с идеалами освобождения человека от всех форм гнета; его идеалом оказался идеализированный буржуазный строй, основанный на частной собственности, эксплуатации и классовом неравенстве. Но всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала [1].

В истории буржуазной социальной мысли, пожалуй, нельзя назвать ни одного имени философа или социолога, который не пытался бы заглянуть в будущее. Однако все буржуазные идеологи в той или иной степени идеализировали современный им общественный строй. Они искали критерий общественного прогресса в сознании, а о положении человека в обществе говорили с точки зрения абстрактной справедливости, свободы, счастья. Формирование социального идеала как целостного направления буржуазной социологии относится к 60-м годам XX в. Одним из таких идеалов является «постиндустриальное общество».

Появление социального идеала теории «постиндустриального общества» не случайно: это вызвано, с одной стороны, развивающейся научно-технической революцией и особенностями современного государственно-монополистического капитала, с другой — характером современной эпохи. Буржуазия, ее теоретики стремятся использовать научно-техническую революцию для доказательства того, что она сама по себе открывает перед капитализмом новые перспективы развития. Ссылаясь также на ряд новых явлений, связанных с развитием государственно-монополистического капитализма, они уверяют, что современная эпоха и есть эпоха перехода человечества не к социализму и коммунизму, а к некоему «постиндустриальному обществу».

Критический анализ теории «постиндустриального общества» свидетельствует о том, что у разных ее авторов существуют различные ви́дения «постиндустриального общества», различные социальные идеалы. Так, буржуазные либералы Белл, Гэлбрейт в своем социальном идеале отразили интересы научно-технической интеллигенции, связанной с монополистиче-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 270—277.

ским капиталом. Представители реакционно-апологетического направления теории «постиндустриального общества» — Бжезинский и Кан выразили устремления военно-промышленного комплекса США, крупнейших монополий. Буржуазные реформисты — Тиболд и другие пытаются в рафинированном виде отразить чаяния широких слоев средней буржуазии, интеллигенции и отчасти трудящихся масс, а сторонники леворадикального направления — Маркузе, Бирнбаум апеллируют к студенчеству, молодежи, интеллигенции.

Научное предвидение будущего является прежде всего результатом научно-теоретического анализа закономерностей, их проявлений, исследования причин социальных явлений, противоречий общественного развития.

Что же собой представляет социальный идеал авторов теории «постиндустриального общества»? Что положено в основу его формирования?

Социальный идеал постиндустриалистов выглядит весьма схематично. Его авторы не идут дальше перечисления основных признаков, отличающих «постиндустриальное общество» от «индустриального». Это относится прежде всего к Беллу, Бжезинскому, Кану.

Количество признаков, которыми характеризуется «новое общество», у разных авторов различно; эти признаки отличаются друг от друга и по значимости. Однако анализ характеристик обществ будущего, данных представителями различных направлений теории «постиндустриального общества», свидетельствует о том, что есть и общие признаки: во всех концепциях наука занимает определяющее положение в обществе; на первое место выдвигается сфера обслуживания, общество становится технотронным; в качестве важнейшей задачи «нового общества» определяется подготовка технических кадров; обществом правит элита ученых. И при этом постиндустриалисты пытаются обосновать прежде всего необходимость развития общества от «индустриального» к «постиндустриальному», но ни в коем случае не к социализму и коммунизму. Коммунистическому социальному идеалу они противопоставляют социальный идеал в виде «постиндустриального общества».

Устанавливать точные даты протекания социальных процессов, по мнению Белла,— дело рискованное. Тем не менее он считает, что «постиндустриальное общество» появилось в конце 40-х — начале 50-х годов. Белл полагает, что Хиросима была драматической демонстрацией могущества науки. Важнейшими вехами в формировании «нового общества» он называет 1946 г.— появление первого компьютера (а через 10 лет их стало уже 10 тыс.) и 1947 г.— опубликование Н. Винером «Кибернетики». Белл отмечает, что если до 1954 г. на протяжении более века общественная жизнь определялась машинной техникой, то грядущее столетие ознаменуется «интеллектуальной технологией».

Белла поддерживает Бжезинский. Оценивая свою книгу «Между двумя веками. Роль Америки в технотронной эре», он заявляет: «Это не упражнение в «футурологии», а попытка осмыслить современные тенденции, обрисовать динамичную картину того, что сегодня происходит». Вместе с тем это «попытка наметить в общих чертах те направления, в каких Америке следовало бы пойти и в каких она, в известных отношениях, быть может, пойдет» [1].

Предсказывая бурный рост производительных сил, колоссальные достижения науки и техники, постиндустриалисты утверждают, что соотношение сил, существующее ныне в мире, изменится в пользу обществ, основанных на частной собственности. Показателем исторической прогрессивности, с их точки зрения, является развитие техники и науки безотносительно к существующей социальной структуре общества. Свои рассуждения о будущем Белл и Кан, например, пытаются подкрепить статистическими выкладками. Однако обилие цифр и таблиц не скрывает того факта, что социальный прогноз дается ими умозрительно, без глубокого, всестороннего анализа социальных противоречий.

Д. Белл отмечает, что «можно дать различные определения «постиндустриального общества»», зная его

[1] *Zbigniew Brzezinski.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. New York, 1970, p. 35.

основные признаки. Он указывает на следующие признаки: создание экономики обслуживания; преобладание специалистов и технического класса; централизация теоретического знания как источника нововведений и политической ориентации в обществе; возможность самоподдерживающегося технологического роста; создание новой, «интеллектуальной технологии» [1].

Картину «технотронного общества» рисует и Бжезинский. В его обществе будущего промышленная занятость уступает место сфере обслуживания, причем человека заменяют машины; доминируют проблемы, связанные с устарением профессий, гарантией занятости, системой отпусков, организацией досуга и участием в прибылях; основная проблема нового общества — открытие наиболее эффективных средств рациональной эксплуатации социальных талантов. С этой целью применяются новейшие коммуникации и счетная техника. Для «постиндустриального общества» Бжезинского требуются личности, владеющие специальными навыками и интеллектуальными талантами. Знания здесь становятся орудием власти, а эффективная мобилизация таланта — основным способом обрести эту власть; в разработку важнейших проблем усиленно вовлекаются университеты. Они являются источником, поддерживающим политическое планирование и социальные нововведения. Распространение образования в этом обществе — основа социальных изменений;

в «новом обществе» возрастает возможность направить социальный конфликт в строго определенное и контролируемое русло, торжествует более прагматический подход к спорным социальным проблемам, стимулируется одновременно появление новой заинтересованности в сохранении «человеческих ценностей»;

вопросы реального участия в политической жизни слишком сложны и слишком далеки для среднего гражданина, утверждает Бжезинский. Политическое отчуждение становится проблемой;

---

[1] *D. Bell.* The Measurement of Knowledge and Technology. — "Indicators of Social Change", p. 153. См. также *Даниэл Белл.* Постиндустриальное общество. Что принесут 1970—80-е годы? — «Америка», 1974, № 215, стр. 3.

если в «индустриальном обществе» профсоюзы и политические партии руководят массами, то, по мнению Бжезинского, в «технотронном обществе» на смену этому приходит собирание индивидуального мнения миллионов неорганизованных граждан. Для манипулирования эмоциями людей и контроля за их мышлением используются новейшие средства информации. «Технотронное общество» не знает национальных границ. Однако рядовому гражданину одинаково далеки как голод в Индии, так и война в другом районе или какие-либо запутанные мировые события;

при переходе к «технотронному обществу» власть сосредоточивается в руках представителей правительственных институтов, ученых и организаторов промышленности. По мере того как экономическая власть соединяется с политической властью, она становится более всесильной и непобедимой и все более никчемным остается стремление к личному величию;

социальная жизнь будет иметь тенденции к технизации, которая означает беспримерную непосредственность социального опыта каждого гражданина, поскольку он с помощью телевидения является свидетелем и участником важнейших событий;

граждане «технотронного общества» получат возможность превратить заботу об улучшении качества жизни в некий моральный императив [1].

Кан и Винер перечисляют 15 признаков «постиндустриального общества». В этом обществе, указывается в книге «Год 2000», доход на душу населения будет в 50 раз выше, чем в прединдустриальном обществе; на первое место выдвигается сфера обслуживания по сравнению с производством; промышленные корпорации не являются существенным источником нововведений; в экономике будут преобладать социальные мотивы производства над рыночными; гарантированный нижний уровень доходов и благосостояния; производительность труда не будет больше главной заботой; рынок станет играть меньшую роль по сравнению с общественным сектором и социальными соображениями; повсеместное распространение получит кибернетика; мир превратится в «тесный мир»; ускорятся темпы развития (принцип «удвоения»

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. 24—25.

в пределах 30 лет); общество станет непрестанно обучающееся; для него будет характерно быстрое усовершенствование в области образования инженеров и техников; произойдет эрозия в среднем классе работающих; неотъемлемыми явятся успехи в образовании и достижении ценностей; произойдет эрозия национальных интересов; критерий сенсуалистический, светский, гуманистический, возможно даже потворствующий человеческим слабостям станет основным [1].

Содержание большинства предложенных Каном и Винером признаков ими не раскрывается. Отсюда возможна самая различная их интерпретация; многие из них абстрактны и декларативны.

Гэлбрейт не дает специального перечня основных признаков «постиндустриального общества», однако они явствуют из анализа его «нового индустриального общества». Это — «техноструктура» и ее развитие; преобладание зрелых корпораций; соответствие целей «техноструктуры» — государства-индивидуума или «система сознательно согласованных действий или сил» (мотивация); глубокая зависимость индустриальной системы от политики государства.

Сравнительный анализ признаков «постиндустриального общества», предложенных его авторами, свидетельствует о том, что в отличие от Белла, Кан и Бжезинский пытаются выйти за технологические границы при характеристике «нового общества». Так, Кан и Винер в книге «Год 2000» вводят в качестве одного из определяющих признаков уровень дохода на душу населения от 4000 до 20 000 долл., прослеживают его изменение на протяжении развития человеческого общества, отмечают изменения количества и состава населения в различных странах, рост городов и т. д. [2] З. Бжезинский говорит о «непосредственности социального опыта каждого гражданина», о «прагматическом подходе к спорным социальным проблемам», о «возможности направить социальный конфликт в строго определенное и контролируемое русло» [3], т. е. его интересуют скорее социально-политические и идеологические устои «технотронного общества», чем действительное разрешение социальных антагонизмов,

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 186.

[2] См. там же, стр. 58, 60—63.

[3] *Z. Brzezinski*. Between Two Ages, p. 25.

уничтожение их экономической основы — частной собственности на средства производства.

Рассматривая признаки «постиндустриального общества», выдвинутые ее создателями, можно заметить, что среди них нет таких, которые бы явились определяющими чертами «нового общества», помогли бы понять другие его черты. Есть лишь отдельные признаки. Но общество не может быть сведено к сумме признаков, которые произвольно отражают определенную ее социально-экономическую структуру. Очевидно, что нельзя путем простого «добавления» тех или иных черт капитализму преобразовать его в новый общественный строй. Переход от капитализма к новому, послекапиталистическому обществу предполагает коренную перестройку всей общественной структуры, качественные изменения в области политики и идеологии. Он связан с классовой борьбой, а не ограничивается изменениями лишь в обслуживании населения, организации производства, технике и т. д.

Итак, теоретики «постиндустриального общества» установили «зримые» его черты. Теперь возникает вопрос, наступит ли «послеиндустриальная эра», когда это произойдет?

По утверждениям постиндустриалистов, XXI век станет переходным периодом к «постиндустриальному обществу». Правда, их прогнозы для целого ряда стран и на 2000 год мало утешительны. Кан и Винер, например, рассматривают США обществом, уже находящимся на «постиндустриальной» стадии развития. Зато другим странам, даже с «высокоиндустриальным» экономическим развитием, для достижения этой стадии, стадии «постиндустриального» развития США, понадобится от 11 до 42 лет, а «доиндустриальной» Индии — 117 лет, Бразилии — 130, Нигерии — 339 лет, Колумбии — 358, Индонезии — 593 года. СССР, по прогнозам Кана и Винера, окажется в «постиндустриальном обществе» через 28 лет, т. е. где-то к 2000 г.[1]

Изучение данного прогноза свидетельствует, однако, что его авторы ограничились лишь подсчетом долларов на «среднюю душу» населения. Да и сами они отмечают, что количество лет, необходимых для

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 149.

достижения постиндустриальной стадии, исчисляется на основе дохода 1965 г. для каждой страны и «средних» темпов роста производства и населения. Такой прогноз вызывает возражения; он не опирается на анализ всей совокупности экономических, социальных, идеологических явлений, не исследует механизм общественного развития.

Для доказательства неизбежности рождения «постиндустриального общества» его авторы используют методы научного прогнозирования — аналогию, моделирование и т. п.

Как мы только что показали, Кан пытается представить картину мира в XXI в. с помощью метода экстраполяции, т. е. распространения на будущее тенденций современного капиталистического общества.

Марксистско-ленинская наука не умаляет огромного значения научной методологии и техники социального прогнозирования, в том числе экстраполяции, аналогии, моделирования. Однако сами по себе эти методы не могут привести к действительному научному социальному прогнозу. Метод экстраполяции не дает научной теории будущего общественного развития, он не учитывает процессов, происходящих в экономической и социальной жизни современного общества. На основе этого метода не анализируются и не исследуются сложные взаимодействия внутренних и внешних, экономических и политических факторов, имманентных капиталистических закономерностей, а также закономерностей и новых явлений, возникающих в результате развития мировой системы социализма и мирового революционного процесса. Даже сами авторы прогноза общественного развития на 2000 год — Кан и Винер — отмечают ограниченность метода экстраполяций в прогнозировании. Они заявляют, что если бы на основе рекомендуемых ими методов в 1900 и 1933 гг. делались проекции на 33 года вперед, то все равно невозможно было бы предвидеть возникновение первой и второй мировых войн, экономического кризиса 30-х годов, фашизма и других явлений, которые они отнесли к категории «неожиданных» [1].

---

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 5.

Познание, предвидение в том числе, может лишь тогда стать научным, когда оно основывается на принципах диалектики. Одной из отличительных особенностей научного предвидения является то, что оно раскрывает нам будущее как объективно обусловленное предшествующим ходом вещей, т. е. как детерминированное объективными законами развития и функционирования, действующими в прогнозируемой области явлений. Исследователь показывает будущее не таким, каким он хотел бы его видеть, а таким, каким оно будет фактически, на самом деле.

Как справедливо отмечает Н. М. Бережной, «экстраполяция методики социального прогнозирования на научное предвидение будущего ведет к умалению роли общественного идеала и используется буржуазными футурологами в качестве приема фальсификации марксистско-ленинского научного предвидения. Находясь на позициях плюрализма и отрицания законов общественного развития, буржуазная футурология не в состоянии дать большего, чем картины функциональной зависимости элементов социальной системы и экстраполяции капиталистических отношений на будущее» [1].

Сила предвидения марксизма в том, что он обосновал объективную необходимость смены капитализма коммунизмом. К. Маркс и Ф. Энгельс научно доказали неизбежность победы коммунистической общественно-экономической формации на основе изучения общих законов развития общества и специфических законов докоммунистических формаций. Они выяснили основные черты коммунистического общества, указали на необходимость двух фаз коммунизма, показали, что новый, социалистический способ производства может возникнуть лишь путем социалистической революции и установления диктатуры пролетариата. В. И. Ленин доказал, что империализм — это канун социалистической революции, и на основе анализа империализма открыл новые пути развертывания мировой социалистической революции. В. И. Ленин в своих трудах показал, что империализм — это та ступень развития общества, за которой с необходимостью

---

[1] *Н. М. Бережной.* Социальный детерминизм и научное предвидение. — «Философские науки», 1972, № 4, стр. 14.

должен следовать социализм. Социальная революция есть объективная закономерность общественного развития, смены одной общественно-экономической формации другой.

Сторонники теории «постиндустриального общества» ни слова не говорят об объективных законах общественного развития. У Гэлбрейта, например, «выбор решений» определяет механику жизни общества. Белл говорит об «изменении соотношения между теорией и практикой», которое «существенно отражается на управлении экономикой», а темпы развития «постиндустриального общества» будут зависеть больше от «человеческого капитала», чем от денег[1]. Кан в своей классификации общественного развития также остановился только на развитии техники и уровня дохода на душу населения.

Буржуазная идеология постоянно сталкивается с проблемой обесценивания собственных идеалов, которые не выдерживают жизненной проверки, раскрывают себя либо как иллюзии, либо как буржуазный обман, демагогию. Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия везде и всегда прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете.

Возникновение того или иного социального идеала есть симптом происходящих в обществе процессов, духовное выражение этих процессов, смутное, извращенное или четкое их осознание.

Игнорируя действие экономических законов капитализма, авторы теории «постиндустриального общества» стремятся запутать важнейший вопрос современности, вопрос об объективной необходимости смены капитализма социализмом.

Даже далеко не полное рассмотрение характера социального идеала теории «постиндустриального общества» показывает, что в этой форме осуществляется апология государственно-монополистического капитализма. Социальный идеал создается буржуазными идеологами для того, чтобы убедить широкие массы трудящихся в возможности разрешения всех противо-

---

[1] См. *Д. Белл.* Постиндустриальное общество. — «Америка», 1974, № 215, стр. 5; *D. Bell.* Notes on the Post-Industrial Society.— "The Public Interest", 1967, N 7, p. 102.

речий общества на основе использования достижений научно-технической революции, с помощью государственного регулирования, без классовой борьбы и социальной революции.

Постиндустриалистский социальный идеал выступает не как некая безобидная социальная иллюзия, и тем более не как научное ви́дение будущего общества, а как идеологическое средство, направленное против марксистского социального идеала — коммунизма.

Субъективно-идеалистический подход к науке как определяющей силе общественного развития

Авторы теории «постиндустриального общества» будущее общество рассматривают как «общество знания». Согласно Беллу, «индустриальное общество занимается производством товаров», что касается «постиндустриального общества», то оно «основывается на принципе научных знаний...» [1]. И далее Белл поясняет, что означает «постиндустриальное общество» как «общество знания». В нем, во-первых, источники нововведений являются производными от исследования, существует новое отношение между наукой и технологией, происходит централизация теоретического знания; во-вторых, роль науки в обществе все больше начинает измеряться пропорцией между ростом национального продукта и долей занятых в области знания [2]. Именно изменения в технике и развитие науки влекут человечество, по мнению Белла, в новое, «постиндустриальное общество».

Необходимые для существования любой социальной системы научные знания в «постиндустриальном обществе» претерпевают качественные изменения: происходит «кодификация знаний в абстрактные системы символов» [3]. В связи с этим особое место в обществе принадлежит так называемой «интеллектуальной тех-

---

[1] *D. Bell.* The Measurement of Knowledge and Technology.— "Indicators of Social Change", p. 155.

[2] См. там же, стр. 198.

[3] См. там же, стр. 155—156.

нологии». Под интеллектуальной технологией, пишет Белл, я имею в виду такие разнообразные теории и методы, как линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория информации, теория решения, теория игр и симуляций, которые благодаря вычислительной машине дают мощные средства для анализа и эксперимента в области социальных отношений (Белл поясняет, что симуляция — это разновидность моделирования, создание искусственных социальных ситуаций) [1].

Постиндустриалисты говорят об огромных сдвигах, которые происходят и произойдут в науке в будущем и которые скажутся на природе человека и человеческого общества. При этом наряду с правильным и интересным прогнозом о развитии науки они рисуют и страшные, человеконенавистнические картины социального будущего. Иные ученые, вглядываясь в грядущие перемены, замечая блага, которые человечеству несет наука, «предвидят» и возможность катастрофических последствий. Профессор биологии Массачусетского технологического института, лауреат Нобелевской премии 1969 г. доктор Лурка обеспокоен тем, что величайшие достижения генетики, да и в целом биологии и медицины, могут быть использованы в антигуманных целях. Опасения доктора Лурки не напрасны. Олдос Хаксли в своем «Новом прекрасном мире» (1932), этой жуткой утопии о предопределенном человечестве, предсказал тип евгеники, построенной на методах искусственного оплодотворения, получения в пробирках полиэмбрионов, химического программирования в процессе развития эмбрионов и психопрограммирования растущих детей. Недалеко от Хаксли в этих вопросах ушел Кан. Отмечая, что генетика получит в 2000 году значительное развитие, Кан тут же ставит вопрос: а как быть людям, являющимся продуктом произвольной генетической манипуляции? Ведь они не имеют права наследования собственности; у них нет родителей. Очевидно, эти люди и будут рабами, а может быть, «отремонтированный» или «сделанный» человек перестанет быть человеком и становится роботом. Использование ядерного ору-

---

[1] «Indicators of Social Change», p. 156.

жия в «кошмарных сценариях» Кан принимает за реальную возможность будущего человечества [1].

Провозглашая «постиндустриальное общество» «обществом знания», буржуазные идеологи подчеркивают при этом неразрывную связь науки и крупных капиталистических корпораций. С точки зрения Белла, именно университеты и связанные с ними корпорации определяют будущее общество. Белл видит, что масштабы научно-исследовательской деятельности промышленных корпораций неизмеримо возрастают, происходит постоянный рост затрат монополий на научные исследования, а управление научно-исследовательскими работами становится одним из важнейших участков деятельности промышленных корпораций.

В настоящее время проблемы управления научными комплексными исследованиями для капиталистических монополий являются крайне необходимыми. Объясняется это тем, что организация управления и методы руководства в значительной мере определяют уровень научных исследований и возможность практического использования их результатов. От этого в свою очередь зависит коммерческий успех новой продукции, а в отдельных случаях и само существование фирмы. Поэтому для капиталистических корпораций очень важными являются вопросы прибыльности исследований, а в связи с этим и вопросы взаимоотношений с научно-исследовательскими институтами, университетами, колледжами. В «постиндустриальном обществе» эти связи предполагаются более совершенными и даже определяющими.

Будущее общество, бесспорно, должно развиваться на основе повсеместного внедрения достижений науки.

---

[1] Профессор экономики Гарвардского университета Отто Экстейн, оценивая деятельность ученых, подвизающихся на ниве милитаризма, заявил, что они (в том числе и доктор Кан, который руководит Гудзоновским институтом) «заслуживают колоссальных комплиментов в связи с их работой по изменению интеллектуального климата в нашей стране в отношении к обороне...» (цит. по: «США. Экономика, политика, идеология». 1972, № 1, стр. 67). Пентагон финансирует не только исследования в области математики, физики, химии, биологии, медицины и различных отраслей техники, но и множество проектов в области социологии, психологии, политики (Экстейн имеет в виду социологические обоснования деятельности Пентагона).

Безусловно, заслуживает внимания такое новое явление во взаимоотношениях науки и общества, как стимулирование производства потребностями самой науки.

Научно-техническая революция поставила науку на одно из первых мест в ряду факторов, непосредственно воздействующих на общественный прогресс, превратила ее в неотъемлемый элемент социального действия. Было бы, по-видимому, недостаточным характеризовать высокий престиж науки лишь ее познавательными, специфически теоретическими достоинствами. Наука превращается в производительную силу общества, создавая современную технику, индустрию, оснащая современный быт. Во многих высокоразвитых странах наука стала большой и организованной частью народного хозяйства. Одним из важных показателей экономического потенциала стран ныне является их научный потенциал.

Постиндустриалисты справедливо усматривают способность науки воздействовать на самые различные сферы общественной и культурной жизни; научно-техническая революция наглядно демонстрирует и эмпирически подтверждает ее социально преобразующую силу. Однако эту социально проникающую силу науки они интерпретируют как социально определяющую, т. е. все общественные изменения, сам ход общественного развития выводят только из внутренних возможностей самой науки.

Так, согласно Кану и Винеру, человек, оптимально приспособленный к взаимодействию с электронно-вычислительными машинами, обладающий обширной информацией, «сможет всесторонне влиять на экономические процессы и социальную систему» [1].

Конечно, когда речь идет об анализе и программировании экономических процессов в рамках капиталистической системы — это одно. Но совершенно другое дело, когда кибернетике и электронике, ученым, управляющим сложнейшими научно-техническими комплексами, приписывается способность влиять на социальную систему и преобразовывать ее, причем во всевозможных произвольных вариантах. Бжезинский, например, постоянно подчеркивает, что в

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 94.

«технотронном обществе» благодаря науке возрастает возможность к социальным конфликтам «подходить более прагматично»[1], их можно будет не только предвидеть, но и контролировать, направлять «в строго определенное русло». Его занимает и вопрос политической власти, решение которого в «технотронном обществе» он ставит в прямую зависимость от развития науки. Орудием власти в «новом обществе», говорит Бжезинский, становятся знания. К власти в силу своих способностей и талантов призваны прийти ученые. Основу социальных изменений он видит в распространении образования.

Процесс усиления роли науки в современном обществе, превращения ее в непосредственную производительную силу искажается авторами теории «постиндустриального общества». Науке передаются не свойственные ей функции, функции коренных изменений социальных, производственных отношений.

Во введении к книге Кана и Винера «Год 2000» Белл пишет, что научно-технический прогресс явился той неожиданной силой, которая, выступив на историческую арену, влила свежую кровь в капитализм, вывела его из состояния застоя, дала ему вторую молодость. Конечно, научно-техническая революция и в условиях капитализма есть известный шаг вперед по пути развития человеческого знания о природе и качественный скачок в развитии производительных сил. Она имеет непосредственное влияние на некоторые социальные и культурные изменения. Но вместе с тем и нет оснований преувеличивать значение науки в общественном развитии, как это делают постиндустриалисты. Для них социальные, экономические отношения в «новом обществе» определяются только развитием науки. Все авторы теории «постиндустриального общества» единодушно утверждают, что будущее общество, состояние и развитие его будут зависеть прежде всего от уровня развития знания. И ни слова о том, что развитие самой науки и техники зависит от общественного строя.

История развития науки свидетельствует о сложнейшем взаимодействии науки и производства. В условиях частной собственности на средства производства наука и труд поставлены в антагонистические

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. 24.

отношения: развитие науки, как и развитие производительных сил, происходит через кризисы и противоречия. Наука в капиталистическом обществе, выступая пленницей и служанкой капитала, развивается часто однобоко. Но постиндустриалисты не рассматривают сложных взаимосвязей науки и производства, а просто провозглашают науку определяющим фактором развития общества.

При рассмотрении роли науки в общественном развитии постиндустриализм выдвигает такие положения:

«постиндустриальное общество» есть «общество знания»; ведущую роль в нем занимает особый вид теоретического знания, так называемая «интеллектуальная технология», которая ведет к разработке приемов, средств и методов рационально-технического мышления или социальной инженерии;

все социальные конфликты преодолеваются одними лишь социально-инженерными средствами;

развитие электроники и кибернетики обусловливает эффективный отбор талантов;

таланты и интеллект, способные овладеть сложнейшей техникой, обеспечивают приход человека к власти, в том числе и к политической;

итак, к власти приходит элита ученых;

особое место в обществе занимают университеты и научно-исследовательские институты, которые призваны работать в союзе с капиталистическими корпорациями;

образование, знания — основа социальных изменений.

Социальные изменения, обусловленные наукой, постиндустриалисты рассматривают в плане развития человеческой истории.

Эти положения свидетельствуют о фетишизации технических и социальных приложений науки, с одной стороны, а с другой — о том, что знание рассматривается как единственное средство, ориентирующее общественные действия и даже определяющее их направление.

В решении проблемы «наука — общество» авторы теории «постиндустриального общества» не продвинулись ни на шаг вперед по сравнению со всей буржуазной социологией. Они остались на позиции субъек-

тивного идеализма. Правда, идеализм их прикрыт социально-экономической терминологией, множеством таблиц и схем, с помощью которых постиндустриалисты пытаются доказать «несомненно научный» характер своей теории.

Но, выводя совокупный характер и конечный результат воздействия науки на общественную жизнь, постиндустриалисты абстрагируются от социально-теоретических условий развития самой науки. Они не видят того факта или не хотят видеть, что в условиях капитализма общественная функция науки модифицирована узкоклассовым характером присвоения и использования ее достижений, что не наука определяет развитие общества, а общество определяет ее роль, направленность и значение. Субъективно-идеалистический подход постиндустриалистов к науке как определяющей силе общественного развития — еще одно свидетельство неспособности буржуазных идеологов понять действительное место науки в общественном развитии.

Говоря о развитии общества, нельзя обходить вопрос развития производственных, социально-экономических отношений. Как бы ни было велико значение науки, общественная система не в состоянии набрать новую динамическую силу без революционного изменения отношений собственности, без глубоких социальных преобразований.

Гиперболизация экономики обслуживания

Авторы теории «постиндустриального общества» доказывают, что ведущую роль в «новом обществе» будет играть сфера обслуживания, а не индустрия и не сельскохозяйственное производство. У Бжезинского, например, в «технотронном обществе» «промышленная занятость уступает место сфере обслуживания, причем человека заменяют машины»[1]. Это, по его мнению, является первым признаком «постиндустриального общества». Его взгляды в этом вопросе единодушно разделяют и другие создатели данной теории. Так, Белл утверждает, что большая часть само-

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. 24.

деятельного населения США уже сейчас занята в сфере обслуживания (в торговле, на транспорте, в областях здравоохранения, образования и т. д.).

Действительно, эпоха государственно-монополистического капитализма характеризуется проникновением производственных отношений, присущих первоначально только материальному производству, и в некоторые другие области общественной деятельности. Эта тенденция наметилась уже в XIX в. Открыв это явление, К. Маркс определяет его как «интеллектуальное производство», поскольку производство как система производственных отношений не замыкается в границах материального производства (участие врача, учителя, инженера в производстве).

Однако это не означает, что можно абсолютизировать эту наметившуюся тенденцию в развитии экономики развитых капиталистических стран. Безусловно, в настоящее время сфера услуг приобрела довольно широкие размеры: она неотделима от процесса труда. И это порождает иллюзию о появлении новых закономерностей ее развития. Отношения, складывающиеся в сфере обслуживания, начинают выдаваться буржуазными идеологами за процесс «революционного» характера. Белл в своей последней книге «Приход постиндустриального общества», по-прежнему говоря о пяти главных измерениях этого общества, указывает, что в «новом обществе» происходит «переход от экономики производства товаров к экономике услуг» [1]. Дальнейшие его рассуждения свидетельствуют о том, что он невиданно расширяет прежде всего сферу духовного производства, отводя ей первостепенное значение.

Таким образом, постиндустриалисты пытаются органически связать две проблемы, поставленные научно-технической революцией: превращение науки в непосредственную производительную силу с теми сдвигами, которые действительно имеют место в структуре услуг самодеятельного населения развитых капиталистических стран.

Выдвинутое положение об определяющей роли сферы услуг в экономике Белл стремится обосновать всевозрастающей интеллектуализацией современного

[1] D. *Bell.* The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973, p. 14.

общества, первенством теоретического знания, преобладанием «класса» специалистов и техников [1].

В действительности удельный вес услуг (если не учитывать личную прислугу) незначителен. Так, в 1968 г. в США из 297 942 ученых, занятых научными исследованиями и другими видами деятельности, только 6462 не являлись наемными работниками. Они относились к так называемому самостоятельно занятому населению [2].

Официальная статистика США дает классификацию ряда отраслей производства, положив в ее основу односторонний и поверхностный принцип деления на вещную и невещную формы продуктов труда. При научной классификации отраслей и правильной их группировке соотношение сферы услуг и материально-вещественного производства свидетельствует, что никакого переворота в структуре общественного хозяйства США не произошло, хотя некоторые сдвиги и есть.

О том, какое место занимают услуги [3] в структуре самодеятельного населения США, говорят данные табл. 1.

При внимательном рассмотрении оказывается, что за последние годы гораздо быстрее растет непроизводственная сфера услуг (3,8% за 7 лет) и медленнее

---

[1] *D. Bell.* The Coming of Post-Industrial Society, p. 14.

[2] См. *А. Николаев.* О роли услуг в капиталистической экономике. — «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 6, стр. 92.

[3] «... В услугах различаются три большие группы трудовой деятельности, роль которых в экономике по своему конечному результату и народнохозяйственному эффекту неоднозначна. Ряд отраслей услуг принимает непосредственное участие в материально-вещественном производстве. Это транспорт, связь, торговля, материальные услуги населению, услуги производству и обращению...»

Другая группа услуг — наука, образование, здравоохранение, нематериальные услуги населению, хозяйственные услуги государства и некоторые другие. «Данные виды общественного труда... принимают участие в создании новой стоимости». Именно эту группу услуг постиндустриалисты и выделяют как определяющую. Третья группа услуг (те виды деятельности в государственных органах власти, которые относятся к аппарату принуждения и насилия, включая армию, различные организации классового характера, а также домашнее хозяйство) носит непроизводительный характер (См. *С. Загладина.* «Экономика услуг» или экономика корпораций? — «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 11, стр. 138).

Таблица 1

Услуги в структуре самодеятельного населения США (1930—1967 гг.)[1]

(Вся занятость = 100%)

Годы	Вещное производство (1)	Услуги материально-вещественного характера (2)	Вся материально-вещественная сфера (1+2)	Производство нематериальных форм богатства и услуг (3)	Непроизводственная сфера (4)
1930	48,3	29,0	77,3	11,8	10,9
1947	46,0	29,7	75,7	12,1	12,2
1960	39,8	30,3	70,1	18,7	11,2
1967	34,7	28,1	62,8	22,2	15,0

(3,5%) — как раз те услуги, о которых говорят постиндустриалисты (образование, здравоохранение, государственные услуги и т. д.).

Установив тенденцию роста сферы услуг, не следует забывать, что поглощение рабочей силы сферой услуг не безгранично, ибо в последней также происходят механизация и автоматизация производственных процессов. Кроме того, развитие сфер общественной деятельности зависит от получения средств производства со стороны материального производства.

Белл, Бжезинский, Кан и их сторонники явно абсолютизируют сферу услуг, некоторые важные ее моменты. Конечно, по сравнению с предшествующими периодами сфера услуг оказывает ныне более значительное влияние на материальное производство, открывая простор для концентрации усилий отраслей, производящих материально-вещественную продукцию. Имеет место и некоторая относительная самостоятельность сферы услуг, которая рассмотрена выше. Кроме того, многие внутренние противоречия развития экономики обслуживания коренятся в ней самой и не могут быть выведены непосредственно из влияния материального производства.

Мы перечислили лишь отдельные моменты, присущие сфере услуг, которые являются наиболее харак-

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 11, стр. 138.

терными для нынешнего ее развития. Именно эти моменты и позволили постиндустриалистам противопоставить сферу услуг остальным видам хозяйственной деятельности, и прежде всего материальному производству. Раздувание роли сферы услуг в общественном развитии, рассмотрение ее как основы, определяющей характер «постиндустриального общества», вытекают из порочности постиндустриалистской методологии познания социальных явлений.

Научное истолкование социально-экономических процессов немыслимо без материалистического понимания истории. Марксизм всегда подчеркивал решающее значение материального производства. Человек, прежде чем распределить, осуществить обмен деятельностью, произвести идеи, должен удовлетворять свои первые жизненные потребности — в пище, одежде, жилище. Именно в материальном производстве скрывается первоисточник сил, определяющий темпы и характер развития сферы услуг. Научно-техническая революция с новой силой доказывает, что решающей силой общественного развития было и остается производство материальных благ. Что касается сути процессов, протекающих в самой сфере услуг, то следует отметить усиление ее монополизации, расширение позиций крупного капитала [1].

Мещанско-потребительский характер социального идеала Кана и Винера

В книге «Год 2000» Кан и Винер, открыто выступая против коммунизма, пытаются завоевать симпатии широких масс населения, обещая им увеличение дохода на душу населения в «постиндустриальном обществе» от 4 тыс. до 20 тыс. долл.

Характеризуя «постиндустриальное общество», они отправляются прежде всего от уровня дохода на душу населения. Уровень дохода на «душу населения» выдвигается в качестве основного критерия классификации развития общества. Согласно Кану и Винеру, человечество в своем развитии проходит следующие стадии:

---

[1] См. *Л. Демидова.* Сфера услуг США: монополии и мелкий бизнес. — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 3.

1. Предындустриальную (predindustrial) — 50—200 долл.

2. Переходную (transitional) — 200—600 долл.

3. Индустриальную (industrial) — 800—1500 долл.

4. Массового потребления (mass consumption) — 1500—4000 долл.

5. Постиндустриальную (postindustrial) — 4000—20 000 долл.

Однако, говоря о размерах доходов, приходящихся на «душу», они не касаются самого способа распространения валового национального продукта (ВНП). С их точки зрения, общество становится «постиндустриальным» тогда, когда технический и научный прогресс создают определенный уровень валового национального продукта, достаточный для того, чтобы на «среднюю душу» населения приходилось от 4 тыс. до 20 тыс. долл. Но, устанавливая доход на «среднюю душу» населения, они не оговаривают условий, при которых каждый член общества действительно мог бы получить его. Поэтому при сохранении частной собственности такие обещания выглядят утопично.

Кан и Винер сознательно уходят от решения вопросов, связанных с гарантиями получения дохода. Образцом «постиндустриального общества» они считают США, обещая при этом, что по мере приближения к уровню США одна страна за другой (невзирая на существующий в них общественный строй) будет все более уподобляться Соединенным Штатам и в экономическом, и в социальном отношении. Такой взгляд разделяет и Бжезинский, утверждая, что история возложила на США особые обязательства, а именно показать человечеству перспективы его будущего. Америка, говорит он, первой вступает в «технотронное общество». Он называет Америку «социальной лабораторией мира» [1], «новаторским и творческим обществом наших дней» [2].

Итак, величина валового национального продукта и количество населения определяют, по мнению Кана и Винера, положение страны независимо от того, ка-

---

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. 196.

[2] См. там же, стр. 35.

ков ее общественный строй. Но при этом они забывают о проблеме распределения материальных благ, которая имеет важное социальное значение. Форма распределения материальных благ обусловлена формой собственности на средства производства.

В «постиндустриальном обществе» Кан и Винер сохраняют классы, которые отличаются друг от друга не только социальным статусом, определяемым образованием, но и доходом. Выдвигая это положение, они обнаруживают внутреннее противоречие своей концепции. С одной стороны, заманчивые обещания в виде высокого уровня дохода на «среднюю душу», а с другой — сохранение неравенства в получении размера дохода.

Об утопичности и безжизненности идей Кана и Винера свидетельствует и действительность США, страны, которую они уже при современном уровне развития объявили обществом «постиндустриальным».

Американские экономисты Л. Туроу и Р. Лукас в своем исследовании «Американское распределение доходов: структурная проблема» (1972) отмечают, что в США углубляется неравенство в абсолютных величинах доходов различных слоев и классов. Если взять семьи, живущие в условиях бедности, то оказывается, что около 70% семей из года в год остаются в нищете. О каком процветании США можно говорить, если 20% населения владеют 75% всех частных богатств в то время как 25% населения не располагают собственностью вообще (величина их долгов равна стоимости средств, которыми они располагают) [1].

Итак, при сохранении частной собственности на средства производства, как бы ни возрастал валовый национальный продукт, принцип распределения материальных благ остается частнособственническим, и «ждать от капиталистического способа производства иного распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород» [2].

Кан и Винер, доказывая, что уровень обществен-

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 7, стр. 153.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 218.

ного развития определяется средним уровнем национального дохода на душу населения, пытаются снять вопрос о коренном различии между капитализмом и социализмом. Конечно, если в качестве определяющей основы развития общества брать такой показатель, как производство продукции на душу населения, то не только стирается всякое различие между противоположными социально-экономическими системами, но становится лишним и вопрос о характере собственности, взаимоотношений людей в процессе производства материальных благ. Однако Кан и Винер не достигают своей цели. Действительность свидетельствует о наличии противоречий между капитализмом и социализмом.

В условиях социализма все средства производства являются общественными. Здесь действует принцип распределения материальных благ, обусловленный количеством и качеством затраченного труда: от каждого по способностям — каждому по труду. Поэтому и доходы в расчете на душу населения вполне реальны. В «Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы» рассматривается широкая программа социальных мероприятий в области роста доходов населения. В них поставлена задача «увеличить реальные доходы в расчете на душу населения примерно на 30 процентов, имея в виду, что основным источником роста доходов населения, как и прежде, должна быть оплата по труду»[1]. Предусмотрено дальнейшее повышение минимальной заработной платы.

Только социализм создаст условия для наиболее полного удовлетворения потребностей людей. Постиндустриалистские рассуждения об удовлетворении материальных потребностей не имеют под собой реальной основы.

Как известно, для решения этой задачи необходимы определенные условия: во-первых, производственные мощности общества и количество производимых товаров; во-вторых, совокупность социальных условий, опосредующих соединение средств производства и рабочей силы; в-третьих, уровень доходов, по-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 240.

лучаемый членами общества, но определяемый в свою очередь господствующими производственными отношениями.

Технический прогресс в условиях капитализма позволяет произвести достаточное количество материальных благ для удовлетворения потребностей масс. Однако между возможностью удовлетворения потребностей и реализацией этой возможности стоит преграда в лице капиталистических производственных отношений. Именно форма собственности на средства производства, являющаяся основой производственных отношений, и определяет характер распределения материальных благ в обществе. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал: «...производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя... в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются» [1].

Как явствует из официальных данных, покупательная способность «стандартной» американской семьи уменьшается из года в год. Рост цен в США в 1973 г. был необычайно большим. Стоимость жизни за год возросла в среднем на 6,1% против 3,3% в 1972 г. Особенно значительно повысились розничные цены на продукты питания. Так, бакалейные товары подорожали на 16%, яйца — на 94, молоко — на 27, мясо говяжье — на 24% и т. д. Квартирная плата повысилась в среднем на 5%, плата за электричество — на 6,9%. В результате удорожания жизни реальная заработная плата рабочих с октября 1972 г. по октябрь 1973 г. снизилась на 3,3% [2].

Усилилось давление налогового пресса. С 1968 по 1973 г. федеральные налоги выросли на 50%, местные — на 70%. В годовом бюджете «стандартной семьи» (муж, жена, двое детей) доля всех налогов в 1972 г. возросла до 23,7%.

Причиной роста цен в стране служит безудержная погоня монополий за высокими прибылями. Перепле-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 278.

[2] См. «США. Экономика, политика, идеология», 1974, № 3, стр. 84.

тение власти монополий с властью государства ничего не меняет в положении рабочих и служащих, в их отношении к средствам производства: они по-прежнему должны продавать свою рабочую силу для того, чтобы существовать. Ни о каком «справедливом» распределении национального дохода не может быть и речи. Характеризуя буржуазное государство периода империализма, В. И. Ленин отмечал: «Введение планомерности не избавляет рабочих от того, что они — рабы, а капиталисты берут прибыль более «планомерно»»[1]. По мере увеличения отчислений из заработной платы в форме налогов и взносов расширяется в разнообразных формах приток государственных средств к монополиям.

Кан замечает изменения в структуре потребления современного человека, но не вскрывает их сущности, а ограничивается лишь обещаниями благополучия. Он не учитывает того важного факта, что в условиях капитализма существует противоречие между ростом потребностей трудящихся и удовлетворением этих потребностей. Закон повышения потребностей находится здесь в непримиримом противоречии с законом прибавочной стоимости. Даже при абсолютном увеличении количества потребляемых рабочим классом материальных благ его положение в обществе относительно положения буржуазии не улучшается. На это в свое время указал Маркс. «Как бы ни был мал какой-нибудь дом,— писал К. Маркс,— но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но, если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно»[2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 444.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 446.

Г. Кан не оставляет мысли о «потребительском обществе» и в своей новой книге «Грядущее. Размышления о 70-х и 80-х годах», написанной совместно с американским социологом Брюс-Бригсом, выражая «неудовлетворение» по поводу понятия «постиндустриальное общество», якобы некритически позаимствованного им у Д. Белла, предлагает назвать его «обществом джентльменов», в котором люди будут вести «неоэпикурейский образ жизни и наслаждаться явным и вполне реальным комфортом...»[1]. Но так называемый «неоэпикурейский» идеал есть все тот же мещанско-потребительский идеал, в котором отношение людей к предметам потребления, вещам, их стремление удовлетворить возникающие запросы абсолютизируются, раздуваются и культивируются. Кан социальный идеал усматривает не в обществе-производителе, а в обществе-потребителе, лишенном своей социальной сущности. Человек уподобляется «машине-потребителю», жизнь которого сосредоточена на приобретении и потреблении всех новых товаров. Такой социальный идеал является выражением потребительской идеологии и психологии, получившей широкое, массовое распространение в странах капитала.

Кан даже вводит синоним к понятию «постиндустриальное общество» — «общество, ориентированное на отдых» (a Leisure — Oriented Society). В нем он обещает праздную, «эпикурейскую» жизнь: трудиться только 147 рабочих дней в году, остальные 218 дней отдыхать[2].

Позаимствовав мысли Эпикура о наслаждении, удовольствии, счастье, Кан вкладывает в них смысл потребительской идеологии. Счастье, по мнению Кана, есть спокойный ум, мудрость и праведная жизнь. Равновесие души, утверждает он, нарушает общественная жизнь, и это крайне нежелательно при эпикурейском образе жизни. Для «эпикурейской перспективы» особое значение имеют «чувства, эмоции, удовольствия индивидуальной души»[3]. И все это обеспечивается доходом от 4 тыс. до 20 тыс. долл. Подлинный смысл жизни — творческий труд, достав-

---

[1] *H. Kahn, B. Bruce-Briggs.* Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties. New York, 1972, p. 231.

[2] *H. Kahn* and *A. J. Wiener.* The Year 2000, p. 195.

[3] См. там же.

ляющий человеку удовлетворение и радость, Кан подменяет культом потребления, который с его точки зрения выступает как смысл человеческого существования.

Нетрудно догадаться, что смысл «неоэпикурейского» идеала Г. Кана состоит в том, чтобы показать невозможность социальных конфликтов в обществе, которое дает людям блаженство, удовольствия и наслаждения.

Потребительская идеология и психология имеют определенные социально-экономические корни, уходящие к цели капиталистического производства — получению максимальной прибыли. В этих условиях зависимость лишенных средств производства людей приобретает и такие уродливые формы, когда потребление становится основным содержанием их жизни. Кан своей идеей «среднего» дохода на душу населения как раз и рассчитывает на человека-потребителя[1], смазывая тем самым сущность капиталистического производства, распределения и потребления. Утопия о «среднем доходе» становится у Кана и Винера абсолютным масштабом, которым они «измеряют» действительность, превращая ее в ленивое земное царство мещан-потребителей. Осуществление этого идеала они связывают с развивающейся научно-технической революцией. Будущее общество предстает у них как потребительское общество, где высшая цель человека состоит в том, чтобы быть одержимым материальными вещами и находить жизненное счастье в их потреблении.

В условиях социализма совсем иное отношение к вещам, материальным ценностям. В социалистическом обществе производство материальных благ осуществляется для обеспеченной, культурной, наполненной глубоким смыслом жизни, оно является материальной базой для всестороннего развития личности.

На XXIV съезде КПСС отмечалось, что «наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей — это высшая цель общественного производства при социализме... Специальные

[1] См. статью Ю. А. Замошкина, Л. Н. Жилиной, Н. Т. Фроловой «Сдвиги в массовом потреблении и личность» («Вопросы философии», 1969, № 6).

знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников»[1].

В условиях господства социалистической собственности на средства производства люди не являются придатками машин; они овладевают всем процессом производства и сознательно подчиняют его цели всестороннего развития личности.

Социальное различие в целях материального производства при капитализме и при социализме обусловливает и социальное различие общественной психологии. Развитие производительной силы человека в социалистическом обществе как основы формирования и утверждения его индивидуальности несовместимо с праздностью, ленью, безделием, надеждами на «роботов».

Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» подчеркнул, что строительство коммунизма требует напряжения «сил и энергии каждого из народов нашей страны и всех их вместе. Мы знаем: потребуется большой и вдохновенный труд, организованность, высокая политическая сознательность. Мы знаем также и то, что советские люди обладают всеми этими качествами, сумеют их проявить, сумеют добиться поставленных перед собой прекрасных целей»[2].

Классы и классовая борьба в «новом обществе»

Теория «постиндустриального общества» «освещает» и проблему классов и классовой борьбы в обществе 2000 года. Это одна из коренных проблем, в решении которой сходятся все направления данной теории. Как и многие другие направления буржуазной социологии, направление «технологического детерминизма», к которому относится теория «постиндустриального общества», покоится на позитивистских методологических принципах рассмотрения социальной структуры общества. В основу различий между классами в обществе кладутся: уровень дохода на душу населе-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 41.
[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом, т. 4, стр. 101.

ния, уровень образования, политический статус, социальный престиж и другие показатели. Указывая на эти признаки, представители теории «постиндустриального общества» не связывают фактически существующее в странах капитала экономическое неравенство людей с их положением в системе материального производства, игнорируют тот факт, что средства производства находятся в руках одного господствующего класса, который эксплуатирует трудовой класс.

Злободневно звучат и ныне слова В. И. Ленина: «Различия между профессиями смешать с различиями между классами; различия бытовые смешать с различным положением классов во всем строе общественного производства,— как это наглядно иллюстрирует полную научную беспринципность модной «критики» ... и ее практическую тенденцию стереть самое понятие «класса», устранить самую идею классовой борьбы» [1].

Совершенно очевидно, что ни один из названных постиндустриалистами признаков не может раскрыть объективную основу классового деления общества. Все они выбраны случайно, в них доминируют субъективные моменты.

Д. Белл в «постиндустриальном обществе» выделяет четыре основных класса: специалисты (ученые, инженеры, экономисты, медики, административные работники и работники учреждений культуры); техники и полуспециалисты; служащие и работники торговли, рабочие, занятые физическим трудом [2]. Какие же критерии он кладет в основу деления общества на классы? Прежде всего критерий знания и квалификации, который определяет социальный статус человека в обществе, затем идет сфера общественной деятельности и, наконец, место в политической системе.

Белл создает схемы деления общества на классы по горизонтали и вертикали, перечисляет различные сферы деятельности людей (экономика, управление, университеты и исследовательские институты, общественные комплексы — госпитали, центры общественного обслуживания, военная сфера), считает важным изучение отношения человека к политическим пар-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 191—192.
[2] *D. Bell.* The Coming of Post-Industrial Society, p. 375.

тиям, профсоюзам, государству, различным общественным организациям.

Все это, однако, лишний раз свидетельствует о том, что Белл целеустремленно выступает против марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, ее основополагающего положения, что деление общества на классы обусловлено отношениями собственности. Такой критерий, как отношение людей к средствам производства, с необходимостью определяющий, в чьих руках эти средства производства находятся, Белл считает не имеющим смысла. Отсюда в его стратификационной системе отсутствует буржуазия, а рабочий класс включает лишь работников физического труда, которые таковыми являются лишь потому, что не имеют достаточных знаний. Нетрудно заметить, что эти рассуждения мало сходны с наукой. При характеристике критерия классовой принадлежности важны не личные достоинства и недостатки, способности к усвоению знаний или отношение человека к каким-то политическим и общественным организациям, а место в исторически определенной системе производства, обусловленной прежде всего отношением к средствам производства.

Сторонники теории «постиндустриального общества», устанавливая главные критерии классового деления общества — уровень образования, социальный уровень дохода на душу населения и т. д., приходят к выводу о наличии процессов «депролетаризации» и «декапитализации».

Д. Гэлбрейт, например, говорит о том, что капитал утратил возможность оказывать влияние на выработку «принципиальных решений» относительно развития производства, распределения и использования национального дохода. Частные собственники получают доход, который, если говорить о его количественной стороне, будто бы увязан уже с потребностями развития «индустриальной системы». Подобные взгляды Гэлбрейта вытекают из явного непонимания им природы государственно-монополистического капитализма, сущность которого состоит в соединении силы монополий с силой государства для защиты существующего строя.

Гэлбрейт считает, что социальная структура «нового индустриального общества» определяется «тех-

ноструктурой». Он рассматривает классовое деление общества, исходя из уровня образования и социального престижа. При этом его интересует вопрос координации усилий представителей различных социальных слоев в «новой индустриальной системе». Главное для функционирования «индустриальной системы», по его мнению, — правильное стимулирование (мотивация) работника — предприятия — государства. Гэлбрейт определяет формы мотивации применительно к «техноструктуре» и вообще ко всякой «зрелой» корпорации. С его точки зрения, «мотивация» есть координация и согласование целей индивидуумов и целей организаций. Помимо известных стимулов деятельности человека (принуждения и материального поощрения) он вводит с целью наилучшего согласования действий личности и организации стимул «идентификации» (identification), согласно которому работник, ощущая себя частью целого, ставит цели организации выше своих личных. Гэлбрейт вводит также и схему «адаптации» (adaptation) — осуществление целей организации, которые в большей мере соответствуют интересам работника.

Гэлбрейт считает, что последнее время основой разъединения людей в обществе стало образование, а не конфликт между богатыми и бедными. «В США, — пишет он, — подозрительность и возмущение направлены теперь не против капиталистов или вообще богатых людей» [1]. Интеллектуалы — вот на кого в «новом» обществе смотрят с недоверием и тревогой. С его точки зрения «индустриальная система» в основном вписала себя в рабочее движение. Совпадение и гармония возобладали над столкновением интересов.

Гэлбрейт, как и Белл, подменяет социальные противоречия, порождаемые капиталистической собственностью на средства производства, различиями в положении людей, определяемыми уровнем образования. А отсюда и путь в будущее — это образование. Ученые и инженерно-технические работники, говорит Гэлбрейт, являются такой же решающей силой, какой в свое время был капитал.

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 296.

Как видно, Гэлбрейт повторяет старые азы буржуазной пропаганды о «гармонии интересов», о совпадении интересов работника, предприятия, государства, о возможности решить социальные конфликты с помощью образования. Но еще Маркс в «Капитале» убедительно показал, что по своему объективному положению, по условиям капиталистического производства рабочий класс заинтересован в освобождении от эксплуатации, в уничтожении существующего строя.

Сохраняет в «постиндустриальном обществе» классы и Кан. Он рассматривает классовое деление общества в зависимости от размера получаемого дохода. В «постиндустриальном обществе» останутся и экономически угнетенные классы (economically depressed), утверждает Кан.

Распределение рабочей силы в «нормальном постиндустриальном обществе», согласно прогнозу Кана, выглядит следующим образом: 50% работают нормальный год, 20% трудятся сверхурочно, 10% заняты половину рабочего времени, рассматривают работу как хобби, 5% — текущая безработица, 5% — полутекущая безработица, еще 5% — революционные «отщепенцы» и, наконец, последние 5% составляют добровольно безработные[1]. Расчеты Кана свидетельствуют о сохранении в «постиндустриальном обществе» социальных антагонизмов. Он вынужден признать, что к исходу столетия все еще остается масса бедных людей. С его точки зрения, антагонистические противоречия в обществе неизбежны, но «лечить» их можно с помощью естественных наук (медицины, биологии, химии и т. п.).

К. Маркс и Ф. Энгельс, вскрыв внутренний механизм развития капиталистического общества, объяснили его противоречия. Именно получение прибавочной стоимости классом собственников средств производства определяет существование основного противоречия капитализма, его антагонистический характер. Марксизм впервые научно доказал, что антагонизм между трудом и капиталом может быть уничтожен лишь в результате низвержения капиталистического строя. Но Кан — защитник монополистической собственности, поэтому его рассуждения, как

[1] *H. Kuhn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 196.

и многих других буржуазных социологов, направлены прежде всего на то, чтобы доказать, что в результате «революции в доходах» эксплуатация исчезает.

Кан рассматривает существование социального, экономического и политического неравенства как естественное состояние человеческого общества.

Представители реформистского направления теории «постиндустриального общества», отмечая острейшие социальные антагонизмы современного капитализма, не видят основы их порождающей, т. е. существования частной собственности на средства производства. Это характерно и для сторонников буржуазно-либерального направления теории «постиндустриального общества». Так, Белл в своих статьях[1] пишет о причинах неустойчивости политического строя Америки. Это, по его мнению, прежде всего: наличие «неразрешимой проблемы» (которую он сам не поясняет); кризисы парламента; рост насилия со стороны отдельных личностей; разобщение секторов (из-за стремительной индустриализации одних районов и значительной отсталости других); межрасовые и межплеменные конфликты; отчуждение интеллигенции; поражение в войне.

В статье «Противоречия капиталистической культуры» он подчеркивает, что американское общество находится перед лицом ряда кризисов: отчуждение молодежи, военные блоки, кризис, созданный войной. Белл признает наличие противоречий и в обществе «постиндустриальном». Однако не указывает, каким образом возможно снять эти противоречия. Он лишь высказывает опасения за судьбу «большой науки».

Новая социальная структура, по мнению постиндустриалистов, «оформляется и политически». Во главе «постиндустриального общества» стоит «новая элита» — ученые.

Белл специалистов делит на три класса. В основу этого деления он кладет критерий отношения специалиста к власти.

Какие же это группы? «Творческая элита ученых и высшая профессиональная администрация»; средний класс — инженеры и другие специалисты; «проле-

---

[1] *D. Bell.* Unstable America. — "Encounter", June 1970; *его же.* The Cultural Contradictions of Capitalism. — "The Public Interest", 1970, N 21.

тариат», состоящий из «техников, младших сотрудников и ассистентов»[1].

В «постиндустриальном обществе», утверждает Белл, произойдет быстрый рост нового класса «профессиональных и технических работников». Этот класс, заявляет он, станет господствующим и в сфере производства, и в сфере политики. Предвидя «трудности» в «постиндустриальном обществе» при «выявлении и выращивании талантов», он предлагает систему обучения, которая строится на порождении «все увеличивающейся неуверенности», «дополнительном психологическом напряжении», — систему, которая обеспечивает «привилегии получения высокой зарплаты и высокого положения в обществе». К власти в «электронной цивилизации, уверяет Белл, придут новые люди — ученые.

Взгляды Белла на новую элиту[2] — ученых перекликаются со взглядами Бжезинского. Однако знака тождества ставить между ними нельзя.

Белл, как и Бжезинский, говоря о важном признаке «постиндустриального общества» — «человеческом капитале» (размещении и выращивании талантов), вместе с тем в меритократическом обществе допускает участие масс в решении некоторых вопросов политического характера. В полемике Бжезинского с левым радикалом П. Илквизейкером на рабочей сессии Комиссии 2000 года (1967) Белл принимает сторону последнего, упрекая Бжезинского в том, что тот отстраняет от участия в политической жизни общества народные массы.

---

[1] *D. Bell.* The Coming of Post-Industrial Society, p. 213—214.

[2] Термин «элита» (от фр. élite — лучшее, избранное, отборное) взят из биологии, где это понятие означает лучшие и ценные виды животного и растительного мира. Как справедливо указывает С. И. Попов, деление общества на элиту и массу «подменяет классовые отношения элитарными и в конечном счете оправдывает социальное неравенство и вечность классовых перегородок» (см. *С. И. Попов.* Критика современной буржуазной социологии, стр. 64). Теория «элиты» критиковалась советскими исследователями Ю. А. Арбатовым, Г. К. Ашиным, Г. В. Осиповым, Е. Д. Модржинской, Ю. А. Замошкиным, Б. А. Шабад и др. Социологи США определяют элиту как группу, обладающую властью и осуществляющую контроль. Подобный взгляд высказан У. Ростоу (*W. W. Rostow.* The Stages of Economic Growth, p. 50).

Аналогичные взгляды высказывают Белл, Бжезинский и другие авторы теории «постиндустриального общества».

В будущем обществе, по мнению Бжезинского, произойдет значительное отделение политической системы от общества; социальные, экономические и технологические изменения ускорят этот процесс. К этой модели относилась Франция при де Голле, говорит Бжезинский, так как она оставалась «сторонником доктрины о свободе воли, демократичной и плюральной, отделенной от политической системы», которой управляют интеллектуалы.

На вопрос Белла: «Вы думаете, такая система является демократичной?» — Бжезинский отвечает, что «политическая система не является демократичной, но общество остается таким»[1]. Бжезинский разъяснил Беллу, что он понимает под «демократическим обществом». Оказывается, демократизм общества, по Бжезинскому, выражает «поддержание определенных сфер автономии для индивидуального самовыражения». С точки же зрения Белла, необходимо расширение участия народа в решении своих дел, а не ориентация на политиков-профессионалов; бюрократич должна быть разбита, а социальные учреждения — стать ответственными перед народом.

Белл, таким образом, выступая как выразитель интересов «большой науки», в отличие от З. Бжезинского — прямого апологета государственно-монополистического капитала — пытается опереться на массовую поддержку в борьбе ученых за ведущую роль в политической жизни общества. Однако в целом их взгляды роднятся. И у того и у другого ведущую роль в «постиндустриальном обществе» занимают не трудящиеся массы, не рабочий класс, а «новая элита», которая противопоставляется массам.

Подобные воззрения Белла и Бжезинского являются искаженным отражением такого следствия развития научно-технической революции, как возрастание роли инженерно-технических работников и ученых в производстве. В «постиндустриальном обществе» решающей, заявляют они, будет проблема образования, подготовки высококвалифицированных, обученных кадров[2]. Бжезинский полагает, что в «технотронном

---

[1] "Toward the Year 2000: Work in Progress". — "Daedalus", Summer 1967, p. 686—687.

[2] *D. Bell.* Notes on the Post-Industrial Society. — "The Public Interest", 1967, N 6, p. 30.

обществе» не только образование становится всеобщим, но и высшее образование будет доступным для всех, кто имеет «необходимые таланты». При этом он отмечает, что обучение больших количеств людей крайне необходимо в связи с тем, что делается большой упор на отбор людей по качеству [1].

По мнению З. Бжезинского, современные Соединенные Штаты уже вступили в «технотронный век».

Посмотрим, действительно ли образование, в том числе и высшее, стало доступным для всех трудящихся капиталистических стран.

По подсчетам американского экономиста А. Нила, сеть учреждений профессиональной и специальной подготовки США должна ежегодно переучивать и доучивать не менее 700 тыс. рабочих, т. е. 1% всего занятого населения. Но это очень дорогостоящее и лишь вспомогательное средство, тогда как главная роль в решении этой проблемы принадлежит высшему образованию. Однако и здесь дело обстоит не лучше. Плата за специальное среднее образование (в двухгодичных колледжах) и высшее образование очень высокая, и она все время растет. В течение десяти лет, с 1960 по 1970 г., плата за обучение в государственных колледжах ежегодно возрастала в 1,5 раза — с 820 до 1200 долл., а в частных колледжах — с 1513 до 2700 долл. Стоимость полного курса в государственных университетах в 1969/70 учебном году составляла от 6 до 10 тыс. долл., а в частных университетах — 12—16 тыс. долл.

Сравнительно небольшой удельный вес государственных учебных заведений в их общем числе не создает условий для массового охвата молодежи. Обучаться в частных учебных заведениях могут в основном дети обеспеченных родителей. (Среди ведущих 12 американских университетов 8 являются частными.) Для малообеспеченных слоев населения получение высшего образования остается практически недоступным. В 1966 г. дети рабочих составляли менее 16% всего американского студенчества.

Таким образом, система высшего образования в США очень далека от образца Бжезинского. Она наглядно подтверждает, что ее состояние обусловлено

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. 7—8; *его же.* America in the Technetronic Age, p. 7—8.

социальным строем США и ее пороки являются отражением пороков капиталистического общества.

У Белла и Бжезинского элитизм выступает как средство для затушевывания глубоких социальных конфликтов, присущих капиталистическому обществу, как средство идеологического оправдания существования паразитических, эксплуататорских классов, превратившихся в тормоз общественного развития. «Элита» для них — закономерный продукт развития техники. Это так называемый технократический вариант теории «элиты», но Бжезинский и Белл исходят и из биопсихологического варианта теории «элиты», делающей упор на «отбор талантов».

Своеобразную теорию «элиты» разрабатывает и Гэлбрейт. В обществе будущего, с его точки зрения, власть переходит к «организационной» интеллигенции, которую он называет «техноструктурой». Капитализм, утверждает Гэлбрейт, преобразовался, он стал фактически не нужен.

Рассуждения Гэлбрейта устраивают буржуазных идеологов, они выглядят «доказательно»: ведь он исходит из теории факторов производства и развивает эту теорию применительно к «современной индустриальной системе». На разных этапах исторического развития общества, отмечает Гэлбрейт, реальная власть принадлежала разным факторам производства и тем, кто ими распоряжался. Было время, когда решающим фактором являлась земля, а потому экономическая и политическая власть находилась в руках собственников земли. Затем в роли решающего фактора стал выступать капитал, которому и перешла власть. На новом этапе развития общества капитал сам по себе не решает успеха дела, и власть постепенно переходит от собственников капитала к управляющим. Таким образом, Гэлбрейт выдвигает своеобразный вариант теории менеджеризма. Он пытается доказать, что прообразом нового, «постиндустриального общества», или «нового индустриального государства», является «техноструктура» (technostructure). Она руководит обществом, ибо представляет собой механизм для принятия групповых решений, стремясь при этом к оптимальному производству, постепенно выходя из-под контроля собственников и становясь «надклассовой» силой, или, как пишет Гэл-

брейт, «групповое решение... принимает абсолютный характер»[1].

«Техноструктура», с точки зрения Гэлбрейта, — это иерархия специалистов, управляющих.

Он верно подмечает, что современная техника требует глубоких специализированных знаний, что в век научно-технической революции решение является продуктом не отдельных лиц, а целых групп. Однако Гэлбрейт делает отсюда неправомерный вывод. Он считает, что, когда власть осуществляется группой людей, она не только переходит к этой группе как определенной организации, но и отчуждена и защищена от постороннего и противоречивого влияния государства, собственников-владельцев и кредиторов; предприятие же становится своего рода самоуправляющейся, независимой системой инженерно-административного состава.

Гэлбрейт в понятие «техноструктура» включает такую большую группу в «новом индустриальном обществе», которая охватывает управляющий, координирующий и планирующий талант. При этом он подчеркивает, что этот талант может быть проявлен ученым и инженером, руководителем отдела, любым, кто опытен в искусстве убеждения, всеми теми, кто программирует и управляет вычислительной машиной.

В понятии «техноструктура» Гэлбрейта нашли свое отражение насущные интересы монополистической буржуазии, потребности капиталистического производства.

Тейлоризм, который долгое время казался непревзойденным способом максимальной интенсификации труда рабочих, со временем обнаружил все свои внутренние слабости и противоречия. Оказалось, что «превращение» человека в деталь производственного механизма, в робота полностью неосуществимо. Это признал еще в 20-х годах «автомобильный король» Г. Форд, указав на то, что пора уделять внимание и людям.

Несомненно, призывы усилить внимание к «человеческому фактору» производства стимулируются научно-технической революцией, обусловлены определен-

[1] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 108.

ными сдвигами в содержании индустриального труда и в структуре рабочего класса. С появлением на капиталистических предприятиях автоматического и полуавтоматического оборудования изменяются функции работника: он начинает выступать главным образом как оператор, или специалист по оборудованию, который обязан прежде всего предотвращать возможность перебоев в производственном процессе, поломок и аварий. Отсюда все большее значение приобретают такие качества работника, как внимание, чувство ответственности, добросовестное отношение к своему труду. Эти качества играют серьезную роль, ибо в автоматизированном производстве остановка на одном участке прерывает работу большого производственного комплекса и наносит громадные убытки предприятию. Поэтому идея «демократизации производства» явно отражает интересы монополистического капитала, его тактику.

Современному монополистическому капиталу нужно не просто подчинение, а добровольное подчинение, полная готовность подчиниться. А такая готовность может быть обусловлена материальными и моральными факторами. Именно на это и уповает Гэлбрейт в своем учении о «техноструктуре». «Техноструктура» — это абстракция, отражающая, бесспорно, уже известную идею «социальной интеграции».

Гэлбрейт старается увязать «техноструктуру» с развивающейся научно-технической революцией, которая способствует быстрому обновлению оборудования и технологии производства (особенно в новых, растущих отраслях промышленности: химии, нефтепереработке, радиоэлектронике и т. д.). Предприятия же этих отраслей, находясь в особенно выгодном, конъюнктурном положении и испытывая потребность в стабильной рабочей силе, платят своим рабочим, в том числе и малоквалифицированным, значительно больше, чем получают при той же квалификации рабочие других предприятий.

Резкое сокращение сроков в обновлении оборудования заставляет предпринимателей уделять большое внимание подготовке квалифицированных и высококвалифицированных кадров. Все эти специфические конъюнктурные условия и позволили Гэлбрейту заявить о «техноструктуре» как прообразе «нового инду-

стриального государства», в котором снимаются острейшие социальные антагонизмы.

Гэлбрейтовское понятие «техноструктура» отражает идею «классового сотрудничества», «трудового сообщества», в котором все равноправны, начиная от президента административного совета и кончая рабочим.

Было бы неверно видеть в «техноструктуре» лишь отражение некоторых процессов, происходящих в капиталистическом предприятии под воздействием научно-технической революции. «Техноструктура» Гэлбрейта представляет собой попытку либеральной буржуазии решить в условиях и в интересах капитала проблему использования возрастания функций управления, поставленную современной научно-технической революцией.

Современное производство, да и современное общество в целом, не может нормально функционировать в рамках старого «разделения труда» между правящей «элитой» и пассивно подчиняющейся ей массой. Роль рабочего класса во всех сферах жизни объективно возрастает, и «техноструктура» пытается совместить этот непреодолимый процесс с капиталистическими отношениями господства и подчинения. Однако подлинно сознательное отношение работника к своему труду, понимание его общественного смысла, политическое и моральное единство между различными социальными группами могут быть достигнуты только в условиях общественной собственности на средства производства.

В лекции «Кризис индустриального общества», прочитанной в Париже 2 февраля 1971 г., Гэлбрейт критикует «современное индустриальное общество», которое он называет «иррациональным» и которому не могут якобы помочь «классические методы лечения». В этой лекции Гэлбрейт говорит, что «техноструктура» уже не только не справляется со многими возложенными на нее задачами, но даже вызывает пагубную для общества гонку вооружений. «Техноструктура» и общественное производство — это две несовместимые вещи, утверждает он. И здесь же делает вывод о «перемещении власти от капитала к технократии».

Во всяком процессе развития происходит раз-

двоение единого, образование системы, вовлечение в нее и воспроизводство в ней необходимых условий ее существования. Развивающийся объект ассимилирует эти условия, сообщает им свою форму, превращает внешнее во внутреннее. Если бы Гэлбрейт рассмотрел действительное место инженерно-технических работников в системе капиталистической корпорации и в буржуазном обществе в целом, то его «техноструктура» не носила бы «надклассового характера»: ведь положение инженерно-технических работников определено господствующими капиталистическими производственными отношениями.

Изменения, действительно происшедшие в капиталистическом обществе в связи с научно-технической революцией и государственно-монополистическим капитализмом, о которых пишут авторы теории «постиндустриального общества», вовсе не означают его превращения в «бесприбыльное» хозяйство. В любой развитой капиталистической стране хозяевами корпорации являются финансовая олигархия, владельцы контрольных пакетов акций, а технократическая верхушка корпораций или слилась с финансовой олигархией, или находится у нее на службе. Как показывает американская статистика, большинство научно-технических работников принадлежит к лицам наемного труда. Если суммировать численность научных и технических специалистов, то (согласно переписи 1960 г.) они насчитывали около 2 млн. человек, или почти 30% всей наемной интеллигенции. «Таким образом,— отмечает А. Мельников, — значительная и наиболее важная (с точки зрения роли в современном производстве) часть специалистов воспроизводится сейчас как лица наемного труда»[1]. По своему месту в системе производственных отношений значительное количество наемной интеллигенции принадлежит к эксплуатируемой капиталом части населения. Однако существует часть инженерно-технических работников, которая примыкает к монополистической буржуазии. Это специалисты-собственники, имеющие свой бизнес,

---

[1] *А. Мельников.* Интеллигенция США: численность, состав, социальная дифференциация. — «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 1, стр. 108.

или самостоятельное занятие. Об этом свидетельствует табл. 2[1].

Таблица 2

Специалисты-собственники	Численность (тыс.)	Удельный вес в общей численности лиц данной профессии (%)	Доля специалистов-собственников с доходом в 10 тыс. долл. и больше (1959 г., %)
Всего	855,7	—	53
В том числе:			
зубные врачи	78,6	90,4	64,5
врачи и хирурги	149,0	64,9	87
юристы	133,9	64,1	65
архитекторы	12,7	42,3	62
фармацевты	34,0	36,9	47
музыканты и учителя музыки	65,6	34,3	6,2
художники и учителя рисования	22,7	22,3	35
писатели, редакторы, журналисты и репортеры	16,1	13,3	34
бухгалтеры	54,7	11,6	56
ученые (естественные науки)	5,3	4,9	98
инженеры	37,2	4,3	94
другие профессии	245,9	—	—

Согласно теории «постиндустриального общества», именно автоматизация, техника сами по себе определяют контуры, характер и порядок «новой системы», они вытесняют рабочего, способствуют «исчезновению» рабочего класса и буржуазии. В этой связи исключительно актуальна разработанная Лениным методология роста пролетарских рядов с развитием капитализма.

Говоря о росте численности рабочего класса, В. И. Ленин вместе с тем указывал, что развитие капитализма ведет к появлению новых сфер деятельности, в которых неизбежно будет занят рабочий

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 1, стр. 107.

класс (в частности, сфера обслуживания). Он сделал важный вывод о пролетаризации научно-технической интеллигенции, непосредственно принимающей участие в производстве прибавочной стоимости.

Как показывает анализ действительности, инженерно-технические работники, управляющие либо являются наемными работниками, либо сами владеют собственностью и выступают в роли бизнесменов, хозяев.

Следует подчеркнуть, что государственно-монополистический капитализм в условиях развивающейся научно-технической революции требует увеличения удельного веса интеллектуального труда в общественном производстве. Процесс этот сопровождается расслоением научно-технических работников, низведением их до уровня наемных тружеников со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Современный рабочий класс непосредственным образом связан с научно-технической революцией, с наиболее передовыми методами и формами производства. Потребности научно-технической революции заставили предпринимателей пойти на то, чему они долго и упорно сопротивлялись: дать возможность рабочему классу получить более широкое образование, в первую очередь техническое. Так, с 1940 по 1965 г. доля высококвалифицированных рабочих в промышленности США выросла с 27 почти до 35%, рабочих средней квалификации — с 48 почти до 51%, а рабочих низкой квалификации сократилось с 25 примерно до 14% [1].

Научно-техническая революция способствует тому, что рабочий класс становится более квалифицированным, более образованным и интеллигентным. Вместе с тем она ведет и к численному росту армии наемного труда, вовлечению в классовую борьбу все новых отрядов трудящихся. Происходит постоянный процесс пополнения состава рабочего класса как в результате расширения производства, так и за счет притока многих категорий лиц умственного труда, а также разоряющихся крестьян, мелких собственников и кустарей. За 15 лет (1958—1972) армия наемного труда воз-

[1] См. *В. В. Загладин.* Закономерности рабочего движения и борьба за социализм. — «Вопросы философии», 1970, № 10, стр. 7.

росла: в США — с 81,9 до 91,6%, во Франции — с 68,2 до 76, в ФРГ — с 75 до 82,6, в Англии — с 89,1 до 93,5% [1].

Но было бы неправильным рассматривать наемных работников и рабочий класс как идентичные категории. В структуре рабочего класса, безусловно, происходят сдвиги, связанные с развивающейся научно-технической революцией [2]. Растет удельный вес и абсолютная численность пролетариата.

Однако Гэлбрейт и многие другие постиндустриалисты вопреки действительному положению дел заявляют, что «в условиях индустриальной системы относительно, а возможно и абсолютно, сокращается потребность в производственных рабочих («синих воротничках»), как квалифицированных, так и неквалифицированных» [3]. Гэлбрейт и ему подобные делают такие утверждения для узаконения вывода о том, что «в результате роста индустриальной системы произошло значительное ослабление профсоюзов как социальной силы» [4].

Авторы теории «постиндустриального общества» усиленно развивают идею «депролетаризации», согласно которой с повышением технического уровня производства «синие воротнички» (рабочие) заменяются «белыми воротничками», т. е. инженерно-техническими, научными работниками, административно-управленческим персоналом, конторскими служащими и т. д. Официальная статистика США показывает, что доля «белых воротничков» неуклонно растет, а «синих» сокращается.

Белл, используя эти официальные буржуазные источники, составляет целый ряд таблиц, посредством которых пытается доказать, что будущее общество — общество ученых и инженеров, исследовательских

---

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, стр. 73.

[2] См. «Международное рабочее движение». М., 1972; «Научно-техническая революция и проблемы коммунистического движения». Ежегодник 1972. М., 1972; «Рабочий класс капиталистических стран и научно-техническая революция». Материалы, опубликованные в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1968—1969 гг., и документы коммунистических и рабочих партий. Прага, 1969.

[3] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 285.

[4] Там же, стр. 328.

институтов и университетов, связанных с «большой наукой» [1].

Следует отметить, что с развитием производительных сил, углублением общественного разделения труда идет, бесспорно, усложнение состава рабочего класса, его профессиональная дифференциация. При построении же своих схем авторы теории «постиндустриального общества» игнорируют основной критерий классовой принадлежности — отношение к средствам производства. Поэтому в состав и «синих» и «белых» воротничков включаются как собственники (в том числе и крупные), так и лица наемного труда. Особенно это относится к категории «работников в белых воротничках» [2]. Анализ показывает, что так называемые «белые воротнички» классово разнородны. Часть из них — наемные работники, лишенные средств производства и живущие продажей своей рабочей силы, т. е. подвергающиеся капиталистической эксплуатации, другая часть является собственниками средств производства и принимает непосредственное участие в присвоении прибавочной стоимости.

В «Новой программе Коммунистической партии США» указывается: утверждение о том, что научно-техническая революция ведет к ликвидации огромной армии рабочих, занимающихся физическим трудом, и что рабочий класс заменяется «новым классом» техников, инженеров и ученых, не соответствует действительности. Напротив, «происходит не только численный рост рабочего класса, но и сохранение той его части, которая занимается физическим трудом и вовлечена в сферу промышленного производства» [3]. «...Рабочие, занимающиеся физическим трудом, все еще составляют три пятых всей рабочей силы» [4]. Сегодня рабочий класс выступает как главная производительная и общественная сила, идущая во главе исторического прогресса. Если к началу XX в. числен-

[1] *D. Bell.* The Measurement of Knowledge and Technology. — "Indicators of Social Change", p. 156, 199, 202—203, 207.

[2] См. *А. Мельников, С. Зонов.* Рабочий класс и его союзники. — «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 1-2.

[3] «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 12, стр. 71.

[4] Там же.

ность пролетариата составляла примерно 30 млн. человек, то в 1972 г. только в индустриально развитых капиталистических странах она превысила 200 млн. человек [1].

Действительность Соединенных Штатов Америки не подтверждает выводы об «исчезновении пролетариата» в современном капиталистическом обществе. Авторы буржуазно-либерального и либерально-реформистского направления теории «постиндустриального общества», видят сдвиги, которые произошли под влиянием научно-технической революции в социальной и профессиональной структуре капиталистического общества: изменение структуры, профессионального и квалификационного состава рабочего класса, уменьшение количества рабочих, занятых неквалифицированным и полуквалифицированным физическим трудом, и увеличение количества ученых, техников и квалифицированных рабочих, но неправильно и тенденциозно интерпретируют эти процессы. Так, Тиболд говорит о значительном росте квалифицированных рабочих «белых воротничков» по сравнению с «синими воротничками». Верно отмечая, что научно-техническая революция привела к тому, что профессия инженеров и техников стала массовой, он не замечает, что в значительном большинстве представители ее работают по найму, т. е. эксплуатируются.

Масса «белых воротничков» все отчетливее сознает, что они подобно рабочим, занятым физическим трудом, являются людьми, работающими по найму. «Белые воротнички» испытывают, как и все слои наемных работников, буквально все тяготы безработицы. За полтора года, с июля 1969 по декабрь 1970 г., число безработных «белых воротничков» в США увеличилось с 800 тыс. до 1213 тыс., в том числе научно-технического персонала (на который такие большие надежды возлагают авторы теории «постиндустриального общества») — со 170 тыс. до 234 тыс., конторских работников — с 426 тыс. до 634 тыс. [2] Вывод

---

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, стр. 73—74.

[2] См. «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран». Обзор за 1970 г. и начало 1971 г. [Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 8], стр. 48.

постиндустриалистов о так называемой интеграции рабочих в некий «средний класс» строится на явно ложной посылке, будто «белые воротнички» — единая социальная категория.

Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. отметил, что «классовым отношениям в США не присуще абсолютно ничего такого, что бы в какой-либо степени противоречило основным концепциям марксизма...

Что действительно является новым и значительным на арене классовой борьбы в США — так это исторический подъем борьбы, процесс радикализации в рядах рабочего класса»[1].

Ссылаясь на решающую роль научно-технической революции в изменении социальной структуры общества, постиндустриалисты выступают не только против необходимости политической формы классовой борьбы, но и против борьбы идеологической. Идеологию они заменяют наукой. По мнению авторов теории «постиндустриального общества», в век электроники и кибернетики вытеснение идеологии наукой неизбежно. И если для «индустриального общества» идеология необходима, то для «постиндустриального» она абсурдна.

До возникновения марксизма отсутствовало научное понимание идеологии. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые доказали, что общественное сознание есть отражение общественного бытия, условий материальной жизни общества. В предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс указывает на такие идеологические формы, как юридические, политические, религиозные, художественные и философские взгляды, в которых люди осознают конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями[2]. Идеология отражает интересы, цели, стремления и борьбу классов и социальных групп. В обществе, разделенном на

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 549.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7.

антагонистические классы, не может не быть идеологии.

В «постиндустриальном обществе» его создатели сохраняют частную собственность на средства производства, экономическое и политическое неравенство, антагонизм классов и социальных групп. А поэтому ясно, что и общество 2000 года Белла, Гэлбрейта, Бжезинского и др. не может быть обществом «деидеологизированным». Пока существуют антагонистические классы, будет происходить и идеологическая борьба между революционной социалистической идеологией рабочего класса и реакционной идеологией буржуазии.

Авторы теории «постиндустриального общества», как и прочие буржуазные идеологи, рассматривают понятия «идеология» и «наука» как взаимоисключающие, несовместимые.

Научный характер пролетарской идеологии глубоко вскрыт В. И. Лениным. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» он подчеркивал, что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности; он представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса, но только он совершенно иначе объясняет общеизвестные факты роста и побед русского капитализма, совсем иначе понимает задачи, которые ставит наша действительность идеологам непосредственных производителей» [1].

Научность социалистической идеологии состоит в том, что она дает научное знание объективных законов общественного развития, определяет ход, пути избавления от капиталистической эксплуатации.

Марксизм-ленинизм указывает и на великую силу идей, подчеркивает необходимость использования их активной роли. В. И. Ленин отмечал, что *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»* [2]. «...Теория, — говорил К. Маркс, — становится материальной силой, как только она овладевает массами» [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 411.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 422.

Авторы «постиндустриального общества» заявляют, что будущее у человечества едино, а поэтому уже сейчас идеологическая борьба излишня. Тезис «деидеологизации» они пытаются использовать для ослабления влияния коммунистической идеологии. Проповедуя теорию «отмирания идеологий», буржуазные социологи умалчивают, однако, что в последние годы в странах капитала развернулось широкое идеологическое наступление.

Жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Именно поэтому буржуазные идеологи ищут решение проблем, исключая необходимость коренных социальных преобразований, а «исчезновение» идеологии помогает им в этом.

Отрицая идеологическую борьбу, авторы теории «постиндустриального общества» пытаются обосновать мысль об исчезновении в «новом обществе» политических партий. И здесь главная их задача — отрицание руководящей роли коммунистических и рабочих партий в преобразовании современного капиталистического общества.

Постиндустриалисты выступают против марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы. Они игнорируют определяющую роль народных масс в истории, «передавая» ее в «новом обществе» элите ученых и инженерно-техническим работникам.

Проблема народных масс, классов в социальном прогрессе имеет важное мировоззренческое и политическое значение. Идеологи монополистического капитала страшатся активности масс, поэтому и строят свои стратегические расчеты на том, что история делается не народом, а классовая борьба — это лишь аномалия развития.

Марксизм впервые в социологии разработал научное, материалистическое определение класса. В. И. Ленин, выделив главный признак, по которому люди делятся на группы, — отношение людей к средствам производства, дал знаменитое определение класса, которое является единственно верной методологической основой анализа классового общества.

Признание отношения к средствам производства главным критерием классовой принадлежности позволяет правильно определить пути ликвидации классовых антагонизмов. Революционные выводы об исто-

рической миссии пролетариата, о роли непролетарских трудящихся слоев как союзников пролетариата сделаны марксизмом на основе этого критерия. Именно отношение к средствам производства помогает вскрыть сущность отношений между антагонистическими классами как отношений эксплуататорских.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс показали историческую неизбежность классовой борьбы в обществе, основанном на частной собственности на средства производства. Через всю историю общества со времени распада первобытной общины проходит борьба между классами. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер... и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[1]. Капитализм принес дальнейшее обострение классовой борьбы, расколов общество на два большие класса — пролетариат и буржуазию, интересы которых противоположны и непримиримы.

Рост государственно-монополистических тенденций в условиях научно-технической революции сопровождается углублением всех противоречий капитализма, обострением антагонизма между трудом и капиталом. Свидетельство этого — массовый поворот трудящихся к активным действиям против капитала. В 1972 г. в США в забастовочном движении участвовало свыше 1 млн. трудящихся[2]. Бастовали многие отряды трудящихся — портовые рабочие, электрики, учителя, муниципальные работники и др.

В США вот уже многие годы сохраняется высокий уровень безработицы. В среднем в 1973 г. число безработных составило 4,3 млн., или 4,9% общего числа занятых[3]. В декабре 1973 г. уровень безработицы достиг 4,8%, а в I квартале 1974 г. — 5,2%. В офи-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 424.

[2] Цифра дана на основе официальной статистики, которая не учитывает политические забастовки, «дикие» забастовки, «дни борьбы» и т. д. (см. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 94).

[3] См. «США. Экономика, политика, идеология», 1974, № 3, стр. 84, 85.

циальных американских кругах смолкли речи о 4-процентной безработице, которую раньше всегда выдавали за эквивалент полной занятости [1].

Постиндустриалисты всячески умаляют роль общественных организаций, они настойчиво проводят мысль, что в будущем обществе профсоюзы отмирают, причем этот процесс начался уже сейчас. Однако жизнь опровергает подобные утверждения. В обстановке роста авторитаризма монополий, склонных вести коллективные переговоры с рабочими с позиций силы, происходит быстрая радикализация трудящихся, активизация рядовых членов профсоюзов, приобщение к профсоюзному движению все новых и новых социальных слоев. Трудящиеся США объединяют свои усилия в борьбе против правительственной программы перекладывания бремени экономических трудностей, переживаемых страной, на плечи рабочих и служащих. Передовые слои рабочего класса все более убеждаются в том, что в обстановке интенсивного развития государственно-монополистических форм капиталистической эксплуатации невозможно добиться жизненно важных требований, не подкрепляя экономические выступления активными политическими действиями, направленными против всей реакционной внутренней и внешней политики правительства.

Таким образом, сама жизнь неумолимо опровергает выводы постиндустриалистского анализа социальной структуры американского общества, показывает его реакционную политическую направленность— защиту эксплуататорской сущности капитализма.

---

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1974, № 5, стр. 19.

Глава III

Авторы «постиндустриального общества» о путях его построения

Революция или реформа?

Авторы теории «постиндустриального общества» много толкуют о «революционных изменениях» общества, о возникновении «нового общества». И это очевидно. В век революционного обновления мира буржуазные идеологи не могут не говорить о революции, о прогрессе общества. Однако при анализе их взглядов закономерно возникает вопрос: что же они считают основой этих процессов — революцию или реформу?

Постиндустриалисты пытаются разрешить вопросы общественного развития, классовые антагонизмы с помощью некоего «единства» революции и реформы. Иначе говоря, на поставленный вопрос Белл, Гэлбрейт да и Тиболд отвечают: «И революция, и реформа!» Причем имеется в виду не социальная революция, а революция научно-техническая; не о реформах идет речь, необходимых для ускорения революционного процесса, а о реформах как «единственно действенном средстве» преобразования общества.

В 60-х годах в США усиливается интерес к проблемам управления социально-экономическими процессами и со стороны правительства, и со стороны финансово-промышленного капитала. Так называемые правительственные долгосрочные программы, политика, направленная на приостановление инфляции с помощью метода «замораживания» роста цен и заработной платы, попытки введения элементов планирования в хозяйственную деятельность отдельных предприятий и целых отраслей производства создали определенные иллюзии относительно возможности преодоления существующих социальных противоречий

капитализма посредством реформ. Теория «постиндустриального общества» стала одним из многочисленных вариантов подобных иллюзий. Свой реформизм она сочетает с апологией научно-технической революции, как определяющей основой всестороннего общественного развития.

Марксизм-ленинизм дал глубокий анализ социальной сущности реформизма, показал его политическую и идеологическую направленность.

К. Маркс подчеркивал, что с помощью реформ можно добиться лишь отдельных, к тому же часто лишь временных улучшений, но нельзя уничтожить господство капитала. В революционной борьбе реформы могут быть использованы в целях расширения и усиления революционной работы в массах, для ускорения победы революции.

Реформизм подменяет классовую борьбу трудящихся против капитализма мелкими реформами, не затрагивающими основ эксплуататорского строя, сеет иллюзии о постепенном, незаметном переходе к «справедливому обществу».

Анализируя роль государства в «новом индустриальном обществе» Гэлбрейта, нетрудно заметить его стремление изобразить монополистическое государство как фактор, определяющий природу корпорации. Под влиянием регулирующей деятельности государства якобы исчезает рыночная стихия, погоня за максимальной прибылью. «Вместо того чтобы подчиняться рынку, фирма, — пишет Гэлбрейт, — в силу своих возможностей подчиняет рынок целям планирования. Цены, издержки, размеры производства, а соответственно и выручка устанавливаются не рынком, но... плановой политикой фирмы» [1].

Об определяющей роли государства в рассмотрении важных вопросов, связанных с образованием, политикой в отношении науки постоянно говорит Бэлл. Их решение он ставит в зависимость от планирования [2].

Все это свидетельствует о том, что постиндустриалисты используют реформизм для обоснования «ре-

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 155.

[2] *D. Bell.* The Measurement of Knowledge and Technology. — "Indicators of Social Change", p. 158.

альности» путей перехода современного буржуазного общества к «новому обществу».

С точки зрения идеологии реформизма для перехода человечества к «новому обществу» нет необходимости разрушать основы капитализма, уничтожать буржуазное государство, лишать буржуазию собственности на средства производства.

Реформистская идеология получила широкое распространение в капиталистических странах[1].

В. И. Ленин в свое время отмечал, что «вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции, — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции»[2].

Известно, что коренные качественные изменения в обществе связаны с революциями. В революционные периоды, говорил К. Маркс, один день воплощает двадцать лет, ибо здесь разрешаются многочисленные противоречия, которые медленно накоплялись целыми эпохами. Революции Маркс называет «локомотивами истории».

Социальные революции — закономерный этап развития классового антагонистического общества. Ее экономической основой является объективно возникающий конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями.

В предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс раскрыл основу возникновения социальной революции. «На известной ступени своего развития, — писал он, — материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. или — что́ является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной

---

[1] См. «Идеология современного реформизма». Критика концепций правых социалистов. М., 1970, стр. 17.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 305.

революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[1].

Авторы теории «постиндустриального общества» полагают, что для современного этапа развития человеческого общества характерной является не социальная революция, а революция научно-техническая. Кан и Винер постоянно подчеркивают значение «всемирно широкой индустриализации» как основы «продвижения вперед по пути к постиндустриальному обществу»[2]. Они останавливаются на подробном рассмотрении научно-технического прогноза. В одной из таблиц книги «Год 2000» Кан и Винер указывают около 100 областей знания, в которых произойдет внедрение новой техники с 1967 по 2000 год. При этом каждому открытию дается характеристика по трем аспектам: значение для самой области знания; вероятность появления нововведения до 2000 года; роль научно-технических нововведений в революционном изменении общества[3].

Как видно, Кан и Винер не ограничиваются одним только научно-техническим прогнозом на 2000 год. Его они рассматривают в качестве основы социального прогнозирования, полагая, что накопление научных и технических знаний определяет такие изменения, которые связаны с ростом изобилия, получением дохода на душу населения от 4 тыс. до 20 тыс. долл., т. е. появлением «постиндустриального общества». О создании новых экономических связей, социальных отношений с помощью технологической революции говорит Белл. При этом под последней он понимает «процесс, состоящий из всех лучших методов, и организацию эффективности (использование) как старого, так и нового капитала»[4].

И здесь возникает вопрос: каковы соотношение, природа и взаимосвязь социальной революции и революции научно-технической?

Глубоко и обстоятельно эту проблему раскрыл К. Маркс в «Капитале». Он показал, что в рамках

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7.

[2] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 20.

[3] См. там же, стр. 50.

[4] *D. Bell*. The Measurement of Knowledge and Technology. — "Indicators of Social Change", p. 176—177.

одной общественно-экономической формации развиваются начала технической базы следующей формации. «Как при последовательной смене различных геологических формаций, так и при образовании различных экономических формаций общества не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды»[1]. Эта мысль Маркса убедительно подтверждается в нашу эпоху. Развитие техники, науки, всего технологического базиса в капиталистических странах ведет к значительным структурным изменениям производительных сил и некоторым сдвигам в системе капиталистических производственных отношений. Действительно, в промышленности, например, доля старых, «традиционных» отраслей падает (угольная, сталелитейная, текстильная, пищевая), несмотря на их техническое усовершенствование. Происходит это вследствие стремительного развития новых, перспективных отраслей (электронной, авиационной и ракетно-космической, химической, электронно-энергетической и т. д.). Сельское хозяйство развитых капиталистических стран перешло от мануфактурной стадии производства к машинной. Одновременно происходят структурные изменения внутри классов буржуазии, пролетариата и интеллигенции.

Не могли не заметить этих изменений и буржуазные социологи. Более того, они говорят о «коренных изменениях» в социальном строе, идеологии и политике капиталистических стран. Однако авторы теории «постиндустриального общества» считают, что научно-техническая революция и есть та основа, на которой осуществляется общественный прогресс. Гэлбрейт, например, природу крупных капиталистических корпораций, замену рыночного механизма планированием, да и деятельность самого буржуазного государства, выводит из современной техники.

На взаимосвязь революции научно-технической и революции социальной указал в свое время Ф. Энгельс. Он писал: «А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера, — конфликты не только между

[1] «Коммунист», 1968, № 7, стр. 27.

созданными этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения этих конфликтов»[1].

Научно-техническая революция в условиях капитализма не только не устраняет социальные антагонизмы, а, напротив, обостряет их и порождает новые (новые формы классового гнета монополистического капитала, тенденция к тотальному отчуждению личности, манипулирование сознанием посредством массовой культуры и т. п.). В буржуазном обществе научно-техническая революция не получает всестороннего развития; действия ее ограничены узкими рамками капиталистической собственности. Для полного ее развития необходимы другие условия, необходим другой социальный строй.

Вслед за революцией в технологическом базисе неминуемо. как учит марксизм-ленинизм, начинается революция в производственных отношениях. Марксистское положение о том, что буржуазия никогда не уступит власть добровольно, действует и сегодня. Такое положение явно не устраивает авторов теории «постиндустриального общества». Они тщатся доказать, что проблема социалистической революции — это псевдопроблема. В современную эпоху регулирование всех социально-экономических проблем, и даже идеологических проблем, подчинено, по их мнению, научно-технической революции.

Как же истолковывают научно-техническую революцию постиндустриалисты? Какие социальные последствия в развитии общества они с ней связывают?

Научно-техническая революция в понимании авторов теории «постиндустриального общества»

Идеологи «постиндустриального общества», отмечая рост и технологическую перестройку производительных сил капитализма, полагают, что это означает становление «новой цивилизации». Иначе говоря, го-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 669.

сударственно-монополистический капитализм, модернизированный научно-технической революцией, они пытаются представить за будущее человечества.

Основываясь на некоторых аспектах научно-технического прогнозирования, сторонники «постиндустриального общества» выдвигают свой социальный идеал, противопоставляя его коммунизму. В трактовке представителей различных направлений этой теории «постиндустриальное общество» является «новым обществом», ничего не имеющим общего с капитализмом, а научно-техническая революция и буржуазное государство — те силы, которые преобразуют общественный строй.

Для этой цели авторы теории «постиндустриального общества» привлекают огромный фактический, цифровой материал, обращаются к анализу различных экономических и социальных явлений, используют новейшие методы прогнозирования. И, несмотря на это, бросается в глаза их несостоятельность. Они не могут дать анализа общественных явлений в их целостности, во взаимообусловленности.

Произвольно «вырвав» технику из системы экономических отношений, авторы теории «постиндустриального общества» свели развитие общества к научно-техническому прогрессу, связав все надежды на будущее лишь с техникой. Подобный подход к объяснению общественных явлений носит механистический характер. Механицизм у них проявляется, во-первых, в «вычленении» техники из системы общественных отношений, во-вторых, в «изоляции» человека, политических, культурных отношений от социальной системы.

Отрыв техники от производственных отношений служит предпосылкой для извращенного толкования сущности научно-технической революции и ее социальных последствий. Так, Гэлбрейт заявляет, что «требования, диктуемые техникой и организацией производства... вот что определяет облик экономического общества» [1]. Его поддерживают Белл и Бжезинский, считающие, что внедрение электронно-вычислительных машин определит будущее «электронное общество».

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 42.

Говоря о рождении «нового общества», постиндустриалисты отмечают прежде всего изменения, происходящие в орудиях производства, — развитие техники. Действительно, техника за последние годы неизмеримо продвинулась вперед. Автоматизация производства, электроника и кибернетика, создание искусственных материалов, использование свойств атома, открытие и использование новых видов энергии— все это не идет ни в какое сравнение с техникой XIX — начала XX в. Ясно и то, что научно-технический прогресс осуществляется и по своим внутренним закономерностям. Однако решающую роль на развитие научно-технического прогресса в конечном итоге оказывают общественные отношения. Этого не учитывают постиндустриалисты. Они абсолютизируют внутренние закономерности развития науки и техники. Отсюда и причины общественного развития объясняют с позиций «технологического детерминизма», который в известной степени модернизирован в теории «постиндустриального общества» и несколько отличен от технократически-менеджеристского его варианта.

Как и все сторонники социологии «технологического детерминизма», постиндустриалисты подменяют социально-экономические явления техникой, общественные производственные отношения — процессом производства в технологическом смысле. Социальные явления они объясняют степенью развития техники и уровнем образования, отраслевой структурой экономики, уровнем организации производства и т. п. Вместе с тем авторы теории «постиндустриального общества» «обогащают» принцип «технологического детерминизма» так называемой «интеллектуальной технологией», т. е. постоянно указывают на особую роль электроники, кибернетики, новейших математических теорий в определении направления развития не только отдельных социальных явлений, но и общества в целом. Всевозможные технократические, менеджеристские концепции абсолютизируют некоторые формы управления капиталистических предприятий, полагая, что характер общества меняется под воздействием «управленческой революции». В них подменяется капиталистический контроль над предприятием организационно-техническим руководством.

Теория «постиндустриального общества» вобрала в себя идеи менеджеризма, переработав их применительно к новым условиям развития капитализма. Наука, образование, по-мнению постиндустриалистов, определили характер самих управляющих, выдвинули на важнейшие позиции ученых и инженерно-техническую интеллигенцию.

Авторы теории «постиндустриального общества» осуществляют и поиск более широких концептуальных схем, уделяя при этом большое внимание исследованию не только технологического базиса современного производства, но и его связи с политическими, культурными и другими системами. Однако и в этом случае техника и наука для них — силы активные, а человек — создание пассивное. Не диалектическое взаимодействие характерно для техники и человека, а линейность. Постиндустриалисты на передний план выдвигают производственно-технические отношения людей, подменяя ими производственно-экономические отношения [1].

Постиндустриалисты стремятся рассмотреть «новое общество», его становление и развитие через взаимосвязь техники и науки, определяя саму технику как «последовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач» [2]. Причем авторы теории «постиндустриального общества» считают это определение как единственно верное, не вызывающее никаких возражений. Однако история становления науки свидетельствует о сложнейшем взаимодействии науки и производства. В условиях частной собственности на сред-

---

[1] Производственно-экономические или экономические отношения людей складываются в процессе производства материальных благ и определяются формой собственности на средства производства. Технические отношения представляют собой отношения людей определенных специальностей, технического руководства. Они в определенной мере зависят от всего процесса материального производства, и прежде всего от производственных отношений. Экономические и технические отношения отличаются друг от друга как разные виды материальных производственных отношений, и вместе с тем они неразрывно связаны друг с другом. Их взаимодействие не равнозначно: определяющими являются экономические отношения людей.

[2] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 47.

ства производства наука и труд поставлены в антагонистические отношения: развитие науки, как и развитие производительных сил, происходит через кризисы и противоречия. Наука в буржуазном обществе — пленница и служанка капитала, развивается часто однобоко. Но авторы теории «постиндустриального общества» не анализируют сложных взаимосвязей науки и производства, а просто провозглашают науку определяющей силой его развития.

Выдвигая в качестве основного фактора общественного развития «принцип научных знаний» и технический прогресс, сторонники этих воззрений не учитывают многих важных моментов.

Во-первых, что научно-техническая революция в условиях капитализма, оказывая определенное воздействие на развитие производительных сил и затрагивая отношения собственности, не устраняет власть финансовой олигархии, не изменяет, да и не может изменить закон движения капитализма — прибавочную стоимость и прибыль как цель производства. Стали другими, более совершенными только способы эксплуатации. Во-вторых, что научно-техническая революция вызывает существенные изменения лишь в технологическом способе производства, создает предпосылки для глубоких социальных преобразований. В-третьих, постиндустриалисты не учитывают того, что подчинить технику, поставить науку на службу человеку, его целям и потребностям невозможно без изменения социальных отношений. К тому же наивно предполагать, что наука и техника автоматически, сами собой повышают уровень жизни и даже уровень развития экономики того или иного общества. Кан и Винер в своих «пророческих» рассуждениях исходят не из реального предвидения; проводимая ими экстраполяция прошлого на будущее односторонняя; она учитывает только один фактор — рост производительности труда и игнорирует социальные отношения, в рамках которых этот процесс происходит.

Экономические законы, в том числе и закон повышения производительности труда, производны не только от уровня техники, но и от производственных отношений. Действие экономических законов и изменение этого действия есть отражение изменений, происходящих в производственных отношениях, в эконо-

мическом базисе общества. Человек в своей практической деятельности изменяет производственные отношения, экономический базис общества и тем самым направляет определенным образом действие экономических законов. При исследовании действия экономических законов капитализма надо иметь в виду два момента: во-первых, что оно обусловлено господствующим типом производственных отношений; во-вторых, техника, производительные силы общества всегда в своем развитии опережают производственные отношения, что обостряет противоречия между производственными отношениями и производительными силами, вызывает классовую борьбу и социальные перевороты.

Создатели теории «постиндустриального общества», будучи сторонниками «технологического детерминизма», если и говорят о социальных противоречиях, то представляют их как следствие введения новой техники, как результат научно-технической революции. Эти противоречия выступают у них в качестве «противоречий между человеком и машиной», как всеобщие и независимые от социальных отношений, хотя представители буржуазно-реформистского и леворадикального направлений теории «постиндустриального общества» вынуждены обращаться и к социальным последствиям научно-технической революции (не в плане анализа, а в виде констатации фактов).

В их суждениях имеются некоторые верные оценки отрицательного влияния машинного производства на человека и его труд. Картины тяжелого положения рабочих в США, порожденного автоматизацией ряда отраслей промышленного производства даны Тиболдом и другими авторами «Манифеста «тройственной революции»». Однако при этом они отмечают, что анализ причин безработицы показывает, что она является результатом лишь низкого уровня квалификации и образования, и если эта проблема не будет решена, то безработица останется [1].

Но машины ли, уровень ли образования трудящихся в действительности являются истинной причиной безработицы при капитализме? Ответить на этот вопрос нетрудно. «Противоречий и антагонизмов, — пи-

[1] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 93.

сал Маркс, — которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения!»[1] Причиной безработицы при капитализме являются господствующие частнособственнические производственные отношения. И напрасно постиндустриалисты возлагают надежды в разрешении острейших социальных антагонизмов на технику.

Известно, что внедрение техники и научных открытий в условиях частной капиталистической собственности не безгранично. К. Маркс, определяя границы применения новой техники при капитализме, писал: «Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы»[2].

В условиях капитализма имеются и другие серьезные препятствия в развитии производительных сил. Среди них низкий уровень потребления трудящихся масс, который сужает рынок сбыта и тем самым сдерживает производство; последствия милитаризации экономики. Стимулом же и главной экономической границей введения автоматизации является прибыль.

Масштабы применения достижений науки и техники в капиталистическом обществе определяются действием многих противоречивых фактов. В. И. Ленин дал глубокий анализ противоречивости характера развития техники в условиях капитализма, он показал факторы, содействующие техническому прогрессу и тормозящие его[3].

Отрицательное влияние автоматизации в условиях частной собственности на средства производства оче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 451.
[2] Там же, стр. 404.
[3] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397.

видно. Очевидно и то, что никакое государственное вмешательство не в состоянии ликвидировать такие последствия автоматизации, которые несут лишения, нищету, безработицу, вóйны. Однако об этом ни слова не говорят буржуазные социологи. Напротив, они пытаются доказать необходимость применения техники и науки в целях урегулирования и сглаживания социально-классовых конфликтов.

Еще в «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии» В. И. Ленин показал, что использование техники обусловлено собственностью на нее буржуазии и поэтому есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом — уничтожить частную собственность на средства производства.

Научное истолкование явлений общественной жизни возможно лишь при рассмотрении их в связи с другими явлениями, со всем социальным целым, находящимся в развитии.

В письме к П. В. Анненкову на вопрос «Что же такое общество, какова бы ни была его форма?» К. Маркс отвечает: «Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена... и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество» [1]. Развивая производительные силы, люди изменяют способ производства, а с изменением способа производства они изменяют свои общественные отношения. Но процесс этот не протекает без борьбы. Для установления нового способа производства нужна победа социальной революции. Правильность этого марксистского положения подтвердила история.

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. Современный капитализм характеризу-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 402.

ется обострением этого противоречия, обусловленным в том числе и развивающейся научно-технической революцией.

Как мы уже отмечали, представители буржуазно-реформистского направления теории «постиндустриального общества» обращают внимание на противоречия, обостряющиеся в период научно-технической революции; капитализм рассматривают как явление сложное и противоречивое. И в отличие от представителей апологетического направления они даже делают попытку проанализировать экономические и социальные последствия научно-технической революции.

Так, авторы «Манифеста «тройственной революции»» отмечают, что производственный потенциал США в состоянии удовлетворить потребности любого гражданина страны, а между тем все больше и больше людей оказывается вне производства, со средствами ниже предельного минимума. В «Манифесте» опровергаются официальные данные 60-х годов о безработице в США (5,5% от общего числа занятых) и приводятся свои цифры: безработица среди подростков — 15%, среди негритянских подростков — 30, в резервациях и бедствующих районах — более 50%. В нем опровергаются и данные официальной статистики (4 млн. безработных в 1964 г.) и называется цифра «8 млн.». Здесь указывается также, что почти $^1/_5$ населения США все еще живет в нищете [1]. В «Манифесте» подчеркивается, что расширение автоматизации и кибернетизации производства угрожает огромным сокращением численности занятых; это в свою очередь приведет к росту обнищания и обострению противоречий капитализма.

Тиболд цитирует книгу американского социолога Майкла Харрингтона «Другая Америка», в которой говорится о том, что от 40 до 50 млн. американцев оторваны от полнокровной американской жизни (живут в гетто, нищенствуют). И даже в официальной статистике отмечается, что в 1963 г. 32 млн. американцев находились на границе нищеты [2].

Указывая, что научно-техническая революция

---

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 4, стр. 86.

[2] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 107.

резко обостряет противоречия капитализма, Тиболд полагает, что уже в 70-х годах безработные составят большую часть населения США, и это «значительно повлияет на положение занятых рабочих». Отсюда он делает заключение: «Создание такой ситуации (когда большинство населения не извлекает выгоды из роста производства и постепенно превращается в безработных и обнищавших людей) привело бы к осуществлению наиболее крайнего предсказания К. Маркса, утверждавшего, что обездоленные системой восстанут» [1].

Приближаясь к раскрытию противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, Тиболд, однако, считает основным противоречие между техникой и потреблением. Казалось бы, сделанный им анализ капиталистических противоречий должен был привести его к выводу о необходимости ликвидации частной собственности на средства производства. Но этого не случилось. Тиболд оберегает частную собственность и считает, что пороки капитализма коренятся в существующей форме распределения.

Тиболд подменяет производственные отношения распределительными, которые являются лишь следствием и результатом господствующей в обществе формы собственности на средства производства. Он пишет: «XXI век будет удивлен, как мы могли допустить эксплуатацию населения, когда была возможность обеспечить его без ущерба собственной экономической позиции. Он спросит, как мы могли примириться с обществом, в котором те, кто имел деньги, имел относительно мало неудовлетворенных потребностей, а те, кто имел много неудовлетворенных потребностей, не имел денег»[2].

Научно-техническая революция, с точки зрения Тиболда, создает изобилие материальных благ, которое регулируется, распределяется государством. Американская промышленность должна быть полностью кибернетизирована к концу нынешнего столетия, и это будет, согласно Р. Тиболду, век благосостояния всех членов общества.

---

[1] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, стр. 77.
[2] Там же, стр. 82.

Итак, что же Тиболд понимает под новой социально-экономической «постиндустриальной системой»?

«Социально-экономическая система», в его понимании,— это отношения распределения, а «постиндустриальная социально-экономическая система» есть реализация «кибернетической революции», в которой отношения распределения регулируются государством. В истолковании «кибернетической революции» он выходит за пределы традиционного понятия, объявляя ее особым «экономическим строем». Р. Тиболд пишет: «Мы вступаем в новый социально-экономический строй — кибернетическую революцию» [1]. Социально-экономическая система, утверждает он, может измениться вследствие наступления «изобилия», порождаемого ею.

Социально-экономическая система — совокупность производственных отношений, основой которых являются отношения собственности на средства производства. У Тиболда же «все более растущая кибернетизация имеет своим конечным результатом завершенное выражение машинных нужд, централизованную технологическую диктатуру» [2]. Иначе говоря, социально-экономический строй Тиболд понимает через технологический базис. При переходе общества от капитализма к «постиндустриальному обществу» не принимается в расчет вся совокупность конкретно-исторических, и прежде всего социально-экономических, условий. Берется только уровень развития техники, определяемый наукой.

Анализ взглядов представителей различных направлений теории «постиндустриального общества» свидетельствует о том, что все они в своей основе переход от капитализма к «новому обществу» ставят в зависимость от положительного решения двух вопросов. Для этого необходимы, говорят они, во-первых, безграничное развитие техники и, во-вторых, совершенствование регулятивной функции государства.

Большое значение для понимания особенностей развития научно-технической революции в капиталистических странах имеет анализ В. И. Лениным тенденций технического прогресса в условиях империа-

---

[1] "New Politics", 1964, N 3, p. 37.

[2] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 154.

лизма. Он показал, что монополии во многих случаях мощно стимулируют прогресс. В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал о «головокружительном техническом прогрессе»[1]. В настоящее время эта заинтересованность монополий еще больше усилилась. Они ищут в научно-технической революции средство, с помощью которого можно сохранить свои позиции в условиях обостряющейся классовой борьбы, крушения колониальной системы и соревнования двух мировых систем. Наряду с этой тенденцией действует и другая — с утверждением господства монополий в известной мере ослабевают побудительные причины к техническому прогрессу; монопольные цены часто порождают ситуации, искусственно задерживающие технический прогресс.

Эти две противоположные тенденции, подчинение технического прогресса интересам господствующего класса углубляют основные противоречия капитализма.

Как указывается в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., «научно-техническая революция ускоряет процесс обобществления экономики; в условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой. Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»[2].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 359.

[2] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 18.

Таким образом, со всей остротой возникает социально-экономическая и политическая, а также научно-техническая необходимость перехода человечества к новому общественному строю, создающему условия для развития науки и техники и способному использовать их в интересах социального прогресса,— к социализму.

Во многих капиталистических странах характерной чертой нынешнего состояния рынка рабочей силы стало одновременное существование значительного числа вакантных мест и массовой безработицы. Научно-техническая революция резко усилила несоответствие между уровнем образования и профессиональной подготовки рабочей силы и теми требованиями, которые предъявляет к ней производство. В докладе президента США о рабочей силе (1967 г.) отмечается, что «нехватка рабочих», т. е. превышение числа вакансий над «нормальными» резервами текучести рабочей силы, объясняется недостаточным количеством свободных рабочих таких категорий, которые нуждаются в долголетнем обучении для получения высокой квалификации (операторы, инструментальщики, модельщики, электрики и т. п.).

Научно-техническая революция отчетливо выявила отставание всей системы образования и профессионального обучения в капиталистических странах, антинародный характер политики буржуазных государств, не обеспечивающих удовлетворение первостепенных социальных нужд.

Скорость изменения спроса на рынке рабочей силы такова, что молодежь уже не может относиться к наличным потребностям на профессиональном рынке как к надежному ориентиру для того времени, когда она вольется в ряды работников. Рабочие пожилого возраста, среди которых процент с низким образованием наиболее высок и переучитывать их экономически невыгодно, также постоянно пополняют армию безработных.

Правда, перелив рабочей силы из сферы материального производства в сферу обслуживания на первых порах оказал сдерживающее влияние на рост безработицы. Однако в настоящее время сфера обслуживания в гораздо меньшей степени играет роль резервуара, поглощающего избыточную рабочую си-

лу. Здесь также происходит быстрая замена ручного труда машинным.

Итак, очевидно, что сам по себе технический прогресс не в состоянии устранить классовые антагонизмы; в условиях капитализма существуют определенные границы развития производительных сил. Вместе с тем нельзя отрицать того, что технический прогресс является процессом качественных изменений в структуре экономической деятельности, что он способствует повышению эффективности человеческого труда, росту его производительности. Технический прогресс неотделим от прогресса социального. Это находит свое выражение не только в социально-экономической детерминированности развития техники, но и в том, что научно-техническая революция, углубляя социальные противоречия капитализма, еще более настоятельно ставит на повестку дня вопрос о революции социалистической.

К. Маркс, доказывая неизбежность перехода от капитализма к социализму, указывал на необходимость таких условий, как развитие машинной индустрии, рост рабочего класса и создание мирового рынка. Отсюда, анализируя противоречия капитализма и указывая способ их разрешения, Маркс рассматривал смену капитализма коммунизмом как естественноисторический процесс.

С поразительной прозорливостью К. Маркс в «Капитале» выделил важнейшие черты коммунизма: господство общественной собственности, освобождение труда от эксплуатации, планомерное производство и распределение, экономия общественного труда, рациональное размещение производительных сил, создание предпосылок для гармонического развития личности. Он доказал определяющую роль в развитии общества производительных сил, неразрывное их единство с производственными отношениями, связь техники и экономики. Вот почему технический прогресс следует рассматривать по крайней мере в двух аспектах: в плане его обусловленности социальной системой и как экономический результат в свете его влияния на изменение экономических отношений. «Марксизм,— писал В. И. Ленин, — указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических

формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»[1]. Существенным для марксизма всегда было изучение социально-экономических закономерностей конкретно данной общественно-экономической формации.

Постиндустриалисты объективный анализ современной капиталистической действительности подменили пространными рассуждениями об определяющем влиянии научно-технической революции в общественном развитии. Они обеднили само понимание научно-технической революции (ограничив ее рассмотрение лишь новым знанием и новой техникой), хотя и возложили на последнюю большие надежды: переход ныне существующего общества на новую ступень его развития — «постиндустриальную».

Современную научно-техническую революцию нельзя сводить только к развитию в области науки или к техническим преобразованиям, наступающим вследствие научных открытий. В своей глубочайшей сущности научно-техническая революция является общественным процессом, обусловленным всей совокупностью господствующих в обществе производственных отношений. Конечно, научно-техническая революция — неотделимая часть общественного прогресса, хотя полностью с ним и не совпадает. Ее развитие зависит от того, в какой степени общество овладело и способно управлять законами природы и общества. Авторы теории «постиндустриального общества» игнорируют объективные закономерности, вытекающие из сущности капитализма. Общественный прогресс они связывают лишь с развитием техники и науки, их имманентными законами, забывая при этом, что техника и наука, как социальные явления, детерминированы развитием самого общества.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57—58.

Роль монополистического государства и капиталистической корпорации в «новом обществе»

Наряду с научно-технической революцией одно из ведущих мест в возникновении «нового общества», с точки зрения постиндустриалистов, принадлежит крупной капиталистической корпорации.

В буржуазной литературе немало написано о корпорации. О крупных корпорациях пишут с точки зрения проблемы концентрации экономической силы, соотношения монополии и конкуренции. Так, например, Гэлбрейту известность принесла его теория «уравновешивающейся силы» (*J. K. Galbraith.* American Capitalism: The Concept of Countervailing Power. Boston, 1952). Согласно этой теории, монополизация рынков неизбежна, но это не имеет отрицательных последствий, потому что тот же самый процесс, который порождает монополию, создает противодействующую и уравновешивающую ее силу на противоположном полюсе рынка.

Как мы уже отмечали, в «новом индустриальном обществе» Гэлбрейта отводится значительная роль «зрелой» корпорации в отличие от «предпринимательской», характерной для конца XIX — первой трети XX в.

«Зрелая» корпорация, по его мнению, обладает достаточной экономической силой для того, чтобы избавить себя от направляющего воздействия рынка: этой корпорацией руководит не группа собственников (и даже не верхушка управляющих, тесно с ними связанных), а так называемая «техноструктура» — иерархия специалистов-управляющих, каждый из которых участвует в коллегиальной выработке решений, поставляя определенную информацию, «с тем чтобы прийти к решениям, выходящим за пределы компетентности каждого в отдельности» [1]. В противоположность «предпринимательской» «зрелая» корпорация имеет иную систему мотивации поведения. Под давлением объективных потребностей (а не в силу «идеологических соображений» или ряда «политиче-

[1] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 119.

ских уловок») такая корпорация нуждается в помощи и гарантиях со стороны государства.

Гэлбрейт большое место в своей доктрине уделяет доказательству того, что современная крупная фирма немыслима без планирования (надежные рынки готовой продукции обеспечивает государство). Как мы уже отмечали, он пытается доказать единство интересов отдельной корпорации, «индустриальной системы» и экономических интересов общества. Нетрудно заметить, что истолкование мотивации находится в прямой зависимости от истолкования общественных отношений. Однако, по мнению многих буржуазных идеологов, в том числе и Гэлбрейта, непосредственное взаимодействие личности — фирмы — государства есть та ячейка, из которой вырастает вся система общественных отношений. Гэлбрейт абсолютизирует непосредственные связи между личностью, предприятием и государством, выводя их за пределы всей системы капиталистических общественных отношений, и прежде всего производственных отношений.

Гэлбрейт утверждает, что природа современной «индустриальной системы» определена крупными корпорациями во всех сферах экономики. Для «нового индустриального общества», говорит он, характерны связи крупных корпораций с государством, совершенствование этих связей. Конечно, у него нет и речи о классовом анализе рассматриваемых отношений. Для него оказывается весьма важной основная идея, которая проводится через всю концепцию «нового индустриального общества»,— идея превращения капитализма в «новое индустриальное общество». Это оказывается возможным в результате происходящего будто бы перехода контроля над производством в крупных корпорациях от собственников к технократии и ее слияния с государством. «Новое общество», по Гэлбрейту,— плавно функционирующая «индустриальная система», стимулом которой является экономический расчет и технический прогресс, а не прибыль. Настоятельным требованием «индустриальной системы» становятся, по его мнению, меры по регулированию совокупного спроса, которые, позволяя планировать производство, вносят известные коррективы в политику «разумного построения общества».

В книге «Экономика и общественная цель» Гэлбрейт еще раз проводит мысль о том, что благодаря крупной корпорации, внутри которой действует «техноструктура» — своеобразный механизм уравнения доходов, возможно изменение классовой структуры общества. С его точки зрения, частные интересы перестали быть решающим фактором в развитии производства и общества в целом. При этом Д. Гэлбрейт отмечает «положительную» социальную функцию частной собственности, повторяя популярный у буржуазных идеологов тезис о том, что сохранение частной собственности благоприятствует эффективности фирм. Это ограждает их от вмешательства извне и служит предпосылкой автономии «техноструктуры».

К пониманию собственности Гэлбрейт подходит односторонне и поверхностно, не рассматривая всех форм капиталистического производства. Правильно отмечая все увеличивающийся процесс отделения капитала-функции от капитала-собственности, рост менеджеров и влияние инженерно-технических работников на развитие современного капиталистического предприятия, он абсолютизирует эти явления и на этом основании заявляет, что капитал перестал быть решающим фактором развития, его заменила «техноструктура». А нежелание разграничить сущность и взаимосвязь экономических и юридических моментов в свою очередь привело к выводу о возникновении «нового индустриального государства» в результате срастания акционерных обществ с государством.

Акционерный капитал — сложное явление, он характеризуется целым рядом экономических и юридических отношений, их переплетением. Именно это создает возможность для извращенного представления о действительности, иллюзии об ослаблении роли частной собственности, об устранении капитала. Между тем, на самом деле происходит концентрация и централизация собственности в руках немногих. Крупнейшие собственники, казалось бы отстраненные от управления производством, распоряжаются (часто через наемных управляющих) всем капиталом корпорации.

Характеризуя государственно-монополистический

капитализм, В. И. Ленин отмечал, что «капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров» [1].

Основными учреждениями «постиндустриального общества» Белл называет университеты и связанные с ними крупные капиталистические корпорации. Говоря о важнейших политических решениях, принимаемых в «новом обществе», он отмечает «решения относительно сбалансирования и роста экономики, исходящие от правительства; новые идеи, методы, перспективы планирования и производства — от корпораций; исследования и развитие знаний — от университетов» [2].

Итак, по мнению постиндустриалистов, новые социальные отношения проявляются прежде всего через взаимодействие государства, крупной капиталистической корпорации и университетов.

В докладе, написанном для VII Международного социологического конгресса, «Постиндустриальное общество: технократия и политика» Белл отмечает, что в «постиндустриальном обществе» институт собственности подвергается основательной ревизии, а собственность в современной жизни претерпела изменения по двум существенным аспектам: 1) индивидуальная собственность стала корпоративной и контролируется не хозяевами, а менеджерами; 2) современная собственность состоит из видимых предметов (земля, имущество, титулы), а также из прав на что-либо, субсидий, контрактов. Собственнические отношения существуют не только между людьми, но и между индивидуумом и правительством (субсидии фирмам, корпорациям и университетам).

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 356—357.

[2] *D. Bell.* Notes on the Post-Industrial Society. — "The Public Interest", 1967, N 8, p. 30.

Однако претерпела ли собственность, о которой ведет речь Белл, качественные изменения? Конечно, нет. В «новом обществе» по-прежнему сохраняется частная собственность на основные средства производства, правда в ее современных государственно-монополистических формах.

Идеологи теории «постиндустриального общества» для обоснования необходимости существования крупных капиталистических корпораций извращенно истолковывают процесс дальнейшего обобществления капиталистической собственности. Они не замечают или не хотят замечать, что с развитием этой собственности в рамках буржуазного общества природа капитализма не изменяется, хотя капитализм развивается от мануфактуры к машинному производству, от фирмы отдельного предпринимателя к акционерному обществу и, наконец, к государственно-монополистической компании.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что обобществление капиталистического производства не останавливается на акционерных компаниях, а ведет к установлению монополий и потому требует государственного вмешательства [1]. Развитие государственно-монополистического капитализма — необратимый процесс. Ф. Энгельс отмечал, что появление акционерных компаний, трестов, государственной собственности является неизбежным развитием капитализма. Процесс огосударствления не зависит от воли отдельных людей и классов, он является отражением развития основного противоречия капитализма, стремления финансового капитала перестроиться, приспособить капитализм к новым условиям.

Настоятельная потребность обобществления, в том числе огосударствления средств производства, исторически настолько созрела, что монополистический капитализм вынужден пользоваться им для спасения частной собственности. Гэлбрейт же, указывая на происходящий процесс обобществления производства, берет его в отрыве от частной формы присвоения. Между тем в действительности оба этих явления существуют в единстве. Как бы ни укрупнялось капи-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 481—482; т. 19, стр. 229.

талистическое производство, частная форма присвоения остается.

На процесс развития государственно-монополистического капитала в настоящее время большое влияние оказывает борьба двух противоположных общественных систем, влияние научно-технической революции, успехи мирового социализма. Как отмечает С. Л. Выгодский, в современных условиях государственно-монополистический капитализм прибегает к таким формам, как капиталистическая интеграция, капиталистическое программирование, огосударствление целых отраслей экономики [1].

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл в своем выступлении указал на новый этап монополизации экономики США и некоторых других индустриально развитых стран, который характеризуется тремя основными чертами: 1) бесконтрольность слияний капиталистических корпораций; 2) в этом процессе доминируют наиболее крупные корпорации, сливаются гиганты и в результате образуются супергиганты; 3) появляются монополистические объединения, называемые конгломератами [2].

Кан и Брюс-Бригс в книге «Грядущее. Размышления о 70-х и 80-х годах» большое значение придают так называемым «многонациональным корпорациям», полагая, что они явятся ведущими в мировой экономике и движущей силой прогресса [3]. Но при этом замалчивают об их хищнической монополистической природе.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании Джон Голлан подчеркнул, что научно-техническая революция в крупнейших капиталистических странах происходит в рамках процесса слияния и монополистической сверхконцентрации. Сверхтресты являются международными и действуют в мировых масштабах, являясь главной силой неоколониализма, сосредоточивая политическую власть в

---

[1] См. *С. Л. Выгодский.* Современный капитализм (Опыт теоретического анализа). М., 1969, стр. 325.

[2] См. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 550.

[3] *H. Kahn, B. Bruce-Briggs.* Things to Come, p. 58, 62.

своих руках [1]. В «Новой программе Коммунистической партии США» отмечается, что «новая волна слияния капиталистических корпораций» привела к возникновению «корпораций-конгломератов» [2].

Обобщая эти социально-экономические процессы, происходящие в недрах современного государственно-монополистического капитализма, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркнул: «...приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы. **Общий кризис капитализма продолжает углубляться»** [3].

Протекающие ныне в развитых капиталистических странах новые процессы Гэлбрейт, например, считает характерными для «нового индустриального государства». А по мнению Белла, госкапитализм означает вступление человечества в «постиндустриальное общество». При этом он придает большое значение государственно-монополистической собственности.

В. И. Ленин, отмечая, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма» [4], что «механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов» [5], вместе с тем многократно подчеркивал, что подготовка материальных предпосылок социализма «есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» [6].

В работах В. И. Ленина даны основные положения научной концепции государственно-монополистического капитализма, объясняющие его важнейшие стороны во всей их сложности и диалектической противоречивости: с одной стороны, государственно-монополистический капитализм — следствие развития производительных сил и новый этап развития, с другой —

---

[1] См. «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 621—622.

[2] См. «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 12, стр. 72.

[3] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 15.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

фактор, форсированный такой разрушительной силой, как война; с одной — нечто отвечающее интересам монополистической буржуазии, с другой — фактор чрезвычайный, временный, вынужденный силой обстоятельств, от которого буржуазия стремится избавиться, как только эти обстоятельства исчезают; с одной стороны, громадный прогресс, ускорение созревания материальных предпосылок социализма, с другой — «реакционно-бюрократический контроль», «военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов» [1].

Социальная природа современного государственно-монополистического капитализма проявляется не только в том, что буржуазное государство оказывает непосредственную финансовую поддержку той или иной монополии. Главная функция монополистического государства — активная поддержка процесса капиталистического расширения воспроизводства экономики, основанной на частной собственности.

В условиях государственно-монополистического капитализма сохраняется все та же экономическая основа, характерная для монополистического капитализма вообще, а именно крупная частная собственность на средства производства. Самое большое воздействие на экономику буржуазное государство оказывает не путем вторжения в сферу собственности, а с помощью финансовых средств — участия в перераспределении национального дохода, особенно в инвестициях и в кредитно-финансовых операциях. «Правительство,— отмечается в «Новой программе КП США», — расходующее сейчас около 250 млрд. долларов в год на всех уровнях, превратилось в гигантский трубопровод, по которому миллиарды долларов, собираемые в форме налогов со всего народа, перекачиваются в сейфы гигантских корпораций... Правительство превратилось в экономическое ведомство, берущее у бедных и отдающее богатым. Именно в этом состоит главная суть государственно-монополистического капитализма» [2].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 188, 191.

[2] «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 11, стр. 84.

Обобществление капиталистического производства на высшей ступени своего развития означает углубление кризиса всей капиталистической системы. *«Государственно-монополистический капитализм,*— пишет С. Л. Выгодский, — *будучи высшей ступенью империалистической стадии капитализма, представляет собой явление общего кризиса капитализма»* [1], который характеризуется определенными социальными границами внедрения новой техники и рядом других серьезных препятствий для развития производительных сил.

Империализм открыл эпоху самых разрушительных войн, которые когда-либо знало человечество. Милитаризация экономики, науки и техники приносит огромный ущерб обществу, его материальному и духовному прогрессу.

Наиболее зловещим порождением американского государственно-монополистического капитализма является так называемый военно-промышленный комплекс. Он распространяет свою власть на многие сферы жизни американского общества. Он командует экономической жизнью целых городов и районов страны. Ключевые отрасли промышленности находятся от него в зависимости. Он заинтересован в милитаризации экономики. «Пентагон превратился в экономическую империю на службе большого бизнеса с авуарами, насчитывающими свыше 160 миллиардов долларов, в гигантскую кормушку для извлечения миллиардных прибылей, в источник коррупции в самых высокопоставленных кругах» [2].

Все углубляющиеся противоречия капитализма некоторые авторы теории «постиндустриального общества», например Тиболд, пытаются «разрешить» созданием «нового общества».

Гэлбрейт полагает, что «конвергенция» двух противоположных социально-экономических систем поможет увидеть общую опасность в соревновании оружием и приведет к прекращению гонки его или поможет начать соперничать в более благоприятных условиях. «Ничто,— пишет он,— пожалуй, не позволяет лучше

---

[1] *С. Л. Выгодский.* Современный капитализм, стр. 307.

[2] «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 12, стр. 69.

заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции...» [1]

Анализ взглядов авторов теории «постиндустриального общества» о роли монополистического государства и капиталистической корпорации в «новом обществе» показывает утопизм их идей, несбыточность мечты об укреплении капиталистических устоев. Действительность свидетельствует о том, что исторической необходимостью дальнейшего развития научно-технической революции становится преобразование общества на социалистических началах.

Буржуазное государство постиндустриалисты рассматривают и в качестве важнейшего инструмента в обеспечении социальной справедливости. Усиление экономической и социальной деятельности государства они объясняют его «превращением» в надклассовую организацию, способную осуществить такие социальные преобразования, как «справедливое» распределение национального дохода между всеми членами общества. Так, по мнению Тиболда, все завоевания научно-технической революции можно поставить на службу человечеству с помощью государственно-монополистического регулирования. Рассматривая политику государства, основанную на кейнсианстве (содействие накоплению капитала и осуществлению мероприятий по ослаблению кризисов), он предлагает изменить эту политику, поставив в центре вопрос о распределении «изобилия». Указывая, что «изобилие является раковой опухолью» [2], он вместе с тем считает, что общество можно избавить от этой болезни с помощью государственного вмешательства в сферу распределения этого «изобилия». Единственным методом обеспечения и свободы человека, и свободы рынков Тиболд провозглашает «отделение производственной функции от распределительной» [3].

Таким образом, Тиболд полагает, что его «план экономического обеспечения», являясь планом перераспределения дохода в интересах всего общества» [4],

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 454—455.

[2] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 137—138.

[3] См. там же, стр. 168.

[4] См. там же, стр. 160.

предназначен для спасения основ существующего строя от острейших социальных антагонизмов. Он заявляет, что с проведением в жизнь этого плана для правительства не будет более необходимости стимулировать производство в целях обеспечения работы всем. (Согласно Тиболду, право на доход имеет каждый, в том числе и неработающий.) Правительству не нужно будет вмешиваться в действие рыночных сил. Рыночному механизму предоставится возможность вернуться к традиционной функции определения того, какие услуги и товары должны быть произведены и какие материалы следует применять для их производства [1].

Р. Тиболд считает, что буржуазное государство при наличии «изобилия» в состоянии обеспечить «право на доход» каждому гражданину, и предлагает ликвидировать «мозаику» мероприятий (так он называет формы всепомоществования вроде пособий многосемейным, безработным и т. д.) и заменить их одной обязательной формой — доходом, который может получить каждый гражданин США от федерального правительства, достаточным для того, чтобы дать ему возможность жить с достоинством [2].

К подобным выводам, утверждает Тиболд, пришли многие экономисты, социологи и другие ученые, присутствовавшие на конференции, проведенной департаментом здравоохранения, образования и социального обеспечения в 1963 г. Участники конференции отмечали, что продолжение ныне действующих тенденций приведет к новому типу организации социально-экономической системы, внутри которой доходы и нерабочее время будут меняться в обратной пропорции, и что американская социально-экономическая система уже достигла критической точки в своем развитии.

Таким образом, представители буржуазно-реформистского направления теории «постиндустриального общества», отмечая, что в условиях научно-технической революции при капитализме создается изобилие материальных ценностей, растет производительность труда, возлагают надежды на буржуазное государст-

---

[1] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 166—167.
[2] См. там же, стр. 184.

во, якобы способное не только увеличить свободное время, но и обеспечить гарантийным жизненным доходом каждого члена общества. Буржуазное государство они считают важнейшим средством, обеспечивающим наилучшие возможности использования научно-технической революции, способствующим переходу современного капиталистического общества в «постиндустриальное».

В условиях монополистического капитализма роль государства во всех сферах экономической жизни значительно возрастает. Оно стимулирует монополистическую концентрацию производства, перераспределяет в пользу монополий все большую часть национального дохода, финансирует программы развития экономики и научных исследований. На международной арене экономическая роль государства проявляется в империалистической интеграции капиталистических стран и союзов монополистов, в насаждении неоколониализма, в государственных формах вывоза капитала и т. п. Но авторы теории «постиндустриального общества» идеализируют его, подходят к государству как к некой надклассовой организации. Не видят того, что капиталистическое государство если и идет на ряд социал-демократических акций, то лишь в целях создания благоприятного социального режима для промышленно-финансового капитала. Оно никогда не было в состоянии сколько-нибудь существенным образом изменить расстановку классовых сил, внести качественно новые формы в распределение национального дохода.

С конца августа 1971 г. правительство США очутилось перед лицом острого валютного кризиса. Еще задолго до августовских событий стало ясно, что существующие в США методы являются неэффективными в борьбе с кризисом и инфляцией, непригодными для поддержания стабильных темпов роста производства и развития экономических ресурсов страны. Поэтому встал вопрос о необходимости пересмотра методов государственного регулирования экономики.

Однако инфляция в США не смягчилась. Новое резкое повышение цен в январе 1974 г. дало газете «Интернэшнл геральд трибюн» повод отметить «растущее опасение, что Соединенные Штаты готовы

присоединиться к Японии и большей части Западной Европы, вступив в опасную зону инфляции» [1].

Как отмечает профессор С. М. Меньшиков, государственно-монополистическое регулирование в США прошло ряд этапов. Это в основном следующие этапы:

«1. От первой мировой войны до начала 30-х годов. Спорадическое применение средств государственного регулирования при преобладающем в правящих кругах отрицании его необходимости как постоянного средства политики.

2. От первых мероприятий «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта до начала второй мировой войны...

3. От «Закона о полной занятости» 1946 г. до начала 60-х годов. Опасаясь повторения экономических потрясений масштаба кризиса 30-х годов, правящие круги США идут на законодательное закрепление обязанности федерального правительства противодействовать чрезмерному увеличению безработицы и заботиться о поддержании экономической конъюнктуры. Создается система органов и средств антициклического регулирования с упором на фискальную и кредитно-денежную политику.

4. В начале 60-х годов наиболее острой становится проблема экономического соревнования двух систем, угроза поражения США в соревновании с Советским Союзом. В связи с этим при президенте Дж. Кеннеди впервые стала осуществляться серия мер по поддержанию и повышению темпов развития экономики США независимо от фазы цикла» [2].

Попытки усовершенствования системы программирования в США означают прежде всего, что многие меры регулирования либо приводят к результатам, которые прямо противоположны намеченным целям, либо не дают существенных результатов. Бывший президент Никсон предложил рассмотреть и принять государственную программу развития экономики США на 1971—1976 гг. С помощью этой программы правительство страны предполагало избавиться от острой

---

[1] "International Herald Tribune", 25.II.1974.

[2] *С. М. Меньшиков.* Среднесрочная программа правительства Никсона и экономическая реальность. — «США. Экономика, политика, идеология», 1972, № 1, стр. 32.

вспышки противоречий государственно-монополистического регулирования.

Идеи «регулируемого» и «планового» капитализма получили широкое распространение в последние десятилетия в буржуазной политэкономии. Зародыши их появились в начале XX в. Так, немецкий буржуазный экономист Г. Шульце-Геверниц, еще в начале первой мировой войны восхвалял «полностью организованное немецкое промышленное государство» и «сознательное регулирование через банки». Приведя высказывания Шульце-Геверница, В. И. Ленин саркастически заметил: «...так пишет немецкий профессор Шульце-Геверниц ... апологет немецкого империализма, авторитет для империалистов всех стран, старающийся затушевать «мелочь», именно, что это «сознательное регулирование» через банки состоит в обирании публики горсткою «полностью организованных» монополистов. Задача буржуазного профессора состоит не в раскрытии всей механики, не в разоблачении всех проделок банковых монополистов, а в прикрашивании их» [1].

Против только еще зарождающейся в те времена теории «организованного», или «регулируемого», капитализма Ленин выдвинул ряд возражений. Он подчеркивал, во-первых, что характернейшей чертой империализма является не «организованность», а господство монополий; во-вторых, что капиталистическое регулирование есть средство усиления эксплуатации трудящихся. В-третьих, В. И. Ленин обратил внимание на ограниченные рамки капиталистического планирования, которое не ликвидирует присущие капитализму анархию общественного производства и кризисы.

В. И. Ленин не отрицал того, что в условиях монополистического капитализма планирование получает некоторое применение не только единичными предприятиями, но и трестами. Вместе с тем он писал: «...хотя тресты производят товары не анархически, а по учету, но кризисы все же остаются неустранимыми в силу... свойств капитализма, сохраняющихся и при трестах» [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 335.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 362—363.

Во многих развитых странах капитализма государство выступает как крупный собственник, сосредоточивая от 15 до 25% национального богатства в своих руках. Даже в США, где нет национализированных отраслей, рост государственной собственности наглядно свидетельствует об усилении экономической роли государства. За 1949—1970 гг. стоимость государственных активов, включая военное имущество, увеличилась более чем вдвое — со 196 млрд. примерно до 400 млрд. долл. (в ценах 1967 г.), что составляло около 25% национального богатства страны [1].

В интересах буржуазии государство берет на себя риск, связанный с крупными первоначальными инвестициями в такие капиталоемкие отрасли, как энергетика, транспорт, ирригационные сооружения и т. д., оставляя частному капиталу более выгодные, перспективные, быстрее окупающиеся отрасли хозяйства.

Важнейшей сферой деятельности государства стало финансирование и организация научно-исследовательских работ.

Потребность производства и усиление межимпериалистической конкурентной борьбы на мировом рынке ведут к повышению прямых вложений государства в науку.

Борьба двух противоположных систем и научно-техническая революция, повысившие требования к качеству рабочей силы, вызвали рост инвестиций государства в развитие образования и здравоохранения.

Наиболее ярко классовая сущность государственно-монополистического капитализма проявляется в милитаризме. Правительство США предусматривает довести военный бюджет в 1975 г. до 100 млрд. долларов, увеличив его на 20%. В последнем варианте прогноза «Макгроу-Хилл» «Американская экономика, перспективы роста до 1985 г.» практикуется ускорение темпов военного производства в США [2].

---

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 11, стр. 151.

[2] См. «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран». Обзор за 1972 г. и начало 1973 г. [Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 81. М., 1973, стр. 77; *Томас Колесниченко.* Острые проблемы. — «Правда», 14 октября 1974 г.

В условиях колоссальной милитаризации экономики деятельность государства привела в США к преобладанию в экономике и политике интересов военно-промышленного комплекса.

Авторы теории «постиндустриального общества» изображают государство монополистического капитализма и развивающуюся научно-техническую революцию как факторы, свидетельствующие о жизнеспособности и прогрессивности капитализма, как средство избавления буржуазного общества от социальных экономических недугов.

Гэлбрейт, Белл, так же как и Тиболд, уверяют, что осуществление государственного регулирования означает возникновение «нового общества», сменяющее «индустриальное». Указывая, что современное капиталистическое общество «развивается» и переходит на более «высокую ступень общественного развития», отмечая слабые стороны капитализма, они полагают, что формой решения всех противоречий являются реформы, возрастающее вмешательство государства.

Может ли, однако, государство монополистического капитала с помощью всякого рода реформ решить эти острые проблемы? Конечно, нет. Для разрешения антагонистических противоречий недостаточно «изобилия материальных благ» и «доброй воли» буржуазного государства.

Постиндустриалисты в трактовке экономической роли государства обходят главный вопрос: какова социальная природа государства и в чьих интересах оно «вмешивается» в процесс производства? Применение системы государственного регулирования в капиталистических странах не меняет эксплуататорской сущности общества.

В. И. Ленин по этому поводу писал: «...самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное» [1].

Буржуазное государство превратилось ныне в активного участника всего процесса капиталистического

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 68.

воспроизводства. В условиях научно-технической революции и экономического соревнования двух мировых систем монополии не в состоянии осуществлять этот процесс сами. Единый механизм, в котором слиты сила монополистического капитала и сила государства, стал объективной необходимостью для функционирования экономического организма капитализма. Бесспорно, что государственно-монополистическое регулирование будет и дальше оказывать серьезное воздействие на ход экономического развития капитализма; станут еще более активными формы и методы этого регулирования. Однако пределы государственного регулирования ограничены рамками частнособственнических отношений, невозможностью создать при капитализме такую структуру общественного производства и потребления, которая бы отвечала потребностям всего общества и могла бы обеспечить расширение рынка, адекватное возможностям развития производительных сил.

Соединяя силу монополий с силой государства, современный капитализм пытается смягчить свое основное противоречие — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, не меняя социального строя.

Рассматривая еще зачаточное проявление государственно-монополистического капитализма, Ф. Энгельс подчеркивал, что «современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать... Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» [1].

Авторы теории «постиндустриального общества», говоря о роли буржуазного государства в «преобразовании» современного капиталистического общества, не предполагают никакой ломки буржуазного государства: власть лишь перемещается от буржуазии к

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 290.

научно-технической элите. Последняя же связана с капиталистическими корпорациями. В своих концепциях о государстве они пытаются снять важнейший политический вопрос — вопрос о переходе политической власти из рук буржуазии в руки рабочего класса.

Вывод о сломе буржуазной государственной машины, указывал В. И. Ленин,— «главное, основное в учении марксизма о государстве» [1]. Постиндустриалисты, как и все буржуазные идеологи, отрицают этот важнейший революционный вывод. С их точки зрения, природа государства, его функции на современном этапе определяются не социалистической революцией, а революцией научно-технической; носителем же новых общественных отношений является не пролетариат, а ученые и инженеры. Они выступают против преобразования общества путем классовой борьбы, революции и диктатуры пролетариата.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 28.

Глава IV

Методологическая несостоятельность теории «постиндустриального общества»

Появление теории «постиндустриального общества» — еще одно свидетельство поисков буржуазной идеологией очередной «привлекательной» формы приспособления к новым условиям. Однако данная теория настолько эклектична, схематична и односторонняя, что о ней как о научной теории, пытающейся противостоять научному коммунизму, не может быть и речи при всей ее популярности на капиталистическом Западе в наши дни.

Основными методологическими принципами теории «постиндустриального общества» являются: принцип «технологического детерминизма», субъективизм, антиисторизм, эмпиризм и схематизм, формализация социального познания, эклектика и софистика.

Подлинная наука соединяет в себе теорию и метод. Исследователь должен не только владеть фактическими данными — материалом науки, но и методом их обработки. Для научной теории необходима глубина и конкретность мышления. Метод познания не дело вкуса. Выбор того или иного метода диктуется особенностями изучаемого объекта, накопленным ранее мыслительным материалом, а также исходной социально-политической и мировоззренческой позицией автора. Метод исследования не является чем-то абсолютно внешним предмету. Еще А. И. Герцен говорил, что «метода в науке вовсе не есть дело личного вкуса или какого-нибудь внешнего удобства, что она, сверх своих формальных значений, есть самое развитие содержания — эмбриология истины, если хотите»[1]. По

[1] *А. И. Герцен.* Избр. философские произв., т. I. М., 1948, стр. 97.

меткому заявлению Гегеля, «метод возник... как *само себя знающее понятие...*» [1].

Метод научного познания отвечает на вопрос: как наиболее целесообразно проводить исследование изучаемых объектов? Правильно же ответить на этот вопрос можно, только сообразуясь с характером изучаемых предметов [2].

Ученый в ходе научного исследования не может не сталкиваться с методологическими проблемами. Перед ним всегда встают вопросы: что он должен делать при изучении объекта, как изучать его, для каких целей и т. д.?

Методологическое значение имеют лишь научные знания, которые помогают получить новые знания. К ним следует отнести открытие марксизмом способа производства материальных благ как определяющей основы развития общества, категорию «общественно-экономическая формация», которая является основной в марксистской науке об обществе. Эта категория на место абстрактных рассуждений об обществе поставила исследование определенных форм устройства общества в их конкретно-исторической обстановке и развитии. Она помогает изучению движущих сил общественного развития, позволяет выяснить материальные причины идейных мотивов деятельности людей, увидеть в общественном сознании отражение общественного бытия. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин писал, что, выработав понятие общественно-экономической формации, К. Маркс положил конец идеалистическому воззрению на общество как на механическое сцепление индивидов, в котором все изменения происходят случайно, и впервые поставил социологию на научную почву [3].

Методология общественных теорий в значительной степени обусловлена спецификой социального познания, которая заключается в том, что социальное познание всегда совершается с точки зрения того или

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI. М., 1939, стр. 298.

[2] Метод, говорил Гегель, «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет себя вперед содержание внутри себя, *диалектика, которую оно имеет в самом себе*» (Соч., т. V. М., 1937, стр. 34).

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139.

иного класса или социальной группы, в нем в явной или скрытой форме присутствуют классовые или групповые интересы. Дело в том, что объектом социального познания является общество, т. е. взаимодействие людей, в основе которого лежат материальные отношения. Общество как социальная форма движения материи имеет свою особую структуру, более сложные связи. И только вычленение определяющего элемента социальной системы, а именно материальной производственной деятельности людей, дает возможность понять общественные явления и процессы.

От объективизма и «технологического детерминизма» к субъективизму в познании общественных явлений

Законы общественной жизни столь же объективны, как и законы природы. Но если в природе проявляются слепые, стихийные силы, то в обществе действуют люди, одаренные сознанием и волей, преследующие всегда определенные цели, имеющие свои желания. Ничто в человеческом обществе не делается без желаемой цели, без сознательного намерения индивида, социальной группы, класса, народа. Из действий масс, людей (групп, классов) складывается необходимая цепь событий. Люди сами делают историю, они являются авторами и актерами собственной драмы. Но люди действуют в соответствии с определенными обстоятельствами, при весьма определенных предпосылках и условиях, которые подготовлены всем предшествующим развитием и не зависят от сознания, воли, желаний людей. Родившись, человек застает общество на конкретно данном этапе его развития. Эти объективные условия нельзя произвольно создать или отменить. Включившись в процесс производства, люди действуют сознательно, преследуя свои собственные цели, и, как отмечал Энгельс, «конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль», как некая равнодействующая [1]. Таким образом, из деятельности людей складывается историческая закономерность.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 395—396.

На поверхности общественной жизни выступают воля, интересы, желания, намерения людей, отдельные явления, процессы, которые на первый взгляд кажутся не связанными друг с другом. Отсюда в познании явлений общественной жизни очень важно выявить движущие силы общественного развития. Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или опосредованно, может быть даже в фантастической форме, отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующей массы и ее вождей, «великих людей»,— значит вступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории, в ее отдельных периодах или в отдельных странах.

Специфика познания истинных причин исторического развития и законов, им управляющих, обусловлена своеобразием социального детерминизма, особенностью проявления самой причинности в общественных процессах.

Своеобразие причинности в социальной жизни связано со статистической природой, с вероятностным характером действия социальных закономерностей.

Дело в том, что в общественной жизни действуют законы, возникновение которых обусловлено взаимодействием целой массы случайных явлений. Установлено, что случайные явления имеют не только свои причины, но и свои законы поведения в определенных системах.

Статистические, или вероятностные, законы действуют там, где одинаковые причины производят относительно различные следствия и где случайность выражает не всю, а только часть необходимости. В. И. Ленин указывал, что «в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону» [1]. Можно также сказать, что своеобразие заключается в том, что между поставленной индивидуумом целью и достигнутым результатом

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 26, стр. 68.

нет, как правило, однозначного соответствия следствия (достигнутого отдельным человеком результата) и причины (поставленной им цели). Понять поведение и интересы личности, всю сложную систему социальных явлений можно, лишь выделив систему общественных отношений, и в первую очередь совокупность материально-экономических отношений. Социальный объект есть сложное взаимодействие материальных и духовных общественных отношений и связей людей.

Методов научного исследования существует много. На наш взгляд, их можно разделить на три категории: диалектический, характеризующийся всеобщностью; общие методы научного познания; частнонаучные приемы и методология исследования.

Научное познание состоит в применении рационального метода к исследуемому материалу.

Познание лишь тогда может быть научным, когда оно основывается на принципах диалектики. Диалектическим методом в противоположность метафизическому К. Маркс и Ф. Энгельс называли научный метод в социологии. Поясняя суть этого метода, В. И. Ленин писал: научный метод отвергает взгляд на общество как на «нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов...» [1].

Учитывая специфику познания социальных явлений, принципы и систему научной методологии, проанализируем методологию, примененную при разработке теории «постиндустриального общества».

Авторы теории «постиндустриального общества» оперируют методом искусственного «сцепления» отдельных элементов общественной жизни, умалчивают об основных, определяющих социальных отношениях и, оставаясь на уровне познания лишь явлений, не стремятся проникнуть в их сущность. Они не в состоянии выявить существенное в явлениях, находятся в плену внешних, кажущихся зависимостей. И хотя порой им удается установить ряд реально существующих связей, однако социальный механизм в целом остается нераскрытым. Так, правильно указывая, что

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165.

технический прогресс оказывает революционное воздействие на различные стороны общественной жизни, они абсолютизируют это явление, выдвигают тезис об определяющей роли науки и техники.

В научном исследовании необходимым и важным является исследование гносеологической роли нового качества, уяснение направленности его развития. Если, например, возникшие элементы есть, действительно, нечто новое, а потому и противоположное по отношению к старому, то в них можно рассмотреть некую тенденцию будущего.

Постиндустриалисты же не могут дать глубокого анализа тех новых явлений, которые они отмечают. Отсюда их попытки конструирования нежизненных абстракций. Так, Гэлбрейт усматривает в «техноструктуре» прообраз будущего «постиндустриального общества». Напрашивается вопрос: действительно ли «техноструктура» представляет собой новое явление, чуждое капитализму и определяющее историческую направленность социальной структуры?

Анализ «техноструктуры» показывает, что это не так. Она — всего лишь абстракция, хотя и отражающая действительно важное значение в производстве инженерно-технических работников. Конструкция эта нужна Гэлбрейту для доказательства «ослабления» роли капитала в современном буржуазном обществе, которое через «техноструктуру» перерастает в «новое индустриальное государство».

Сущность возникающих элементов нового качества определяется характером разрешаемых на данном этапе противоречий, их борьбой. Изучение противоречий и антагонизмов капиталистического способа производства приводит к выводу, к познанию законов о неизбежной гибели последней антагонистической формации.

Авторы теории «постиндустриального общества» не исследуют коренные противоречия современного капитализма. Более того, они затушевывают социальную сущность монополистического капитализма, выдвигая на первый план вопросы государственного регулирования, всевозможные проекты «реформирования» основных свойств империализма и сглаживания непримиримых социальных конфликтов.

Гэлбрейт, объясняя противоречия капитализма,

берет лишь ряд явлений их отражающих, но он не в состоянии свести все многообразие явлений капиталистической действительности к внутреннему их единству и вывести это многообразие из данного единства. Это возможно лишь при условии рассмотрения явлений в развитии.

Для постиндустриалистов явления существуют изолированно друг от друга, вне связи с действительными производственными отношениями, внеисторически.

Если бы, например, Гэлбрейт подошел к анализу общественных явлений с позиций диалектики, то он сумел бы показать истинное место инженерно-технических работников в системе капиталистической корпорации и буржуазном обществе в целом. «Техноструктура» не может быть «надклассовой организацией», ибо положение инженерно-технических работников определено господствующими капиталистическими производственными отношениями. Рассматривая возникновение «техноструктуры» и «нового индустриального общества» как «логическое» развитие и смену факторов производства, Гэлбрейт метафизически подошел к этому развитию, он не увидел здесь борьбы противоположностей. Источник «смены» факторов производства остался у него вне производственных отношений.

Теория «постиндустриального общества» претендует на объяснение исторического развития человечества. Ее авторы указывают, что капитализм развивается, он не статичен. Но признавая развитие капитализма и переход его в «постиндустриальную» стадию, отмечая некоторые его противоречия, они не указывают действительных путей их разрешения. А ведь капиталистические противоречия, их обострение в современную эпоху выражают сущность перехода от капитализма к социализму, а не к так называемому «постиндустриальному обществу».

Итак, постиндустриалистский метод исследования «исторического» развития носит метафизический характер. Применяя его, создатели теории «постиндустриального общества» доказывают, что противоречия не могут быть причиной развития и гибели капиталистического общества.

Важным методологическим принципом любой на-

учной теории является принцип объективного исследования. Однако в работах постиндустриалистов мы этого принципа не обнаруживаем.

Кан и Винер, например, выдвигая в качестве основного критерия общественного развития уровень дохода на душу населения, прогноз будущего дают не с позиций научной методологии, а с позиций психологии буржуа-потребителя. Иначе говоря, объективность в изучении общественного развития у них подчинена буржуазному образу мышления.

Объект научного познания всегда понимался как внутри себя организованная и расчлененная реальность, живая конкретность, устойчивая сущность независимо от «угла» зрения, под которым ее рассматривает та или иная наука, т. е. он рассматривался не как предмет деятельности ученого, совершающего с ним те или иные манипуляции, а как средоточие всех объективно происходящих в нем изменений. В практике научного исследования это выражается в сознательном поиске ученым такого подхода, который бы исключил приписывание предмету свойств, не отражающих его специфику и продиктованных лишь соображениями «удобства», «простоты», «очевидности», «экономии» и т. п.

«Логика науки» не должна противостоять «логике вещей», ибо она вытекает из последней. При этом необходимо учитывать специфичность познания, мышления, суть которой состоит в том, что человеческая мысль не в состоянии охватить и выразить объективную истину сразу же, немедленно, а поэтому она на том или ином этапе оказывается неполной, ограниченной. Однако диалектический материализм указывает пути преодоления специфичности познания, его ограниченности.

Познание не имеет границ своего развития на пути к абсолютной истине. И в этом своем развитии оно активно. Активность мышления является отражением активности объекта, противоречивого характера его развития.

Итак, логика науки совпадает с логикой предмета, его диалектикой. Но объект познания — это сложное, многостороннее целое. Человеческая мысль способна выхватить отдельную сторону и характеризовать целое в свете этой одной стороны, принятой за сущест-

венное. Именно это характерно для авторов теории «постиндустриального общества».

Так, Кан на первый план выдвигает количественный анализ общественных явлений. Во многих своих таблицах он имеет дело со взаимодействием огромного количества конкретных переменных величин. Социолог использует теорию статистики, теорию вероятности, выдвигая на первый план анализ статистических данных. Однако этот анализ он осуществляет посредством метафизического метода исследования. Кан отрывает количественные характеристики вещей от их качественных. И делает это неспроста. Это позволяет ему уйти от выявления объективных социальных закономерностей, которые характерны для качественного анализа.

Но известно, что применение математики в экономических и социальных исследованиях не должно ограничиваться только определением количественной стороны явлений и процессов.

Понять возникновение нового общественного строя, его природу можно, лишь уяснив диалектику количества и качества. Пример такого подхода к анализу нового общества показывает марксистская философия. Рассматривая генетические связи общественно-экономических формаций, она доказала, что в недрах существующей формации зарождаются элементы нового качества. Так, капитализм готовит материальные условия социализму. Экономическая структура капиталистического общества выросла из феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого. В свою очередь в недрах капитализма (как некой качественной определенности) возникают элементы социализма. В «Капитале», подчеркивал В. И. Ленин, Маркс «ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, элементы, из которых вырастает будущий строй» [1].

Количественный подход к явлениям таит в себе опасность подмены социального анализа общественных явлений анализом математическим или естественнонаучным. Что и произошло у Кана. Подробно рассматривая цифры роста населения, национального

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 187.

дохода и пути его распределения, он вместе с тем не касается социальной природы этих явлений. Против такого подхода к исследованию социальных явлений всегда выступал марксизм-ленинизм.

С недооценкой диалектики количества и качества авторами теории «постиндустриального общества» связан и другой их методологический порок — метафизический подход при рассмотрении связей свойства и отношения. Кан и Бжезинский, например, считают, что отношения порождаются свойствами вещей; электронный век есть прежде всего электронные машины, кибернетика. Но это одностороннее понимание связи свойства и отношения. Получается, что «умные машины» породили «разумное общество», новая техника — «технологическое общество», т. е. что «постиндустриальное общество» от природы присуще такому уровню индустриализации, который характеризуется электронной техникой и высоким уровнем дохода на душу населения.

Постиндустриалисты претендуют на объективный анализ общественного развития, якобы не зависящий от воззрений субъекта. «Объективное» рассмотрение общественных явлений они «обосновывают» эмпирическим материалом и цифрами. В качестве важнейшего методологического принципа при этом выдвигается принцип «технологического детерминизма», согласно которому социальная система выступает как функция технической системы, как результат лишь научно-технической революции. Однако вопреки их претензиям и мнениям о своей теории как единственной теории, дающей научную картину развития общества, она в своей основе является субъективно-идеалистической. Для постиндустриалистов характерен буржуазный объективизм, опирающийся на «технологический детерминизм», означающий недостаточность, однобокость, односторонность, узость объективности. Буржуазный объективизм ведет авторов теории «постиндустриального общества» к субъективизму и идеализму.

При анализе явления важен не только полученный результат, но и ведущий к нему путь. В предыдущей главе были показаны методы обоснования постиндустриалистами возникновения «нового общества». За всеми попытками прикрыться объективностью «технологического» рассмотрения действительности нельзя

не видеть субъективно-идеалистической сущности теории «постиндустриального общества». Авторы рассматривают науку как определяющий фактор технико-экономического и социального прогресса, абстрагируют ее от социальной системы. В конечном же счете получается, что развитие науки зависит от элиты ученых и «умных» машин.

Таким образом, несмотря на все усилия постиндустриалистов выдать свою теорию за новейший научно обоснованный социальный прогноз, обнаруживается, что их теория покоится на метафизическом методе исследования, ведущем к субъективизму и идеализму.

Эмпиризм и схематизм — два отклонения от научной теории. Попытки их преодоления

Для буржуазно-реформистского и либерально-буржуазного направлений теории «постиндустриального общества» характерен эмпиризм при изучении явлений действительности, а для реакционно-апологетического направления — схематизм.

Эмпиризм — отражение лишь бросающихся в глаза черт совершающихся процессов, внешнего, случайного.

В социальном познании эмпиризм проявляется в том, что анализируемый фактический материал не освещается с точки зрения реальных социальных закономерностей, т. е. отсутствует соответствующий теоретический анализ этого материала. Именно этим страдают некоторые авторы теории «постиндустриального общества», отмечающие многие моменты общественного развития, связанные с научно-технической революцией. Гэлбрейт, например, говорит о том, что за последние 70 лет, особенно за период, прошедший после начала второй мировой войны, неизмеримо изменилось производство США, и изменения в технологии производства продолжаются. Так, в 1903 г. была основана фирма Форда по производству автомобилей. Фирма располагала тогда уставным капиталом в 150 тыс. долл. и штатом в 125 человек. А в 1964 г. на конструирование и оформление очередной легковой модели «Мустанг» ушло 50 млн. долл. Чис-

ленность работающих на предприятиях достигла 317 тыс. человек. Из этих сравнительных данных, подчеркивает Гэлбрейт, видно, как отразилось в той или иной степени влияние нынешнего века технического прогресса на развитие производства [1].

Тиболд на примере «Американ электрик» показывает развитие автоматизации в США, рост квалифицированных рабочих. Число квалифицированных рабочих, пишет Тиболд, только в текстильной промышленности возросло с 17% в 1948 г. до 26% в 1962 г. С другой стороны, он указывает на социальные последствия автоматизации — сокращение, увольнение рабочих с предприятий, где осуществляется автоматизация. Например, по его подсчетам, в угольной промышленности выполнение программы механизации привело к сокращению рабочих почти наполовину, на 300 тыс. шахтеров за период около 12 лет. С 1947 по 1961 г. занятость рабочих на железных дорогах понизилась с 1 млн. 400 тыс. до 730 тыс., т. е. почти на 50% [2]. На 20% сократилось количество работ для неквалифицированных рабочих. Безработные в 1959 г. состояли из 10% лиц с семилетним и менее низким образованием (по сравнению с 30% тех, кто имел 13—15-летнее образование, и 1% — кто учился 16 лет и более) [3] и т. п.

Тиболд указывает, что сейчас все крупные монополии имеют в своем составе научно-исследовательские отделы и лаборатории с большим штатом ученых, инженеров и с экспериментальной базой, что концентрация производства есть результат развития производительных сил. Этого же мнения придерживается Гэлбрейт. Он отмечает, что 500 крупных корпораций в различных сферах хозяйства ежегодно производят почти половину всех товаров и услуг, производимых в США. «...Изменились взаимоотношения между государством и экономикой. На долю федеральных и местных, включая штаты, органов власти приходится теперь от 20 до 25% всей экономической деятельности» [4].

---

[1] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 35, 46—47.

[2] *R. Theobald.* Free Men and Free Markets, p. 56—57.

[3] См. там же, стр. 59.

[4] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 36.

Приводя эти данные, сторонники теории «постиндустриального общества» не изучают социальных последствий, вызванных этими процессами. И Тиболд, и Гэлбрейт анализируют большой фактический материал, но приведенные факты не объясняют с точки зрения действия экономических законов.

Схематизм, так же как и эмпиризм,— одно из проявлений метафизического метода постиндустриалистов. Свои выводы об историческом развитии общества и его «постиндустриальной стадии» они пытаются обосновать, исследуя процессы на уровне явлений, с помощью схем и таблиц. Кан и Винер, например, в книге «Год 2000» приводят большое количество таблиц, в которых даны предполагаемые количественные показатели по изменению самых различных общественных явлений. Белл и Бжезинский лишь в самых общих чертах характеризуют «постиндустиральное общество». Отпечаток схематизма лежит на всей теории «постиндустриального общества».

Подобный подход не способен привести к раскрытию сущности исследуемых явлений. Схематизм представляет собой подмену анализа явлений и условий шаблонным приложением общих схем и положений, несет с собой абстрактную всеобщность, которая не только обедняет знание, но и нередко служит средством уловки, обмана, является своеобразным гносеологическим туманом, в котором растворяется конкретное содержание.

Абстракция — это движение мысли в глубь предмета, его расчленение, выделение существенных моментов. Именно благодаря силе абстракции мышление способно проникнуть в сущность явления, познать законы объективного мира, а после того как путем абстракции познана сущность вещей, можно понять и выражение, или форму, ее проявления.

Буржуазные социологи в своих теориях, создавая спекулятивные абстракции, как бы демонстрируют своего рода обратное воздействие сознания на бытие. Ф. Энгельс критиковал такой метод мышления, такой способ теоретических построений, когда идеолог пытается конструировать действительность, выводя последнюю из головы. Таким образом основа всей действительности переносится из мира вещей в мир идей. Мир идей затемняет объективную реальность,

придавая ей видимую словесную форму бытия, отличную от действительного или прямо ему противоречащую. Авторы теории «постиндустриального общества», как и буржуазные идеологи в целом, рассуждают об обществе и прогрессе вообще, оперируя такими понятиями, как «общество», «социальные изменения», «стратификация», «роль», «престиж» и т. п., рассматривают эти социальные явления абстрактно, вне их связи с определенной общественно-экономической формацией.

В марксистской теории общественного развития суть доказательства сводится не к навязыванию схоластических или односторонних абстракций[1], а к адекватности отражения этой действительности во все усложняющейся системе категорий. Научная абстракция помогает проникнуть через внешнее проявление явления в само явление, в его сущность. Не умея определять исходное теоретическое понятие, буржуазная общественная наука толчется в области внешних, кажущихся зависимостей, снова и снова, как указывал В. И. Ленин, пережевывает один и тот же материал, пытаясь дать такое его толкование, которое было бы приемлемо для буржуазии.

Так, характерной чертой рассуждений авторов теории «постиндустриального общества» о новом общественном строе является схватывание лишь наиболее бросающегося в глаза и неспособность осмыслить, увидеть и открыть закономерности общественного прогресса.

Белл усматривает некоторые тенденции развития современного капиталистического общества, в том числе возрастание роли специалистов, но он остается на уровне познания явлений, не проникает в их сущность. Его законы — эмпирические законы. Так, оценивая роль инженеров и ученых в современном капиталистическом обществе, Белл преувеличивает эту роль, оттесняя на задний план все классы и социальные группы. Он пишет: «Можно сказать, что научное сословие — его характер и организация — это монада, заключающая в себе образ будущего общества»[2].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 408—409.
[2] *D. Bell.* The Coming of Post-Industrial Society, p. 378.

Авторы теории «постиндустриального общества», пытаясь преодолеть эмпиризм и схематизм, используют сравнительно-исторический метод для обоснования своей теории, ее исходных положений.

В познавательном процессе сравнение — самая популярная операция. При познании действительности мышление человека не останавливается на рассмотрении вещей как разных, а сравнивает их друг с другом и благодаря этому получает определения сходства и несходства. «Занятие конечных наук,— по словам Гегеля,— состоит в значительной части в применении этих определений, и когда в наше время говорят о научном рассмотрении, то под этим преимущественно понимают тот метод, который имеет своей задачей сравнивать привлеченные к рассмотрению предметы» [1].

Сравнение — важный прием научного познания. В числе логических оснований сравнения следует указать на необходимость не только видеть качественную определенность предмета, но и вскрывать его сущность. Явления должны быть глубоко исследованы, иначе сравнение будет поверхностным. Примером такого рода сравнений является метод поверхностных аналогий Кана и Винера. Так, они считают, что США в «постиндустриальной стадии» повторят Римскую империю, Европа — Древнюю Грецию, Россия — Парфию и т. п. Кан и Винер пишут: «...имеются некоторые параллели между римскими временами и нашими...» С их точки зрения, аналогии необходимы «как источники для предположения будущего» [2]. Однако аналогии, проводимые без достаточных оснований, влекут за собой антиисторический подход к изучаемым явлениям и мешают пониманию как прошлого, так настоящего и будущего.

Поверхностные аналогии Кана напоминают аналогии известного английского историка А. Дж. Тойнби, применяемые им в философии истории. Игнорируя хронологию и идею развития, он сравнивает и отождествляет историю новой западной цивилизации с историей античной цивилизации, рабочий класс в капиталистических странах с римским люмпен-проле-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 200.

[2] *H. Kahn* and *A. J. Wiener.* The Year 2000, p. 189, 193.

тариатом, коммунизм — с христианской ересью [1]. Такие аналогии не вскрывают существенных связей в развитии, а являются примером механического перенесения прошлого на настоящее. Поверхностные аналогии не раскрывают диалектики сущности и явлений в общественно-историческом процессе.

Сравнительно-исторический метод при диалектическом подходе к явлениям помогает выяснить, как развиваются изучаемые явления, каков характер этого развития, его закономерности. Сравнение здесь служит генерализации знания, целям научного предвидения. Например, К. Маркс, исследуя производственные отношения Англии (в то время наиболее капиталистически развитой страны), говорил, имея в виду другие капиталистические страны, в частности Германию: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [2].

Сравнительно-исторический метод в системе научной методологии выступает как один из активных исследовательских приемов и составляет одно из важнейших звеньев в цепи достижения научных результатов.

Итак, эмпиризм и схематизм, аналогии, на которые опираются постиндустриалисты в своих исследованиях, не являются научными принципами познания. Эмпиризм, схематизм, поверхностные аналогии направлены против принципа развития, отражая антиисторизм в понимании общественных явлений. Антиисторический подход рассмотрения действительности свидетельствует о метафизическом решении важнейшей гносеологической проблемы — «эмпирическое — теоретическое». В одном случае закономерность предстает на эмпирическом уровне, в другом — она сконструирована и навязывается действительности. В обоих случаях критерии общественного развития определены прежде всего личностным (классовым) отношением, а не вытекают из законов объективной реальности. Эмпиризм и схематизм являют собой позитивистские,

---

[1] См. *Э. А. Араб-Оглы.* Концепция исторического круговорота. — «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии». М., 1960.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 9.

метафизические принципы, с помощью которых осуществляется построение идеальных логических моделей. Однако, как показано выше, теоретики «постиндустриализма» пытаются сочетать позитивизм в социологии с историческим методом в его субъективистской интерпретации (поверхностные аналогии). Все это лишний раз убеждает в том, что происходит углубление кризиса буржуазной методологии, выход из которого буржуазные идеологи ищут на путях субъективизма и эклектики.

Для придания рассматриваемым вопросам большей доказательности авторы теории «постиндустриального общества» прибегают к формально-логическим средствам. В последнее время особенно популярным у них, как и вообще среди буржуазных социологов, стал прием (метод) парадигма [1]. Р. Фридерикс, объясняя популярность этого приема, говорит, что он «связан с понятием, выраженным термином «модель»», называет его «первоначальным примером, который служит как бы общей основой посылки, определением ситуации, которая обеспечивает основной фокус ориентации» [2]. Кан, например, уверен, что парадигма правомерна и необходима, так как с ее помощью лучше «размышлять о будущем» [3].

Основной недостаток парадигмы состоит не в самой ее форме (с нашей точки зрения, такая форма интересна, но нуждается в существенной доработке), а в том, что она в трактовке Кана выступает лишь как абстрактная и потому чуждая понятию форма. Кан ссылается на «пять функций парадигмы», рассматриваемых Мертоном, но не дает достаточно полного анализа этой формы. Неясны и исходные принципы, на которых парадигма строится, хотя функции ее заманчивы. Кан и Винер приписывают ей такие функции: возможность изображения условными знаками; установление центральных концепций и их взаимосвязей для описания и анализа; выведение новой концепции и каждого нового предположения из пре-

---

[1] Впервые это понятие было разработано применительно к социологии Р. Мертоном, затем широко использовано П. Сорокиным, Г. Каном (см. *R. W. Friedrichs.* A Sociology of Sociology. New York, 1970).

[2] *R. W. Friedrichs.* A Sociology of Sociology, p. 4.

[3] *H. Kahn* and *A. J. Wiener.* The Year 2000, p. 403.

дыдущих условий парадигмы; накопление теоретического обоснования и в связи с этим рассмотрение парадигмы как фундамента, на котором воздвигается все здание объяснений; само устройство парадигмы предлагает системы распределения таблиц и диаграмм по значению концепций, способствуя анализу типов эмпирических и теоретических проблем; парадигма содействует кодификации методов качественного анализа [1].

Рассмотрение функций парадигмы через простое их перечисление еще не означает, что последняя является достаточным основанием для достижения истины. Как известно, для достижения истины необходимы реализация конкретности и определенности отражения связей и отношений объектов. Сами по себе формально-логические связи — это не равноправный альтернативный вариант в отношении связей диалектических. К тому же при злоупотреблении формальными приемами игнорируется специфика явлений. Как бы ни использовались при обосновании той или иной концепции «исторические примеры, сценарии, метафоры, аналитические модели, точные концепции и соответствующий язык» [2], они служат «вспомогательным материалом», ибо не могут показать нам явление в развитии, изменении, превращении, противоречивости.

Современная формальная логика, бесспорно, важное средство анализа объекта. Она изучает движение мысли к новым результатам, к новому знанию, но это не означает, что она способна привести к выводам на уровне новых научных открытий. Дело в том, что при действительно глубоком, всестороннем научном познании необходимо разобраться в диалектике исторического и логического. А при рассмотрении развития логических характеристик мы не свободны в выборе объектов сравнения. Объекты нам дает само историческое движение.

Итак, даже краткий анализ методологии постиндустриализма позволяет сделать следующие выводы:

методологической основой теории «постиндустриального общества» является позитивизм, эклектически

---

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 403.

[2] См. там же, стр. 406.

сочетающийся с «технологическим детерминизмом» и буржуазной философией истории;

метафизический, эклектический метод исследования с необходимостью ведет к субъективизму и идеализму;

в свою очередь субъективизм выступает в качестве методологического принципа теории «постиндустриального общества»;

антиисторизм неразрывно связан с другими исходными методологическими принципами «постиндустриализма»;

вся методология теории «постиндустриального общества» свидетельствует об антинаучном характере данной теории.

Авторы теории «постиндустриального общества», пытаясь преодолеть идеалистическое понимание истории, будучи сторонниками «технологического детерминизма», все же отдают дань в конечном счете идеализму. Вращаясь в порочном кругу техницистского мировоззрения, они не смогли дать научный ответ на вопросы, поставленные научно-технической революцией: как использовать великие достижения науки и техники на благо всего человечества, что необходимо сделать для того, чтобы научно-технический прогресс ознаменовался всесторонним социальным прогрессом?

Научная методология познания общественных явлений исходит из исторического материализма. П. Лафарг в работе «Экономический детерминизм Карла Маркса» подчеркивал: «...Маркс предложил новый метод объяснения истории, который он и Энгельс применили в своих работах. Понятно, что этого метода не знают историки, социологи и философы, которые боятся, чтобы коммунистический мыслитель не посягнул на их невинность и не лишил их благорасположения буржуазии»[1]. Исторический материализм, исследуя общие законы и движущие силы общественного развития, выступает как общая теория исторического процесса. С другой стороны, исторический материализм как метод познания различных общественных явлений дает понимание единства и многообразия, внутренней связи и целостности исторического процесса.

---

[1] *Поль Лафарг.* Соч., т. III. М.—Л., 1931, стр. 3.

Общественное познание может быть подлинно научным только тогда, когда оно опирается на материалистическое понимание истории. Руководствуясь теорией и методом исторического материализма, можно рассмотреть объективно, научно общественное явление, сделать правильные выводы из фактического материала. Научно объяснить факты действительности — значит поставить их в правильную связь, а это можно сделать, опираясь лишь на исторический материализм [1].

И только марксизм, руководствуясь в познании общественных явлений действительно научной методологией, указывает на реальные перспективы исторического развития.

---

[1] См. *В. М. Подосетник.* Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. — «Теория познания и современная наука». М., 1967.

Глава V

Социально-политическое назначение и идеологическая направленность теории «постиндустриального общества»

Анализ социальных корней и классовой сути теории «постиндустриального общества» является непременным условием успешной ее критики. Он помогает раскрыть экономические, политические, социально-психологические факторы, способствующие распространению и известному влиянию на массы этой теории. Марксизм-ленинизм считает необходимым условием изучения той или иной концепции рассмотрение наряду с гносеологическими корнями и ее социальных корней. В. И. Ленин, учитывая особенность буржуазной общественной науки и политики—стремление маскировать свою социальную сущность, писал: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [1].

Теория «постиндустриального общества» имеет широкий социально-политический аспект действия. Она разрабатывается авторами, стоящими на различных политических платформах (в рамках буржуазного политического сознания); она обращена к различным классам и социальным группам. С концепциями «постиндустриального общества» выступили откровенные апологеты, буржуазные либералы, буржуазные реформисты и «новые левые». Наряду с известным антикоммунистом З. Бжезинским автором данной теории является представитель буржуазно-либерального,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

пацифистского направления Д. Гэлбрейт, который в своей концепции «нового индустриального общества» находит для себя приемлемое решение существующего спора между капитализмом и социализмом, считая нецелесообразным решать его с помощью войны. Слияние двух систем в едином «постиндустриальном обществе» для Гэлбрейта — это своеобразная форма признания мирного сосуществования. Представитель буржуазно-реформистского направления теории «постиндустриального общества» Р. Тиболд разработал свою концепцию «постиндустриального общества» как программу борьбы с бедностью в США.

Чем же объяснить столь широкий диапазон теории «постиндустриального общества»?

Во-первых, авторы теории «постиндустриального общества» под воздействием социально-политических особенностей современной эпохи ставят в центр социально-экономических и философских исследований проблему общественного прогресса, будущего общественного устройства, социального идеала. С 2000 годом различные классы и социальные группы связывают свои надежды и устремления. Поэтому каждая из концепций теории «постиндустриального общества», выступив в форме социального прогнозирования, обращена к какому-то определенному классу или социальной группе. Так, реакционно-апологетическое направление обращено к военно-промышленному комплексу США, ученым, связанным с монополистическим капиталом; буржуазно-либеральное — отражает интересы ученых, университетов и исследовательских институтов, инженерно-технических работников, связанных с монополистическим капиталом; буржуазно-реформистское — обращается к широким слоям трудящихся, безработным, обездоленным, возлагая надежды на буржуазное государство; леворадикальное направление теории «постиндустриального общества» — к интеллигенции, молодежи, студенчеству.

Во-вторых, развитие научно-технической революции, которая оказывает воздействие на все классы и все социальные слои, создает возможность для разработки теории с широким социально-политическим диапазоном, так как каждый класс и социальная группа по-своему осмысливают ее воздействие на социальную жизнь.

В-третьих, чрезвычайное вмешательство государства во все сферы хозяйственной и общественной жизни также испытывают на себе все классы и социальные группы. А это в свою очередь находит отражение в различных направлениях теории «постиндустриального общества».

В-четвертых, произошли в определенном смысле заметные структурные изменения внутри буржуазии, пролетариата и интеллигенции, что и попытались объяснить представителям различных классов и социальных слоев с позиций монополистического капитала авторы вышеперечисленных направлений теории «постиндустриального общества».

Следует отметить, что основной упор все идеологи «постиндустриализма» делают на социальный прогноз, предлагая каждому классу или социальной группе свой социальный идеал. Дело в том, что настойчивое стремление заглянуть в будущее характерно не только для узкой группы ученых, буржуазных политических деятелей, но и для самых широких кругов населения. Порождено оно целым рядом причин. И среди них следующие: развитие мировой системы социализма и перспективы борьбы двух мировых систем; поиски путей скорейшего преодоления экономической и культурной отсталости; современная научно-техническая революция с ее сложным и противоречивым влиянием на экономику и социальные отношения; дальнейший рост производительных сил и вызванное этим государственно-монополистическое регулирование экономики; появление ракетно-ядерного оружия, поставившего человечество перед угрозой смертельной катастрофы; возросшие темпы общественного развития и масштабы происходящих в мире изменений, «демографический взрыв» и перспективы обеспечения населения Земли продовольствием и т. п.

Наряду с этим автоматизация в промышленности, в строительстве, в сельском хозяйстве, на транспорте и в связи показывает, что в принципе она способна привести к резкому увеличению материальных благ. Отсюда свои надежды на лучшее будущее различные классы и социальные группы капиталистического общества связывают с развивающейся научно-технической революцией, полагая, что все противоречия капитализма легко снимаются с ее помощью и посред-

ством государственно-монополистического регулирования. Влияние научно-технической революции на все сферы и стороны жизни общества постиндустриалисты отразили сквозь призму буржуазного сознания. Не обошли они вниманием и возросшую роль государства монополистического капитала в условиях научно-технической революции. Действительно, ныне государственная деятельность в сфере общественных отношений непосредственно затрагивает интересы миллионов трудящихся капиталистических стран. Однако авторы теории «постиндустриального общества» не раскрывают истинную сущность государственного регулирования, которое осуществляется в первую очередь в интересах монополистического капитала и связанных с ним групп. Социально-экономическая политика современного буржуазного государства выдается ими за программу коренного преобразования капиталистического общества. Вместе с тем социальные программы буржуазных политических партий и государственных деятелей, процессы распределения бюджетных средств буржуазным государством отражают всего лишь общие закономерности развития капитализма в современных условиях.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев отметил: «Особенности современного капитализма в значительной мере объясняются тем, что он приспосабливается к новой обстановке в мире»[1].

Приспособление капитализма к новым условиям имеет в социальной сфере свою специфику. Она определяется совокупностью различных факторов, среди которых наиважнейшим является резко возросшая в последние годы острота социальных проблем, вынуждающих правящие круги проводить определенные мероприятия для смягчения классовых противоречий и буржуазные реформы для сглаживания наиболее уродливых проявлений и последствий капиталистических форм хозяйствования.

Все это нашло отражение в теории «постиндустриального общества», в которой мероприятия государства, направленные на приспособление к условиям дальнейшего развития государственно-монополистиче-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 14—15.

ского капитализма, истолковываются как осуществление перехода от капитализма к «постиндустриальному обществу».

Именно острота социальных проблем настоятельно потребовала разработки такой идеологической доктрины, которая смогла бы направить недовольство трудящихся в безопасное русло.

В теории «постиндустриального общества» не могли не найти отражения и те изменения, которые произошли в эпоху научно-технической революции в классе капиталистов, рабочем классе и в особой социальной прослойке — интеллигенции.

Глубокие структурные сдвиги внутри класса буржуазии произошли в результате распространения новых форм капиталистической собственности, процессов концентрации и централизации производства, усиления финансового капитала, превращения капитализма свободной конкуренции в монополистический. Определенное воздействие на структуру класса буржуазии наложила и научно-техническая революция. Значительно укрепила свои позиции финансовая олигархия, так называемый военно-промышленный комплекс (растущая по своему влиянию часть монополистической верхушки), высшие менеджеры крупных капиталистических компаний, представители административной и политической элиты и т. д.

Далеко не однородна по своему социальному составу научно-техническая интеллигенция.

В условиях современного капитализма происходит углубление социальной и идейно-политической дифференциации интеллигенции. Ее высшие слои — административный и управленческий персонал предприятий, значительная часть государственного чиновничества, специалисты-администраторы и т. д. — прочно привязаны к правящему классу, служат опорой и проводником влияния монополистической буржуазии на различные слои общества.

Следующая, основная часть интеллигенции — рядовые инженеры, научные работники, учителя и т. п.— испытывает прямое ухудшение социальных условий своей жизни, подвергается эксплуатации.

Отсюда интересы различных групп интеллигенции неодинаковы. Так, если социальные интересы высших

ее слоев переплетаются с интересами монополистического капитала, то у другой части — с интересами рабочего класса, трудящихся.

В условиях научно-технической революции происходят определенные изменения и внутри рабочего класса развитых капиталистических стран. Внедрение новой техники способствует повышению профессионально-квалификационного уровня рабочего класса, появлению новых профессий рабочих. Так, например, в США за период 1949—1965 гг. появилось 6432 ранее неизвестных специальности, причем только в связи с ракетостроением — около 300[1]. Однако, несмотря на рост квалифицированных и высококвалифицированных рабочих, ни о какой «депролетаризации» не может быть и речи. Сама по себе квалификация рабочего, уровень его образования безотносительно к характеру господствующих в обществе производственных отношений — это лишь абстрактное понятие, оторванное от действительности. В условиях капиталистической частной собственности никакой научно-технический прогресс не в состоянии осуществить всестороннее, гармоническое развитие личности, избавить ее от эксплуатации.

Изучение изменений в классовой и социальной структуре современного капиталистического общества, а в данном случае США, является отправным пунктом при рассмотрении социально-политического назначения тех или иных взглядов, идей, теорий. Следует, однако, иметь в виду, что между социальной структурой, интересами и поведением людей не существует прямой и простой связи. Выявление этой связи предполагает включение в анализ большого числа экономических, политических и социально-психологических факторов.

Различные направления теории «постиндустриального общества» отражают в конечном итоге интересы монополистического капитала. Прямая или скрытая апология государственно-монополистического капитализма, социальная демагогия, антимарксистская направленность объединяют все эти направления в рамках одной теории.

---

[1] См. *Ю. П. Чаплыгин.* Миф о «едином среднем классе». М., 1970, стр. 28.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Чем больше форма общения данного общества, а следовательно и условия господствующего класса, развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам, чем больше вследствие этого раскол в самом господствующем классе, как и раскол между ним и подчиненным классом,— тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения, т. е. оно перестает быть сознанием, соответствующим этой последней; тем больше прежние традиционные представления этой формы общения... опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия» [1].

Теория «постиндустриального общества» пытается дать ответ на целый ряд вопросов, поставленных развивающейся научно-технической революцией, государственно-монополистическим капитализмом и характером современной эпохи. При этом каждое направление теории «постиндустриального общества» делает это по-своему, отражая интересы того или иного класса, социальных групп.

Буржуазные либералы как авторы теории «постиндустриального общества»

Представители буржуазно-либерального направления теории «постиндустриального общества» (Д. Белл, Д. Гэлбрейт) являются выразителями интересов высших слоев научно-технической интеллигенции, сливающихся с господствующим классом и защищающих интересы государственно-монополистического капитала.

Усложнение производства промышленной продукции, постоянное изменение ее структуры и технических характеристик, увеличение промышленных фирм, вовлекаемых в процесс создания и изготовления технических и научных комплексов, и т. п. послужили объективными причинами совершенствования форм и методов организации и управления производством. Принципы управления крупными капиталистическими

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 283.

фирмами охватывают широкий круг взаимосвязанных вопросов: распределение полномочий и ответственности, принятие решений, централизация и децентрализация, проблемы внешнего воздействия, методы контроля и т. д.

Белл, Гэлбрейт, показывая, что возрастание значения функции управления крупной капиталистической корпорацией обусловлено развитием самого капиталистического производства в период научно-технической революции, всячески затушевывают другую важную сторону этого процесса, а именно что эта функция обусловлена в то же время специфическими особенностями и потребностями государственно-монополистического способа хозяйствования с присущими ему погоней за прибылью и нарастанием социальных и экономических противоречий. «Управление капиталиста, — указывал К. Маркс, — есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации» [1].

Критически относясь к некоторым явлениям, присущим современному буржуазному обществу, провозглашая неизбежность возникновения «нового индустриального общества», Гэлбрейт вместе с тем фактически отстаивает государственно-монополистический капитализм, право на будущее «зрелых» корпораций.

Американский профессор Джирвец в книге «Эволюция либерализма» пишет о том, что либералы верят в творческие возможности современного капитализма, обеспеченные коллективным разумом эффективного вмешательства государственных органов [2]. Точно так же относится к «новому индустриальному обществу» и Гэлбрейт, который утверждает, что контроль «зрелой» корпорации над ценами, ее влияние на поведение потребителя, стремление к стабилизации цен и зарплаты, определенные связи с государством, современная роль образования — все это вместе вы-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 343.

[2] *H. Girvetz.* The Evolution of Liberalism. New York, 1963, p. 386.

глядит как система, которая развивается, совершенствуется. Ныне индустриальное развитие, подчеркивает он (при определенных требованиях), ведет к социализации развитой корпорации, которую признают даже люди самого консервативного направления [1]. Практически Гэлбрейт, говоря о роли «зрелой» корпорации в «индустриальной системе», ведет речь о смене капитализма свободной конкуренции эпохой монополистического капитализма. Монополистический капитализм — это «новое индустриальное общество», отличное, по его мнению, от капитализма и социализма.

Идеологи буржуазии отмечают, что развитие производительных сил, прогресс науки и техники, расширение системы общего и специального образования, средств массовых коммуникаций, разбухание бюрократического аппарата государства вызывают повышенный спрос на кадры интеллигенции самых различных специальностей. Быстро растет численность интеллигенции (в США, согласно прогнозам, с 1960 по 1975 г. количество инженеров увеличится с 810 тыс. до 1 450 тыс., ученых естественных наук — с 236 тыс. до 465 тыс.) [2]. Однако этот объективный процесс роста интеллигенции, и особенно научно-технической, гиперболизируется, обобщается, истолковывается Беллом и Гэлбрейтом как рождение «нового общества» научно-технической элиты.

Но количественный рост интеллигенции не означает исчезновения классовых антагонизмов в буржуазном обществе. С одной стороны, часть интеллигенции оказывается в положении пролетариата, продавая свои знания капиталу, с другой — соучастницей в получении капиталистической прибыли. Белл и Гэлбрейт не анализируют этих социальных явлений, они делят интеллигенцию по роду занятий, по месту, занимаемому в науке. Причем на первое место по общественной значимости выдвигают научно-техническую элиту, к ней Белл и Гэлбрейт обращают свои взоры, ей они обещают руководство «новым общест-

---

[1] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 458.

[2] "Tomorrow's Manpower Needs". National Manpower Projections and a Guide to their Use a Tool in Developing State and Area Manpower Projections, vol. IV. Washington, 1966, p. 28.

вом», ей одной якобы принадлежит будущее. Однако истинная подоплека всех рассуждений авторов буржуазно-либерального направления — сохранение господства частной собственности на средства производства (фактически в государственно-монополистических формах), использование инженерно-технической интеллигенции в качестве орудия усиления экономических позиций монополистического капитала, как силы, способствующей быстрому обогащению. При этом Белл и Гэлбрейт указывают на определенное воздействие, которое имеет научно-техническая революция, на деятельность буржуазного государства.

Действительно, государственные органы США оказались перед необходимостью не только резко увеличить расходы на научные исследования и технические разработки, но и выделять средства на развитие образования, финансирование программы профессионального обучения и переквалификацию рабочей силы. Дело в том, что новая техника требует квалифицированных специалистов. И капитализм вынужден идти на расходы, связанные с подготовкой кадров. Однако все затраты государства в конечном счете ложатся на плечи налогоплательщиков. Кроме того, сама структура затрат на науку обусловлена интересами монополистического капитала.

Деятельность буржуазного государства в области науки вызывает определенные социальные последствия. Совершенно очевидно, что она подчинена прежде всего интересам монополий, оказывает им помощь в использовании достижений научно-технической революции.

Отмечая значение функции государственного регулирования в социально-экономическом развитии буржуазного общества, Белл и Гэлбрейт не обходят вопроса о «национальных приоритетах»: чему следует отдать предпочтение — социальным нуждам или военным расходам?

Буржуазные либералы усматривают взаимосвязь между насущными социальными проблемами и военными расходами в капиталистическом обществе. Следует отметить, что политический реализм Белла, Гэлбрейта и других буржуазных либералов, настаивающих на переключении части военных расходов на социальные нужды, представляет собой отражение

очень сложного процесса приспособления современного капитализма к новой внутренней и внешней обстановке.

Выход из экономических трудностей современного капитализма таких, как инфляция, безработица и т. д., авторы либерально-буржуазного направления теории «постиндустриального общества» пытаются найти на путях государственно-монополистического регулирования и возрастания роли научно-технической интеллигенции в современном обществе. Но они обходят такой жизненно важный вопрос: за счет кого это регулирование осуществляется?

Политический комитет Компартии США выступил с заявлением, в котором характеризует меры правительства как «мощное многоплановое наступление на рабочий класс», как «попытку выбраться из кризиса за счет народа». В заявлении подчеркивается, что эти меры «обостряют все социальные противоречия внутри страны» [1].

В буржуазно-либеральном варианте теории «постиндустриального общества» отражено стремление господствующих классов найти более эффективные средства ослабления социальных антагонизмов и классовой борьбы.

Отмечая бурно происходящие процессы централизации и концентрации капитала, с одной стороны, а с другой — выдвигая старый буржуазный тезис «о соучастии в управлении», буржуазный либерализм пытается «умолчать» о том, что именно капиталистические отношения собственности порождают сложный узел антагонистических противоречий между трудом и капиталом. При этом монополии у постиндустриалистов выступают как такая конкретно-хозяйственная единица, которая в каждом отдельном случае может быть исправлена буржуазным государством. Гэлбрейт, например, монополию в современном капитализме заменяет «зрелой корпорацией», осуществляющей всестороннее планирование. Он считает капиталистический рынок как уже нечто отжившее и ненужное. Как видно, авторы буржуазно-либерального направления теории «постиндустриального общества» пытаются узаконить в ней идею об экономической

[1] "Daily World", 18.VIII.1971.

и социальной гармонии в современном капиталистическом обществе.

Но монополизация — это необратимый процесс, и мерами государственного регулирования его не устранить. Изучение концентрации капитала на разных уровнях — отраслевых, межотраслевых, народнохозяйственных — показывает, как монополия многообразными путями проникает в экономику, направляясь от своего центра (современного крупного массового производства) и достигая самых отдаленных уголков хозяйства на путях комбинации, вертикальной интеграции и других форм господства. Капиталистическая форма собственности, с которой авторы теории «постиндустриального общества» не собираются расставаться и в которой они видят мощный стимул развития производства, дает возможность богатейшим семьям современной финансовой олигархии поставить прогресс общественного производства на службу собственному обогащению.

Д. Гэлбрейт в своей доктрине большое внимание уделяет иерархической системе комиссий экспертов, узких научных специалистов, всей той производственной пирамиде, которая помогает капиталистическим монополиям получать высокие прибыли. Он полагает, что комиссии экспертов, специалисты, координируя свои решения, окажут существенное воздействие через «техноструктуру» на дальнейшее развитие всей «индустриальной системы». Однако он не видит того, что именно капитал накладывает свою печать на все сферы и отрасли производства знаний и информации, ставит себе на службу систему образования, создает цепь организаций, «перекачивающих» продукцию науки в производство.

Исходным звеном в цепи «наука — производство» все чаще буржуазные идеологи называют университеты. Именно университеты наряду с крупной капиталистической корпорацией Белл считает основными учреждениями «постиндустриального общества».

И действительно, университеты в условиях современной научно-технической революции стали одним из важнейших источников идей и разработок, перестраивающих промышленность. Особенно это относится к университетам США. Они действуют почти по тем же принципам, что и прибыльные научно-иссле-

довательские центры корпораций. Университеты, выполняя огромные заказы монополий и военного ведомства, подняли свои доходы до многомиллиардных сумм, накопили колоссальные фонды, которые выгодно вкладывают в дальнейшее расширение исследований. Кафедры университетов США все больше перестраиваются по образцу научных комиссий корпораций и начинают формироваться не по преподаваемым предметам, а по изучаемым проблемам. Но идеологи буржуазно-либерального направления теории «постиндустриального общества» процесс сращивания университетов с капиталистическими монополиями выдают за величайшее достижение человеческой цивилизации.

С дальнейшим углублением общего кризиса капитализма наблюдается переход ряда либерально-буржуазных идеологов на более «левые» позиции. Это относится и к Гэлбрейту. В своей новой книге «Экономика и общественная цель»[1] он эволюционирует от буржуазного либерализма к буржуазному реформизму, предлагая в рамках существующей капиталистической системы ввести контроль над заработной платой и ценами со стороны государства. Он, как и Тиболд, полагает возможным выравнивание доходов в рамках частной собственности. Для него более приемлемым является «социализм» демократической партии США, интересы которой он защищает, нежели господство инфляции, безработицы и лишений — этого негодного продукта правления республиканцев. Однако «социализм» его остается все тем же «новым индустриальным обществом».

Откровенная апологетика государственно-монополистического капитализма

Крайне правое крыло теории «постиндустриального общества» представляет ее реакционно-апологетическое направление. Это направление откровенно отражает интересы государственно-монополистического

[1] *J. K. Galbraith.* Economics and the Public Purpose. Boston, 1973.

капитала и связанного с ним военно-промышленного комплекса.

Исторически неизбежным результатом усиления процессов накопления капитала, роста концентрации и монополизации производства стало перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Вызревание системы государственно-монополистического капитализма является важнейшей тенденцией современного развития капиталистических стран.

Формы взаимодействия буржуазного государства с монополиями, степень сращивания их друг с другом по-разному сложились в разных странах. В США ярчайшим проявлением государственно-монополистического капитализма стало усиление военно-промышленного комплекса.

Как известно, ядром военно-промышленного комплекса является объединение монополистического капитала, наиболее заинтересованного в милитаризме и завоеваниях, с военщиной. Именно крупному бизнесу даются основные военные заказы, в его руках сосредоточены важнейшие производственные мощности по выпуску военно-космической продукции и квалифицированная рабочая сила. Используя государственно-монополистические методы регулирования экономики, правительство США создает условия, при которых военное производство становится особенно прибыльным.

Военно-промышленный комплекс образовался в результате зловещего союза между военно-промышленными компаниями, военными кругами и правительственной бюрократией. Этот союз с помощью капиталистического государства осуществляет материально-техническое снабжение своих вооруженных сил; регулирует масштабы, структуру и географическое размещение военного производства; способствует развитию военной техники и проводит различные мероприятия по мобилизационной подготовке экономики к войне. Правительственные круги оказывают военно-промышленному комплексу финансовую и другие виды помощи, предоставляют различные льготы, поддерживают и стимулируют его деятельность. Военно-промышленный комплекс имеет серьезное и, несомненно, возрастающее влияние на экономическую, по-

литическую и духовную жизнь американского общества.

Военно-промышленный комплекс все в большей степени прибирает к рукам колледжи, университеты, научно-исследовательские центры. Американский социолог С. Ленз в книге «Военно-промышленный комплекс», говоря о сотрудничестве университетов с Пентагоном, указывает, что без его финансовой поддержки такие «ведущие университеты», как «МТИ, Джона Гопкинса, Стэнфордский, Мэрилендский, в огромной степени сократили бы свои размеры и потеряли бы в престиже» [1]. Широко привлекаются представители университетов и к деятельности правлений корпораций, и в свою очередь должностные лица корпораций входят в состав советов регентов университетов.

Как уже отмечалось, научно-техническая революция ведет к дальнейшему ускорению процессов концентрации капитала. Быстро развивающиеся на базе новейших открытий производительные силы стремятся обрести новые условия для своего развития. Они требуют сознательного планирования, постоянного соблюдения пропорциональности между производством и потреблением, между различными отраслями народного хозяйства. Способ производства восстает против способа обмена, производительные силы — против способа производства, который их создал. И здесь монополии возлагают свои надежды на государственное регулирование, что нашло свое отражение и во взглядах представителей реакционно-апологетического варианта теории «постиндустриального общества». Не обошли они молчанием и вопрос о научно-технической интеллигенции, о ее месте в будущем обществе.

Понимая, что научно-исследовательская работа становится ведущей силой в развитии промышленности, Кан и Бжезинский всячески подчеркивают необходимость ее связи с финансовой олигархией и монополистическим государством. Вполне закономерным кажется им и использование научно-технической революции в военных целях.

---

[1] *S. Lens.* The Military-Industrial Complex. Philadelphia, 1970, p. 126.

Для Кана и Винера война — полноправное явление XXI в. При этом они характеризуют ее как ядерную войну, которая принесет людям «некоторые бедствия». Но с другой стороны, они полагают, что «такая война ... может быть при некоторых обстоятельствах и разумной и обдуманной»[1]. В одной из таблиц Кан и Винер рассматривают «некоторые возможности, ведущие к ядерной войне», среди которых называют коммунизм, голод, мор, бубонную чуму, возрождение фашизма, природные бедствия[2] и т. п.

Все эти рассуждения свидетельствуют о том, что реакционно-апологетическое направление теории «постиндустриального общества» делает попытку оправдать огромные военные ассигнования, которые ежегодно в США съедают львиную долю федерального бюджета.

К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время предвидели, что на известном этапе развития капитализма производительные силы получат одностороннее развитие, примут разрушительный характер, обращенный не только против старых производственных отношений, но и против своего собственного всестороннего и бескризисного развития, так как они не служат более развитию буржуазных отношений собственности. Продолжая и конкретизируя эти мысли, В. И. Ленин показал, что в эпоху империализма все достижения науки и техники используются главным образом для производства в массовых масштабах снарядов, взрывчатых веществ и других орудий фабрикации искалеченных людей и разрушения производительных сил.

Рисуя контуры общества 2000 года, Кан и Винер делают это весьма тенденциозно. Их монография «Год 2000» в значительной мере посвящена частной проблеме социального прогнозирования — методологическим основам разработки прогнозов военно-политических ситуаций. Ее прямое назначение — стимулировать широкие и интенсивные исследования по вопросам военно-политического прогнозирования для Белого дома, Пентагона и госдепартамента.

Отражая интересы военно-промышленного комплекса, представители реакционно-апологетического ва-

---

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 317.

[2] См. там же, стр. 24, 316.

рианта теории «постиндустриального общества» различия между мировыми системами капитализма и социализма сводят к чисто политическим мотивам, изображая коммунизм как историческую аномалию. Кан и Бжезинский заявляют, что США уже вступили в «новое общество» и этому способствовала развивающаяся научно-техническая революция. Открыто выступая против коммунизма, учитывая страх рабочего человека за завтрашний день, они пытаются снискать симпатии у широких масс, обещая им безбедную, праздную жизнь в «постиндустриальном обществе».

Мир будущего 2000 года представляется идеологам реакционно-апологетического направления теории «постиндустриального общества» бóльшим или меньшим приближением и в экономическом, и в социальном отношении к уровню США 50—70-х годов. И уж конечно, без интернационального единства коммунистического движения. Бжезинский берет на себя смелость утверждать, что в 70—80-х годах коммунистические партии и социалистические страны не будут более «составными частями» единого международного коммунистического движения [1].

Реакционно-апологетическое направление теории «постиндустриального общества» ратует за «исчезновение» коммунизма, рассматривая США в качестве некой модели будущего общественного устройства для всех стран мира. Рационализация общественной жизни, основанная на частной собственности и силе буржуазного государства, господство капиталистических монополий, модернизированных научно-технической революцией, появление машин-роботов и людей-роботов — таков лейтмотив их доктрин. В «постиндустриальном обществе» они оставляют классы и классовую борьбу, монополии, военно-промышленный комплекс. Они говорят о них как неизбежных атрибутах капитализма и будущего общества. Все выводы постиндустриалистов реакционно-апологетического направления вытекают из тех классовых задач, которые они преследуют. Задачи же эти откровенно апологетического, охранительного свойства. Реакционно-апологетическое направление теории «постиндустриального

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. 181.

общества» отражает смертельный страх перед социалистической революцией, коммунистическим будущим человечества и надежды на долгую жизнь империализма в форме «постиндустриального общества».

«Постиндустриальное общество» — социальный идеал авторов буржуазно-реформистского направления

В. И. Ленин уделял особое внимание анализу буржуазно-критического подхода экономистов к монополистическому капиталу. «Но чудовищные факты, касающиеся чудовищного господства финансовой олигархии, настолько бьют в глаза, — писал он, — что во всех капиталистических странах, и в Америке, и во Франции, и в Германии, возникла литература, стоящая на *буржуазной* точке зрения и дающая все же приблизительно правдивую картину и — мещанскую, конечно, — критику финансовой олигархии» [1]. Эти слова В. И. Ленина о буржуазно-критическом подходе экономистов можно целиком отнести к буржуазно-реформистскому направлению теории «постиндустриального общества».

И это подтверждается концепцией «свободных людей и свободных рынков» Тиболда. Отмечая отрицательные социально-экономические последствия научно-технической революции в современных США, он не говорит о главном — об эксплуататорской сущности капиталистического строя. Тиболд игнорирует понятие «эксплуатация», умалчивает о том, что бедность, нищета и безработица в условиях научно-технической революции есть прежде всего следствие получения монопольно-высоких прибылей.

Представители буржуазно-реформистского направления теории «постиндустриального общества» — Тиболд и другие авторы «Манифеста «тройственной революции»», заявляя о несовместимости кибернетической революции с традиционным социально-экономическим механизмом капитализма в США, вскрывая острейшие его противоречия, вместе с тем не мыслят благосостояние человека без капиталистических про-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 344.

изводственных отношений. Нарисованный ими тип общества — это некий симбиоз американского и западноевропейских форм капиталистического способа производства. Говоря о необходимых изменениях в американском обществе, авторы «Манифеста» подчеркивают решающую роль «планирующих учреждений». «Планирующие учреждения, — уверяют они, — направят по единому руслу растущий протест против неблагоустроенности городов, загрязненности воздуха и воды, неудовлетворительной системы образования, обнищания и ухудшения условий отдыха, низкого уровня медицинского обслуживания и стихийного развития экономики с тем, чтобы объединить все усилия для повышения общего благосостояния». «Нас, — пишут далее они, — ободряют итоги деятельности планирующих органов «Общего рынка» и некоторых европейских стран, и мы уверены, что Соединенные Штаты могут только выиграть, тщательно изучая их слабые и сильные стороны» [1].

Как видно, буржуазно-реформистское направление, так же как и буржуазно-либеральное, усиленно фетишизирует те формальные признаки буржуазной демократии, сохранение которых устраивает современную монополистическую буржуазию. Государственное регулирование капиталистической экономики, сходство технологического базиса капиталистической и социалистической систем выдается ими за достаточное основание для схождения их (хотя и в отдаленном будущем) в одной общей точке — «постиндустриальном обществе». А научно-техническая революция автоматически, по их мнению, поможет решить важнейшие проблемы современности — вопросы классового неравенства, развития личности, войны и мира и др.

Буржуазно-реформистское направление теории отражает интересы прежде всего мелкой и средней буржуазии, страдающей от всевластия монополий. Вместе с тем оно выступает с программой, в которой намеревается «удовлетворить», хотя бы отчасти, неотложные интересы трудящихся. Но делается это для того, чтобы отвлечь их от революции. У реформизма довольно массовая база — широкие мелкобуржуаз-

[1] ««Тройственная революция»». — «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 4, стр. 89.

ные слои, в известной мере крестьянство, буржуазная интеллигенция, некоторые отряды рабочего класса. Все они поддерживают реформистские программы, надеясь на мирное и быстрое решение назревших проблем. По мере краха иллюзий, посеянных буржуазно-реформистскими идеологами, эта база размывается. Но размывание это происходит медленно, волнами, со своими приливами и отливами.

Современный буржуазный реформизм является своего рода реакцией на международный резонанс и реальные воздействия социальных достижений в странах социализма.

В Советском Союзе и братских социалистических странах осуществлены коренные социальные преобразования, создавшие прочную основу для роста народного благосостояния. Отсутствие безработицы, бесплатное образование и медицинское обслуживание, развитая система социального страхования и многие другие завоевания победивших социалистических революций стали примером для трудящихся Запада, стимулирующим их борьбу с капиталом и буржуазным государством. Буржуазная идеология в целом и буржуазный реформизм в частности уже не могут игнорировать эти новые критерии социального прогресса. Для того чтобы в какой-то мере нейтрализовать влияние социализма, скрасить неблагоприятную для капитализма в сравнении с социализмом картину и тем самым помешать дискредитации капиталистического строя в глазах народных масс, они предлагают свой вариант теории «постиндустриального общества».

Авторы буржуазно-реформистского направления пытаются найти выход из острейших капиталистических противоречий, предложив конкретную социальную программу, или, как ее называет Тиболд, «план спасения», не затрагивающую основ капитализма. Кстати сказать, последние десятилетия то демократическая, то республиканская партии США выдвигают лозунги и программы «борьбы с бедностью». Известно, например, что со времен президента Рузвельта партии активно выступают с буржуазно-реформистскими программами. Так, в 1969 г. в качестве такой программы республиканская партия и правительство внесли на рассмотрение конгресса «План помощи

семьям» (Family Assistance Plan). Американская печать объявила этот план «революционным шагом» в борьбе с бедностью, рекламируя его как «исторический вклад в социальный прогресс». Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» назвал его «самой революционной внутренней программой, представленной кем-либо из президентов со времени провозглашения «Нового курса» (Ф. Рузвельта. — *Г. И.*) 36 лет назад» [1].

Этот план в некоторой своей части перекликается с буржуазно-реформистским вариантом теории «постиндустриального общества». В нем говорится о расширении федерального вспомоществования беднейшим семьям (увеличение размера пособий, расширение круга получающих помощь). Безусловно, «план спасения» Тиболда более демократичен. Тиболд ратует за право на доход, обеспечивающий безбедную жизнь каждого члена общества. В «Плане помощи семьям» предполагается увеличение числа лиц, получающих государственные пособия по причине крайней нуждаемости и установление «национального минимума» дохода в размере 1600 долл. в год для семьи из четырех человек, включая двоих детей [2]. Такой доход недостаточен для обеспечения даже элементарных условий существования в США, где уровни цен и налогов исключительно высоки. Достаточно сказать, что квартирная плата и налоги оставляют на питание и другие семейные расходы в течение года меньше половины названной суммы [3].

Однако социальная программа Тиболда является не только буржуазно-реформистской, но и утопичной. Решить социальные антагонизмы современного капиталистического общества с помощью созданного научно-технической революцией изобилия материальных благ и государственно-монополистического регулирования невозможно. Буржуазия вынуждена ныне прибегать к социальному маневрированию, с тем чтобы каким-то образом ослабить классовую борьбу. Моно-

---

[1] "U. S. News and World Report", August 1969, p. 26.

[2] Средний размер годового пособия по действующим социальным программам составляет 1177 долл. ("The New York Times", 15.II.1970).

[3] "U. S. News and World Report", August 1969, p. 26.

полии идут лишь на минимальные уступки, которые в наименьшей степени затрагивают их своекорыстные интересы. Куцые социальные реформы и жесткие рамки реформистской идеологии устраивают монополистический капитал.

Буржуазно-реформистский вариант теории «постиндустриального общества» является своеобразным отражением противоречий не только между трудом и капиталом, но и внутри правящего класса. Он показывает вместе с тем, что социальное маневрирование буржуазии, хотя и отражает процессы приспособления правящего класса к современным внутренним и международным условиям, все же оказывается ограниченным как по своим возможностям, так и по конкретным итогам. Капитализм с многообразными его противоречиями создает узкие границы для социальной политики буржуазного государства.

Все мероприятия, предлагаемые буржуазным реформизмом, не содержат экономического и классового анализа, указания на необходимость смены форм собственности и перехода политической власти в руки трудящихся. Тиболд не видит того, что именно капиталистическая форма собственности является основой, на которой процветают все антагонизмы, и что лишь ломка устаревших отношений собственности приведет к действительному общественному прогрессу. Марксизм-ленинизм научно обосновал, а историческая практика подтвердила, что в антагонистическом обществе эта ломка осуществляется через борьбу классов.

Призыв Тиболда действовать в направлении улучшения и трансформации общества путем использования достижений научно-технической революции и изменения порядка распределения общественного продукта с помощью буржуазного государства не содержит в себе ничего революционного. На практике это означает подновление, модернизацию системы капиталистической эксплуатации, уводящие от революционных, коренных преобразований.

Да и сам Тиболд не скрывает своей основной задачи. Его план должен быть претворен в жизнь, а иначе сбудется предсказание К. Маркса и «недовольные системой восстанут». Таким образом, «план спасения» Тиболда должен «избавить» капиталистический мир от социальной революции.

Теория «постиндустриального общества» приобрела ныне всеобщую известность. Она анализируется, критикуется, к ней, как некой панацее, обращают взоры буржуазные идеологи.

Наряду с марксистами ее критикуют и идеологи, стоящие на крайне правых, экстремистских платформах. Своеобразную позицию по отношению к теории «постиндустриального общества» занимают «новые левые». Выступив в качестве ее критиков, в разработке своих воззрений на будущее общество они не вышли за рамки теории «постиндустриального общества».

«Новые левые» взяли на себя труд критического разбора буржуазно-либерального и реакционно-апологетического направлений теории «постиндустриального общества». Реакционно-апологетическое направление они критикуют за оправдание военных авантюр, огромных затрат на гонку вооружения, которые тяжелым бременем ложатся на федеральный бюджет, а в конечном счете — на массу налогоплательщиков.

Идеология «новых левых» отражает интересы и психологию мелкобуржуазных слоев общества: мелкой и средней буржуазии, служащих, инженерно-технических работников и других групп интеллигенции, устремления непролетарских слоев населения, участвующих в демократических движениях, выступающих против монополистического капитализма и реакции. Значительная часть сторонников этого направления — молодежь. Социальная ее активность в известной мере определяется изменением доли молодежи, студенчества и интеллигенции в составе населения и в решающей степени вследствие изменения их общественного положения в современном капиталистическом мире. Сотни тысяч молодых американцев участвуют в движении «новых левых». Состав участников этого движения неоднороден: выходцы из интеллигенции, рабочего класса, фермеров. Возникнув в 50-х годах, это движение впитало в себя концепции, которые являются смесью идеалов анархизма, утопического социализма, нигилизма и романтизма.

Выступая с критикой социальных антагонизмов современного капиталистического общества, «новые левые» не в состоянии разобраться в конфликте между производственными отношениями и производительными силами. Критика капитализма подменяется у них критикой «индустриального общества», в том числе и «постиндустриального».

Идеолог «новых левых» профессор Массачусетского института Д. Макдермот в памфлете «Технология — опиум интеллигентов» заявляет, что взгляды Кана и Бжезинского представляют «новейшую идеологию агрессивных правых сил в нашей стране, которые во имя технического прогресса осуществляют самую настоящую апологию государственно-монополистического капитализма... Эта доктрина связана с интересами элиты, правящей нашей страной, с ее экспансионистской политикой во всем мире. Отсюда не случайно, что глашатаи этой доктрины, всякие ростоу, бжезинские, хантингтоны и каны (назовем лишь несколько одиозных имен), находятся среди наиболее ярых неразоружившихся сторонников войны у нас...» [1].

«Новые левые» не могут смириться с тем, что авторы теории «постиндустриального общества» сохраняют в 2000 году государственно-монополистический капитализм со всеми его противоречиями и пороками. Ненавистен им и военно-промышленный комплекс, выразителями интересов которого являются Кан, Бжезинский и другие авторы теории «постиндустриального общества».

«Новые левые» вместе с тем выступают и с критикой некоторых положений, выдвинутых авторами буржуазно-либерального направления рассматриваемой теории. Так, Г. Маркузе в книге «Эссе об освобождении» [2] утверждает, что будущее не может принадлежать корпоративному капитализму, так как последний «не обладает иммунитетом против экономического

---

[1] *J. Macdermot.* Technology. The Opium of Intellectuals. — "The New York Review of Books", 31.VII.1969, p. 35.

[2] *H. Marcuse.* An Essay on Liberation. Boston, 1969. В предисловии автор пишет, что в этой работе он пытается развить некоторые идеи, впервые выдвинутые им в книгах «Одномерный человек», «Эрос и цивилизация» и других работах, а также в лекциях, прочитанных в университетах США и Европы.

кризиса», а, наоборот, связан с ростом безработицы, «вызываемой техническим прогрессом в области автоматизации», расширением «оборонного» сектора экономики, ухудшающего положение налогоплательщиков. А ту самую сферу услуг, которую авторы теории «постиндустриального общества» считают важнейшим признаком появления нового общественного строя, он называет «паразитическим сектором экономики» [1].

Все до сих пор существовавшие «попытки оценить или хотя бы обсудить радикальные изменения мира господства корпоративного капитализма», пишет Маркузе, носят «абстрактный, академический, нереальный характер». Он подвергает сомнению установление свободного общества при условии, что у власти окажется технократия, так как, с его точки зрения, «технократия независимо от ее «чистоты» поддерживает и рационализирует мир угнетения». Продолжая эту мысль, Маркузе отмечает, что, «если бы альтернативой была власть какой-то элиты, то это означало бы замену правящей элиты другой, и если бы этой последней стала внушающая такой страх интеллектуальная элита, то такая власть была бы не менее квалифицированной, не менее опасной, чем существующая...» [2].

«Новые левые» не верят политическим лидерам. Среди «новых левых» широко распространено мнение, что при существующей системе в США политические деятели ничего не могут изменить. А ведь постиндустриалисты в качестве модели, образца «постиндустриального общества» выдвигают США. С точки зрения «новых левых», будущее должно принадлежать более широким слоям общества.

Интеллигенция, студенчество и молодежь — вот те радикальные, революционные силы, которые осуществят преобразование общества, им принадлежит будущее. Так считают «новые левые». Таким образом, выступая против «технократической элиты», они отрицают одновременно революционную роль пролетариата в обществе.

---

[1] *H. Marcuse.* An Essay on Liberation, p. 71.

[2] Там же, стр. 68.

Маркузе выступает против важнейших положений теории «постиндустриального общества»: элиты интеллектуалов (инженеров и ученых), крупных корпораций, ведущей роли сферы услуг в новом обществе. Прикрываясь барьером левых фраз, он говорит много о «насильственном» уничтожении старого общества. Но все эти фразы у него повисают в воздухе, так как он на протяжении всего «Эссе об освобождении» проводит мысль о том, что искать исторических носителей революционных перемен в развитых капиталистических странах — поистине бессмысленное занятие. Маркузе сам принимает в качестве будущего общества «передовое индустриальное общество», в котором будут осуществлены две основные задачи: 1) появление «нового человека» с новым биологическим измерением, позволяющим ему говорить другим языком, по-другому двигаться, следовать другим импульсам; 2) избавление этого человека от «унизительного» земного труда, прочих форм социального контроля и принуждения; создание условий для проявления его сущности главным образом в «любовных играх».

Критикуя целый ряд положений теории «постиндустриального общества», «новые левые» одновременно оказываются в свою очередь авторами своеобразного варианта этой теории, заняв леворадикальное направление. Доктор Кеннет Кенистон, профессор Йельского университета, указывая на вступление некоторых передовых стран после второй мировой войны в новую эпоху — «постиндустриальную», связывает эту эпоху с решительной переоценкой социальных ценностей. И это ему очень импонирует, ибо в его глазах «постиндустриальное общество», контуры которого уже ясно проступают в Западной Европе, Канаде и Японии, — это общество, где «технология будет превалировать над всем остальным и истинными правителями станут эксперты по ЭВМ и технобюрократы». Он делает попытку найти причины, не позволяющие «студенческой революции» объединиться с «революцией постиндустриальной»: «Студенты, верящие в старомодные духовные ценности, вроде гуманизма и романтизма, подсознательно ощущают, что в этом постиндустриальном мире для них не найдется места». С точки зрения Кенистона, протест некоторой части «новых левых» против «постиндустриального общест-

ва» «напоминает бунты луддитов, разбивавших машины, чтобы задержать промышленный переворот»[1].

Таким образом, взгляды «новых левых» весьма противоречивы: с одной стороны, они выступают как критики «нового индустриального общества», с другой — они не признают социализма в марксистском его понимании. Они оказываются последователями теории «постиндустриального общества» и даже ее авторами. Идеологи «новых левых» принимают «постиндустриальное общество» как тенденцию развития современного капитализма, требуя «влить в него прогрессивные формы». Основными признаками «нового общества» у них являются: определяющая роль науки и техники в развитии общества («полная автоматизация и индустриализация»), появление нового класса — технической элиты, справедливое распределение «изобилия», которое «будет плановым», гуманизация общества. Аналогичные признаки выдвигают и авторы теории «постиндустриального общества» всех направлений. Однако главным требованием «новые левые» считают необходимость «гуманизировать общество». Их беспокоит судьба человека в век технического прогресса. Отсюда и различные утопические рецепты «спасения» человека.

Маркузе говорит о будущем как о «бытии в свободном времени при удовлетворении жизненных потребностей»[2]. Выступая с критикой капитализма, который у него называется «одномерным обществом», он говорит, что научно-технический прогресс в нем служит разрушению, ставит под угрозу само существование современной цивилизации. Задачей критической социологии, с его точки зрения, является разработка некоторого «трансцендентального исторического проекта», выводящего общественное мышление за рамки данного социально-экономического строя, т. е. ломающего саму структуру «одномерного общества» и мышления.

Проект Маркузе включает следующие требования:

«1. Трансцендентальный проект должен находить-

---

[1] См. *Кеннет Кенистон.* Чего добиваются студенты. — «Америка», 1970, № 159, стр. 14.

[2] *H. Marcuse.* One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, 1964, p. 231.

ся в соответствии с реальными возможностями, данными на современном уровне материальной и интеллектуальной культуры.

2. Трансцендентальный проект для того, чтобы опровергнуть установившуюся реальность, должен оказать свою высшую рациональность в трояком смысле, а именно:

а) он предлагает перспективу сохранения и улучшения производительных достижений цивилизации;

б) он определяет самую структуру, основные тенденции и отношения установившейся социальной реальности;

в) его осуществление приведет к большой умиротворенности существования внутри институциональной структуры, предлагающей большие возможности для свободного развития человеческих нужд и способностей» [1].

Этот проект выглядит абстрактным, оторванным от конкретных задач, выдвигаемых действительностью, а тем более не решает противоречий того самого «одномерного общества».

О каких же возможностях современной «материальной и интеллектуальной культуры» говорит Маркузе?

Во-первых, это научно-технический прогресс, ибо человечество технически готово создать век мира, мир без угнетения, нищеты и страха. Во-вторых, этот же прогресс создает и определенный интеллектуальный уровень, который, однако, остается ограниченным рамками капитализма.

Таким образом, вопросы, связанные с научно-техническим прогрессом и его использованием в будущем, волнуют «новых левых». Отмечая, что научно-технический прогресс в современном капиталистическом обществе служит разрушению, ставит под угрозу само существование современной цивилизации, Маркузе и другие радикалы видят выход из подобной ситуации лишь на пути гуманизации самого человека, а не в коренной ломке капиталистических производственных отношений.

Марксизм-ленинизм всегда подчеркивал, что гуманизация человека может быть осуществлена лишь

[1] *H. Marcuse.* One-Dimensional Man, p. 220.

на путях гуманизации всего общества, так как человек в своей сущности есть совокупность общественных отношений, результат общественного развития. Человек по своей природе содержит потенциально в себе безграничные возможности развития своих способностей. Однако для того чтобы эти способности могли проявиться, нужен определенный минимум социальных условий. История свидетельствует, что только с ликвидацией капиталистических производственных отношений создаются действительные предпосылки для подлинного освобождения, всестороннего развития личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Представители же мелкобуржуазного радикализма предлагают заменить социальную сущность человека его новой биологическо-этической сущностью. При этом дается резкая критика капиталистических методов манипулирования сознанием и навязывания обществу потребительских ценностей, атмосферы конформизма, духовной пустоты.

Говоря о новом обществе, критикуя капитализм, «новые левые» не раскрывают его генезиса. Н. Бирнбаум, например, в книге «Кризис индустриального общества» отмечает некоторые явления, которые, с его точки зрения, указывают на тенденцию дальнейшего общественного развития. Он пишет, что уже сейчас наблюдаются в обществе определенные структурные изменения, «появилась «новая элита», «новый современный рабочий класс», «современный средний класс», отличающиеся друг от друга властью, доходом и престижем» [1]. Неизмеримо возрастает роль государства в экономической жизни общества. Однако при этом Бирнбаум считает, что те антагонизмы, которые имеют место в «индустриальном обществе», сохраняются и при дальнейшем его развитии. «Новая индустриальная система допускает антагонизмы, которые вытекают из распределения национального дохода и также из различных форм контроля над производственными процессами» [2].

В развивающемся новом обществе, отмечает он, рабочий класс все еще будет предметом циклических

[1] *N. Birnbaum.* The Crisis of Industrial Society. New York, 1970, p. 9.

[2] Там же, стр. 10.

колебаний спроса и предложения на рынке рабочей силы, а классовое деление будет отражать «образовательную стратификацию»; господствующее положение в обществе займет «новая элита», т. е. управляющие, техники, инженеры и очень редко политики. В новом обществе невозможна полная занятость или приблизительно полная, т. е. сохраняется безработица, которая всегда являлась «постоянной угрозой» в «индустриальном обществе».

Таким образом, согласно Бирнбауму, новое общество несет в себе пороки старого, «индустриального общества», кризис которого он разбирает в своей книге. С его точки зрения, гуманизация культуры и общества способствует лишь смягчению этих антагонизмов. Поэтому Бирнбаум не соглашается с теми, кто считает, что будущее общество определяется только «индустриализацией» и возрастанием роли «интеллектуальной элиты». Подобные взгляды он называет утопическими. Для гуманизации «индустриального общества», полагает он, необходим рост политического сознания населения, которое позволит в условиях высокого технологического развития «гуманизировать индустриальную культуру»[1].

У Бирнбаума, как и у других идеологов «новых левых», будущее общество выглядит очень абстрактно. Кризису «индустриального общества» он ничего фактически реального не противопоставил. ««Отрицательный» лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостривает», а отупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация»[2], — писал В. И. Ленин. Философия «новых левых» — вопль отчаявшегося мелкого буржуа.

В. И. Ленин мелкобуржуазную идеологию характеризовал через узость сознания, политическую пассивность, приспособленчество. Все эти черты довольно отчетливо просматриваются в критике «новыми левыми» теории «постиндустриального общества».

Лишь марксизм наряду с критикой язв капитализма дает его генезис на основе глубокого анализа производственных отношений капиталистического об-

---

[1] *N. Birnbaum.* The Crisis of Industrial Society, p. 166.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 125.

щества, приходит не только к выводу о замене капитализма коммунизмом, но и вскрывает основные законы становления коммунистической общественно-экономической формации.

Критика мелкобуржуазным радикализмом капитализма не в состоянии охватить диалектику мирового революционного процесса, понять всемирно-историческую роль общественных сил — прежде всего международного рабочего класса, реального социализма, которые прокладывают новые пути в истории.

Отрицая революционность пролетариата, Маркузе, Бирнбаум и другие радикалы оказались не в состоянии осмыслить объективное содержание социальной революции нашего века.

Обстоятельная критика теории «постиндустриального общества» была дана марксистами на VII Международном социологическом конгрессе. Выступая на дискуссии, социологи-марксисты показали, что коренной порок ее проповедников состоит в том, что они обходят главный источник всех бед — капитализм, власть монополий. Односторонне подчеркивая роль техники, индустрии, научно-технической революции, постиндустриалисты абстрагируются от антагонистических капиталистических общественных отношений. В выступлениях философов-марксистов — академика П. Н. Федосеева, директора Института социологии Болгарской академии наук профессора Живко Ошавкова, профессора Эриха Хана из ГДР, профессора Ги Бесса (Франция), Дж. Соммервилла (США) и многих других — подчеркивалось, что возрастающее стремление мысленно проникнуть в будущее вызвано к жизни ускорением общественного развития и вовлечением все более широких масс в активную историческую деятельность. Буржуазная идеология поспешила объявить изменение капитализма (благодаря научно-технической революции) и превращение его в некое «постиндустриальное общество», провозгласив последнее будущим всего человечества.

Однако буржуазная идеология не в состоянии дать верные ориентиры на будущее, указать реальные пути борьбы за подлинный общественный прогресс. Избрав в начале 60-х годов социальное прогнозирование в качестве арены идеологической борьбы, государственно-монополистический капитал явно рассчитывал

перейти в идейно-политическое контрнаступление не только против теории научного коммунизма, но и против либерально-реформистских и социально-критических настроений. Вместе с тем бурное развитие научно-технической революции, сопровождающееся в капиталистических странах углублением социально-экономических противоречий, вызвало и обострение идейно-политической борьбы, в том числе и поляризацию взглядов на будущее.

Дело в том, что капиталистическое использование научно-технической революции год от года все явственнее показывает несостоятельность больших надежд, возложенных на нее буржуазной идеологией, по искоренению социальных антагонизмов. Действительность беспощадно опрокидывает идеи «депролетаризации», «сближения» интересов рабочих и буржуазии, особой исторической миссии научно-технической интеллигенции. Не оправдывает себя и система государственно-монополистического регулирования. Среди интеллигенции, в том числе и ее идеологов, сознательно или подсознательно появляется убеждение, что будущее не должно иметь ничего общего с экономическим и политическим строем США. Это начинают признавать даже те, кто весьма далек от прогрессивных идей современности. Все больше людей, особенно среди молодежи, испытывает тягу к более глубокой общественной теории. И такую теорию они находят в марксизме-ленинизме.

Апология монополистического капитализма — главное назначение теории «постиндустриального общества»

Исследование основных концепций теории «постиндустриального общества» дает основание для того, чтобы сделать ряд выводов. Прежде всего появление этой теории свидетельствует о том, что идеологи буржуазии продолжают поиски заманчивых для народных масс идей, пытаясь приспособиться к тем глубоким сдвигам в их мировоззрении, которые порождаются процессом перехода человечества от одной общественно-экономической формации к другой. Теория «постиндустриального общества» является логическим продолжением и дальнейшим развитием теории

«единого индустриального общества» и «конвергенции». Преемственно связанная не только с новейшими концепциями буржуазной философской и общественной мысли, но и со всем ее развитием, она вместе с тем претендует на объяснение будущего, апеллируя к научно-технической революции. Однако, отмечая многие важные изменения, происшедшие под воздействием научно-технической революции, теория «постиндустриального общества» считает последнюю той основой, на которой и произойдет становление будущего общества.

С точки зрения авторов данной теории, «постиндустриальное общество» — это и не капитализм, и не коммунизм, а некий синтетический общественный строй, «технотронная цивилизация».

Проведенный анализ основных признаков «постиндустриального общества» свидетельствует, что это общество является не чем иным, как государственно-монополистическим капитализмом на высших ступенях его развития, модернизированным научно-технической революцией.

Одним из коренных методологических пороков рассматриваемой теории является изоляция друг от друга процессов научно-технической революции, их социальных условий и последствий; игнорирование диалектики общественного развития (классовой борьбы, соотношения субъективного, стихийного и сознательного и т. п.).

Теория «постиндустриального общества», отражая интересы разных социальных групп, связанных с монополистическим капиталом, предстает как очередная попытка буржуазной идеологии отвлечь трудящиеся массы от политических выступлений, которые из года в год становятся все серьезнее. Таким образом, данная теория призвана воспитывать политическую инертность, обещая решения социальных проблем, социальную справедливость, рациональную организацию социально-экономической структуры общества в ходе дальнейшего развития научно-технического прогресса.

Миллионы американцев требуют радикальных перемен в стране. Авторы теории «постиндустриального общества» уходят от вопросов классовой борьбы, движущих сил общественного развития. Их ответ звучит

в духе, угодном монополистическому капиталу: научно-технический прогресс — вот та сила, которая осуществит желания и устремления масс. В действительности, как отмечается в «Новой программе КП США», силой, способной преобразовать современное американское общество, является рабочий класс, а сами США созрели для коренных социальных преобразований, и эти требования должны носить социалистический характер.

Вместе с тем ряд авторов рассматриваемой теории называют социально-экономический строй США «постиндустриальным» и полагают, что по пути Соединенных Штатов со временем пойдут все страны (капиталистические, социалистические, слаборазвитые), т. е. идеологи «постиндустриального общества» в конечном счете оказываются на позициях теории «конвергенции», правда относя последнюю в более отдаленное будущее. Как известно, на VII Всемирный социологический конгресс в качестве альтернативы марксизму-ленинизму и реальному социализму буржуазные социологи привезли теорию «постиндустриального общества». В ходе работы конгресса корреспондент журнала «Проблемы мира и социализма» обратился к некоторым социологам различных направлений с просьбой ответить на следующие вопросы:

«1. Какие изменения вы предвидите к 2000 г. в области социально-политических отношений?

2. Как, по вашему мнению, будут развиваться соревнование и борьба между двумя противоположными общественными системами — социализмом и капитализмом?

3. Удастся ли, на наш взгляд, не допустить мировой термоядерной войны и решить задачу постепенного разоружения?»

Многие буржуазные социологи отвечали на эти вопросы в духе концепций «постиндустриального общества» и «конвергенции». Они говорили о том, что к 2000 году люди меньше будут думать об общественно-политических отношениях и больше — об отношениях, связанных с удовлетворением тех или иных нормальных запросов, что «социализм сблизится с капитализмом и капитализм — с социализмом» [1].

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1971, № 1, стр. 88.

Теория «постиндустриального общества» рассматривает переход человечества в «технотронную цивилизацию как процесс автоматический, не нуждающийся в субъективном факторе. Утверждая, что в «постиндустриальном обществе» идеология отмирает, данная теория солидаризуется одновременно с концепцией «деидеологизации».

Сравнивая различные направления теории «постиндустриального общества», можно сказать, что все они претендуют на то, чтобы свое представление о будущем сделать достоянием возможно более широких слоев населения. Правда, по ряду вопросов различные направления имеют существенное расхождение. Так, например, если реакционно-апологетическое направление откровенно защищает капитализм, считает, что классовые антагонизмы будут и в «постиндустриальном обществе», то буржуазно-реформистское направление дает острую критику современного капиталистического общества, анализирует экономические и социальные результаты научно-технической теории. Представители этого направления приходят к выводу, что новые производительные силы в корне подрывают традиционный экономический механизм США. Совершенная техника и устойчивая безработица, огромные возможности производства, способного полностью удовлетворить потребности всего населения — таков круг исторических парадоксов, которые подчеркиваются ими. Их взгляды представляют переплетение трезвых оценок, смелых попыток представить развитие капиталистических противоречий со «всеспасающими» рецептами лечения этого общества.

Итак, среди авторов теории «постиндустриального общества» оказались представители как консервативного, так и либерального направления буржуазной общественной мысли. Реформированный капитализм, модернизированный научно-технической революцией, антикоммунизм — вот та основа, на которой в итоге сходятся все авторы этой теории. Между реакционно-апологетическим направлением, с одной стороны, и буржуазно-реформистским — с другой, основное различие заключается в том, что либерализм и буржуазный реформизм проповедуют «постиндустриальное общество», покоящееся на буржуазно-реформистских иллюзиях, а авторы реакционно-апологетическо-

го направления оправдывают капиталистический строй, видя в современном американском обществе будущее всего человечества.

Все направления теории «постиндустриального общества», учитывая условия классовой борьбы двух противоположных социально-экономических систем, пытаются противопоставить марксистско-ленинскому учению о коммунистической общественно-экономической формации свои концепции социального «развития», свой идеал будущего общественного устройства — тот или иной вариант «постиндустриального общества». Следует заметить, что все авторы данной теории в большей или меньшей степени отдают дань крупным капиталистическим корпорациям, не мыслят будущее общество без них, тем самым в явной или завуалированной форме отражают интересы «большого бизнеса». Кан, например, из всех сценариев будущего, предложенных им, в конечном счете формулирует однозначную альтернативу: или «стандартный мир» (т. е. модернизированный научно-технической революцией капитализм), или «кошмарные сценарии» («менее стабильного мира», «экономического застоя», «эрозии демократии», «тоталитарного господства», «термоядерных катаклизмов»). В «стандартном мире», по мнению Кана и Винера, существуют предприниматели и рабочие, безработица и роскошь.

Значительное место в жизни «нового общества» Белл и Бжезинский отводят корпорации. В «новом индустриальном обществе» Гэлбрейта ведущая роль принадлежит «зрелой» корпорации, которой «суждено быть средоточием власти». В специальном выпуске журнала «The Public Interest», посвященном вопросу «капитализм сегодня», в статье профессора экономики М. Бронфенбреннера «Гэлбрейтианская экономика Японии» отмечается, что экономика Японии как раз того типа, который описан Гэлбрейтом в работе «Новое индустриальное общество». И далее подчеркивается, что эта экономика определена крупными корпорациями, многие из которых являются конгломератами. Они имеют свои собственные источники роста, могут манипулировать частными и общественными требованиями. Бронфенбреннер заявляет, что «видение нового индустриального общества Гэлбрейтом находит свое выражение в секторе

«большого бизнеса» современной японской корпоративной экономики» [1].

Критический марксистский анализ рассуждений авторов теории «постиндустриального общества» о современной корпорации показывает, что они направлены на доказательство того, что за последние десятилетия в крупных корпорациях наглядным становится переход власти от собственников капитала к управляющим, что капитал постепенно теряет власть и ныне в «индустриальной системе» его заменяет «техноструктура», «научно-техническая элита» или государство.

В теории «постиндустриального общества» делаются попытки приписать буржуазной системе некоторые черты социализма, а социализм «обогатить» средствами, методами индустриализации капитализма с поглощением (где-то не сразу, но во всяком случае в XXI в.) социализма капитализмом. Признавая существование социалистической системы, «постиндустриалисты» стараются решить проблемы общественного развития, абстрагируясь от социализма, не учитывая его решающего воздействия на весь ход мировой истории. Все это делается с одной целью — обосновать тезис: будущее принадлежит и не капитализму, и не коммунизму, а некоему «постиндустриальному обществу».

Появление «нового общества» у разных авторов неодинаково по времени. С точки зрения Бжезинского, «сегодня промышленно наиболее развитые страны (в первую очередь США) начинают выходить из индустриальной стадии своего развития. Они вступают в век, когда технология и особенно электроника — отсюда и мой неологизм «технотроника» — в возрастающей степени становятся доминантами социального изменения, преобразуя нравы, социальную структуру, ценности и мировоззрение общества» [2]. Кан и Винер отодвигают возникновение «постиндустриального общества» к XXI в. Тиболд полагает, что «постиндустриальная система» появится с претворением в жизнь его «экономического плана спасения».

---

[1] *M. Bronfenbrenner.* Japan's Galbraithian Economy. — "The Public Interest", 1970, N 21, Special Issue "Capitalism Today", p. 149.

[2] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages, p. XIV, 61.

Роднит все направления теории «постиндустриального общества» то, что причины свойственных капитализму противоречий все авторы усматривают не в нем самом, а в индустриализме, в поглощении всей энергии общества экономикой. «Постиндустриальное общество», по их мнению, ведет к устранению «явных противоречий, из которых, по-видимому, возникает революция» [1].

Таким образом, создатели теории «постиндустриального общества» делают единодушную попытку представить будущее общество как капитализм, достигший по сравнению с предыдущей стадией более высоких ступеней в своем экономическом развитии, возведенный в электронную, технотронную цивилизацию.

Авторы этой теории явно переоценивают роль технического прогресса, не видят органической связи между развитием производительных сил и производственных отношений, и это ярко проявляется в их беспочвенных надеждах на то, что с помощью электронных машин, улучшения учета и статистики удастся ликвидировать пороки капиталистической экономики, избавиться от кризисов и безработицы. Все эти структурные изменения, происходящие в капиталистическом обществе под влиянием научно-технической революции, выдают за коренные изменения, происшедшие в современном капиталистическом (и социалистическом) обществе. Так, например, структурные изменения рабочего класса они пытаются представить как рождение нового «среднего» класса, интересы которого отражает якобы теория «постиндустриального общества».

Рост числа служащих в связи с расширением сферы обслуживания, здравоохранения, народного образования, науки, культуры, увеличение административно-управленческого аппарата капиталистических предприятий, компаний, государственных учреждений выдается ими за вытеснение класса капиталистов и утверждение новых социальных групп и классов. Они вещают о появлении «новой элиты». Интересно, что под «новой элитой» представители различных концепций «постиндустриального общества»

[1] *H. Kahn* and *A. J. Wiener*. The Year 2000, p. 379.

понимают разные социальные прослойки. Белл, например, говорит об элите ученых, связанных с крупными корпорациями. В статье «Неустойчивая Америка» он пишет, что университеты в США тесно связаны с различными секторами общества, особенно же (применительно к научно-исследовательской работе) с военными кругами. Однако необходима для общества такая элита, которая создаст «политический авторитет в стране», ибо на протяжении последних десяти лет влияние политической элиты, появившейся за последние пятнадцать лет после второй мировой войны, таяло. Ныне намечается утверждение «новой элиты», которая, по мнению Белла, представлена «учеными и военной верхушкой». Белл полагает, что «постиндустриальное общество» несет новые трудности развитым странам Запада, и прежде всего Америке, так как неизбежны «конфликты между квалифицированными группами и новой элитой (т. е. между учеными и военной верхушкой)» [1].

Бжезинский пишет об обществе «меритократическом» (merit — англ. «заслуга»), где власть будет принадлежать лицам, имеющим особые заслуги перед обществом. Гэлбрейт считает, что будущее принадлежит «техноструктуре» — иерархии специалистов, связанных с государственно-монополистическим капиталом. Представители либерально-реформистского направления не ставят вопроса о смене политической власти. Их вполне устраивает государственно-монополистический капитал, функционирующий на неких «разумных началах».

Все направления теории «постиндустриального общества» смыкаются на проповеди буржуазного реформизма. Правда, одни выдвигают реформу лишь в качестве пути, обозначенного научно-технической революцией, другие — как радикальное средство преобразования действительности. Однако следует видеть, что за проповедью реформированного империализма стоят интересы класса, заинтересованного в его сохранении. В. И. Ленин в конспекте «Тезисов об империализме и национальном угнетении» «Газеты Роботничей», отмечая опасность реформизма, выписывает положение: «...Нельзя империализм преобра-

[1] *D. Bell.* Unstable America. — "Encounter", June 1970.

зовать согласно интересам рабочего класса... Борьба должна быть революционна...»[1] Лишь революционная борьба, ведущая к слому буржуазного государства и установлению диктатуры пролетариата, коренным образом может изменить положение трудящихся. Именно революционной борьбы не на жизнь, а на смерть боится монополистический капитал. И эта боязнь классовых битв, игнорирование роли народных масс в решении своей судьбы объединяет все направления теории «постиндустриального общества». «Монополистическая буржуазия повсюду пытается насаждать иллюзии, будто все, к чему стремятся трудящиеся, может быть достигнуто без революционного преобразования существующего строя»[2].

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев указал: «В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение. Отсюда — стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем»[3].

Авторы теории «постиндустриального общества», основываясь на этих маневрах буржуазного государства, пытаются представить капитализм как общество, способное разрешить классовые антагонизмы. При этом они видят в государстве надклассовый общественный орган, призванный заботиться об интересах общества в целом.

Итак, смыкаясь на реформизме и апологетике монополистического капитала, все концепции «постиндустриального общества» по своему политическому звучанию выступают как антикоммунистические. Они притупляют сознание рабочего класса и интеллигенции, не дают им никаких перспектив для освобождения.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 730.

[2] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 20.

[3] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 15.

В. И. Ленин, характеризуя пагубное влияние реформизма на рабочее движение, писал: «Реформистские фразы являются главным средством обмануть народ в такое время, когда объективное положение поставило на историческую очередь дня величайший мировой кризис...» [1]

Авторы теории «постиндустриального общества», отражая интересы разных социальных групп капиталистического общества, пытаются «удовлетворить» их, либо провозглашая такой социальный идеал, который вытекает якобы из «требований» современной научно-технической революции, а не из требований класса, порождаемого определенными общественными отношениями, либо разрабатывая «советы» обществу и государству. Они игнорируют тот факт, что развитие техники и производства создает лишь материальные предпосылки для социальных реформ и революций, которые следуют за ними не автоматически, а в итоге политической и экономической борьбы классов и социальных групп.

Буржуазная идеология заинтересована в том, чтобы внушить народным массам, что существующие в капиталистических странах социально-экономические проблемы: безработица, социальное неравенство, власть финансовой олигархии, непроизводительные расходы монополий, недогрузка оборудования и т. д. — являются порождением техники и технологии, а не экономических и политических интересов господствующего класса. Теория «постиндустриального общества» фактически призывает трудящихся отказаться от политической деятельности.

Таким образом, анализируя социально-политическое назначение теории «постиндустриального общества», можно отметить, что реакционно-апологетическое направление теории является своеобразным выражением правых, экстремистских групп в США, заинтересованных в сохранении социального и национального неравенства. В основе теории «постиндустриального общества» лежит тезис: государственно-монополистический капитализм, модернизированный научно-технической революцией, а не коммунизм — будущее человечества. Буржуазно-либеральный и

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 468.

буржуазно-реформистский варианты теории «постиндустриального общества» отличаются от реакционно-апологетического варианта большей гибкостью и изощренностью.

Социальные идеалы авторов различных концепций теории «постиндустриального общества» претендуют на восприятие их широкими массами, призваны сеять иллюзии относительно перспектив развития человеческого общества, вызывают неверие в возможность практической реализации социалистических и коммунистических идеалов. Обещая решение социальных проблем, социальную справедливость, рациональную организацию социально-экономической структуры общества, они воспитывают у народных масс политическую инертность.

Теоретики «постиндустриального общества» стремятся доказать, что марксистско-ленинская теория о классах и классовой борьбе, о руководящей роли рабочего класса в развитии общества неприменима к современным развитым капиталистическим странам.

В настоящее время буржуазные социологи, экономисты, философы пытаются развить идею, которая красной нитью прошла через теорию «постиндустриального общества», — не революция социальная, а революция техническая приведет человечество к более высокой цивилизации.

Теория «постиндустриального общества» продолжает «модернизироваться». Один из ее основоположников, Д. Белл, в своих последних статьях пересматривает некоторые свои взгляды, вводя в «постиндустриальное общество» конфликты и противоречия. Он пишет, что конфликт между технократическим и политическим методами принятия решений станет одной из характернейших черт «постиндустриального общества». Белл несколько отходит от идеи «технократического управления обществом» и пытается говорить об «участии масс в решении своих судеб». И вместо гармонии классовых интересов, о чем он писал в статье «Заметки о постиндустриальном обществе», ныне он говорит об острой классовой борьбе в «постиндустриальном обществе». Логика жизни толкает Белла, как и многих других либеральных ученых, на путь солидарности с оппозиционно настроенной интеллигенцией.

«Постиндустриальное общество» было призвано стать самым приемлемым социальным идеалом для творческой интеллигенции, высококвалифицированных технических специалистов, но суровая действительность подрывает надежды интеллигенции мирно ужиться с государственно-монополистическим капитализмом. Это находит отражение в эволюции взглядов Д. Белла, Д. Гэлбрейта, Р. Хейлброунера.

Марксистская критика теории «постиндустриального общества», направленная на разоблачение ее реакционно-утопического, антикоммунистического, апологетического характера, будет способствовать тому, чтобы вырвать трудящиеся массы капиталистических стран из-под влияния буржуазной идеологии, повести их на борьбу за социализм и коммунизм.

Неодолимая сила марксизма-ленинизма, идейная вооруженность мирового коммунистического движения — это такие твердыни, о которые разбиваются попытки наших идейных противников перейти в идеологическое контрнаступление.

Заключение

Коммунизм — будущее человечества

Часто так говорят: «Предсказывать что-либо трудно, а особенно будущее». В этих словах много правды. Не случайно К. Маркс всегда протестовал, когда его называли «пророком» или «жрецом».

Будучи учеными, а не пророками, основоположники марксизма не пытались прогнозировать во всех деталях будущий ход истории. Они создали теорию и методологию научного предвидения, на основе которой можно было определить основные направления, тенденции исторического развития, наметить наиболее существенные черты будущего общества. «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя, — писал В. И. Ленин.—Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [1].

Марксизм никогда не исходил, как это делают авторы теории «постиндустриального общества», из априорно принятого идеала. Он исследовал прежде всего реальные противоречия действительности, пытаясь найти пути в самом объективном мире для их разрешения. Иначе говоря, марксизм стремился увидеть, изучить, открыть социальный идеал, который вызревал в развитии самой жизни, идеал, отражающий потребности общественно-исторического прогресса. Идеал же авторов теории «постиндустриального общества», как и другие буржуазные социальные идеалы, не отражает реальных потребностей прогрессивного общественного развития.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 85.

К. Маркс показал, что недостаточно рассуждать о духовном прогрессе, росте науки и конечной победе просвещения как сути исторического прогресса. В порядок дня самой капиталистической действительностью поставлен вопрос о прогрессе социальной организации человеческого общества. Появление коммунистического социального идеала означало, что самой действительностью поставлен вопрос о необходимости перехода от капитализма к новому социальному строю.

Указывая на отличие коммунистического социального идеала от утопических идеалов, К. Маркс подчеркивал: «... мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир»[1]. Это значит вскрыть в старом обществе те реальные силы, которые могут его преодолеть, определить, как из старого общества может родиться новый общественный строй. Голое же противопоставление капитализму умозрительных картин нового мира (которое, кстати, характерно для Тиболда, Белла и других постиндустриалистов) Маркс называет догматическим предвосхищением будущего.

Таким образом, при самом своем рождении марксизм объявил войну догматизму, доктринерству, утопизму, апологетике. В. И. Ленин с удивительной глубиной показал сущность формирования Марксом коммунистического социального идеала, отличного от утопического в том смысле, что он не сочинил, не сфантазировал «новое общество», а показал, что оно с необходимостью вырастает из существующих общественных отношений. К. Маркс изучает процесс рождения нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. «Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки»[2].

Марксизм доказал, что эксплуатацию человека можно и должно уничтожить. Таково требование истории, ее законов; он показал, в каком направлении пойдет общественное развитие, как будет осуществляться экономическая зрелость коммунизма. «На

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 379.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33. стр. 48.

высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»[1]

Обещать все поставить на службу человеку, не изменяя производственных отношений и самого человека, не учитывая его потребностей, склонностей, вкусов, как это делают авторы теории «постиндустриального общества», — значит внедрять в его сознание мелкобуржуазный утопизм. Кан, например, обещает, что в новом обществе с помощью научно-технического прогресса будут вылечены все язвы общества «индустриального»: расовый вопрос разрешится благодаря изобретению средства для депигментации; открытие способа «стирать память» у людей поможет произвольно менять их индивидуальность и избавит общество от такого социального зла, как преступность; биологи же, воздействуя на механизм наследственности, будут производить людей с заранее запланированными качествами. И в конечном счете появятся роботы, ничем не отличающиеся от людей.

Коммунистический социальный идеал не просто сулит освободить человеческую личность от всех и всяких оков; он отражает практическое осуществление преобразования общества, в котором человек, как говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, утверждает себя как личность. Коммунистический социальный идеал отличается от всех прочих социальных идеалов не только по своему содержанию, но и по той роли, которую он играет в жизни общества. Эта особая его роль определяется спецификой возникновения и развития коммунистической общественно-экономической формации. А особая роль коммунистического идеала

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 20.

обусловлена характером тех социальных задач, решению которых он служит.

Коммунистический социальный идеал отражает знание объективных законов общественного развития, научное предвидение развития человеческого общества. Он указывает не только конечную цель борьбы, но и реальные пути и средства его достижения. Особая роль коммунистического социального идеала определяется сознательным участием широких масс в строительстве нового общества (возникновение и развитие общественно-экономической формации без этого невозможно), т. е. коммунистический социальный идеал марксизма — это не только научное осознание исторической миссии пролетариата и интересов всего трудящегося человечества, но и отражение необходимости разрешения возникающих в обществе противоречий силами народных масс.

Марксизм-ленинизм учит, что если объективная историческая необходимость определяет общее направление исторического процесса в ту или иную эпоху, то от революционно-практической деятельности масс зависит, в какой степени будут реализованы возможности и решены задачи, выдвигаемые условиями эпохи. Коммунистическое движение, разрабатывая свою стратегию, ставит ее на научную основу «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» [1]. Вот почему спор о том, какое будущее ожидает человечество, не предмет праздного любопытства, а практический вопрос. Будущее творится сегодня, оно результат инициативы и революционной борьбы миллионов людей.

«Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал,* с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [2], — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Истинный коммунистический идеал представляет собой не заманчивое изображение далекого будущего, а отражение интересов, прогрессивных

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 34.

устремлений, направленных на преобразование мира, на становление самого справедливого на Земле общества — коммунизма.

Коммунизм привлекает на свою сторону умы и сердца миллионов людей не обещаниями будущего, а прежде всего тем, что он указал на основе трезвого и беспощадного анализа фактических противоречий практически осуществляемый выход из них. Сила и привлекательность коммунистического социального идеала в его жизненности, осуществимости.

Для коммунистического идеала характерны функции научного предвидения, просвещения, организации и мобилизации широких трудящихся масс на строительство нового общества. Он является основой того исторического оптимизма, который поражает буржуазных деятелей и источник которого они не могут понять. Отсюда и всевозможные безуспешные попытки противопоставить коммунистическому социальному идеалу свой «жизненный» и «действенный» идеал, за которым пошли бы массы.

Социальный идеал теоретиков «постиндустриального общества» призывает трудящихся отречься от политической деятельности, от борьбы за социальный прогресс; коммунистический социальный идеал означает диалектическое движение, торжество социальной справедливости, наивысший расцвет человеческого общества.

Идеал теории «постиндустриального общества» абстрагирован от производственных отношений, как существующих, так и будущих. Для него характерно лицемерие. Он вуалирует волчьи законы частной собственности проповедью различных буржуазных добродетелей, неосуществимых для масс. Буржуазия давно уже прибегает ко лжи, заявляя, будто ее господство диктуется заботами о человеке; она извращает действительную картину общественного развития, искажает представления о путях исторического прогресса.

Буржуазная идеология выполняет старую задачу, ставшую настоятельной уже со второй половины XIX в., когда на исторической арене появился грозный противник буржуазии — пролетариат, задачу управления трудящимися, воздействия на их сознание, воспитания настроения аполитичности, стремление

во что бы то ни стало отвлечь их от борьбы за идеалы коммунизма. И в этом смысле теория «постиндустриального общества» — ее главный помощник.

В. И. Ленин не раз подчеркивал, что сила революции, торжество ее победы увеличивают вместе с тем и силу сопротивления буржуазии. «Чем мы больше побеждаем, — говорил он, — тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления»[1]. Ленин призывал «побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное»[2].

Посредством теории «постиндустриального общества» буржуазная идеология старается усилить давление на научно-техническую интеллигенцию, извращенно трактует ее социально-экономическое положение, принижает роль рабочего класса, пытаясь увековечить его угнетенное положение при капитализме.

Теория «постиндустриального общества» стремится завуалировать противоречия, существующие между капитализмом и социализмом, выдвигая лженаучное представление о «постиндустриальном обществе» как будущем всего человечества, определяемом исключительно степенью развития науки и техники.

Некоторые западные философы, социологи, экономисты и политики, пытаясь перечеркнуть коммунистическую перспективу, выдвигают тезис об утопическом коммунизме. Например, американские профессора Карел и Ирена Хулики в учебном пособии «Государственный строй, личность и общество в Советском Союзе» настойчиво пытаются доказать невозможность построения коммунизма в СССР. Они пишут, что большинство некоммунистов придерживаются не без основания того мнения, что распределение, полностью основанное на принципе «по потребности», остается неосуществимым, что ни человек, ни организация общества не приблизятся к идеалу и социальные различия, преступления, алчность, зависть и себялюбие не будут искоренены[3]. Многие противники

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 244.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

[3] *K. Hulicka* and *I. M. Hulicka.* Soviet Institutions, the Individual and Society. Boston (Mass.), 1967.

коммунизма утверждают, будто марксизм не распространяет принцип развития на коммунизм, а представляет его неким раз навсегда данным идеалом. Буржуазные идеологи глубоко заблуждаются. Марксистское учение об общественном развитии рассматривает коммунистическую общественно-экономическую формацию как живой, развивающийся организм.

Учение о коммунистическом социальном идеале в корне враждебно мистической эсхатологии. Ему чуждо представление о социальном прогрессе с позиций «конечных» идеалов. Марксизм-ленинизм доказал, что общественный прогресс не имеет предела, а потому не может быть и речи о какой-то «конечной завершенности», в частности при коммунизме. «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества...» [1] — подчеркивал Ф. Энгельс.

Именно марксизм-ленинизм раскрыл действительные истоки многочисленных идей о «конечном смысле», «завершенной гармонии», «наивысшей целесообразности», научно доказал их несостоятельность и предвзятость. Маркс подчеркивал, что коммунизм разрешает все социальные противоречия истории предыдущей, но отнюдь не ликвидирует возможности появления каких-либо проблем и затруднений в будущем. Решая их, человечество будет двигаться по пути социального прогресса.

В. И. Ленин всегда ставил задачи коммунистического движения, его борьбу и победы в прямую связь с марксистской теорией. «Теория марксизма, освещенная ярким светом нового, всемирно-богатого, опыта революционных рабочих, — учил он, — помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу» [2].

Ленинизм не смог бы так успешно и плодотворно развиваться, если бы его принципы не проверялись

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 275.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 514.

самым непосредственным и конкретным образом через политику партии рабочего класса. Ленинизм постоянно обогащается новыми выводами благодаря тому, что его теоретические положения подтверждаются революционной практикой, служат основой политической линии партии.

В марксизме-ленинизме принципы собственно научного анализа (конкретно-исторический подход, объективность анализа, критичность, реализм и т. д.) являются необходимой стороной, неотъемлемым элементом классового анализа социальных процессов. В этом революционном учении классовый подход к явлениям жизни и вытекающая из него пролетарская партийность означают самую глубокую научность.

Отражая закономерности современного общественного развития, ленинизм вместе с тем нацелен на будущее. Изучать законы общественного развития, существующую практику, чтобы планировать, определять контуры будущей практики. Эта фундаментальная ленинская идея имеет неоценимое значение для революционной борьбы и коммунистического строительства. Теория «постиндустриального общества», ссылаясь на новые явления жизни, в частности, на такие, которые связаны с развитием научно-технической революции, пытается войти в доверие масс, дискредитировать в их глазах марксизм-ленинизм. Но главным оружием в их руках оказываются догмы старого реформизма, извращенное толкование явлений и процессов общественной жизни.

Именно коммунистические партии видят и решают действительно реальные, действительно насущные проблемы революционной борьбы в интересах мира между народами, демократии и социализма.

XXIV съезд КПСС с новой силой подчеркнул, что творческое развитие марксистско-ленинской теории партия рассматривает как свою важнейшую обязанность. Центральный Комитет КПСС ведет твердую линию на повышение благосостояния народа на основе роста эффективности общественного производства, значительного увеличения производительности труда.

Нетрудно заметить, что решение всех этих задач требует реализма, научной обоснованности конкрет-

ных программ и в то же время смелости, творческой целеустремленности в определении ближайших и отдаленных перспектив общественного прогресса.

Глубокого, научного, творческого подхода, умения найти главное, основное в сложной взаимосвязи событий требуют вопросы, которые возникают в ходе строительства нового общества. Словом, всем ходом исторического развития, всей логикой борьбы за победу социализма и коммунизма постоянно выдвигаются проблемы, решение которых требует применения богатого арсенала средств научного познания и революционного изменения действительности.

Сама жизнь, практика социалистического и коммунистического строительства, всевозрастающая мощь международного коммунистического и рабочего движения убедительно показывают великую жизненную силу марксизма-ленинизма и несостоятельность попыток буржуазных идеологов заменить марксистско-ленинское учение о социалистической революции и развитии коммунистической формации.

Ничто не может остановить движение человечества к коммунизму! Таков закон истории.

Будущее принадлежит коммунизму, последовательно научному марксистско-ленинскому мировоззрению, отражающему подлинные интересы революционного рабочего класса, всех трудящихся.

Л. И. Брежнев в речи на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины, отметил: «У нас есть все основания сказать, что целеустремленная работа партии и народа дает свои результаты» [1].

Советский Союз — самое передовое общество и в социальном и в политическом отношениях. В стране достигнуты огромные успехи в использовании научно-технической революции. Всеобщее признание получили советская космическая и атомная техника, энергетическое и металлургическое оборудование. Воплощается в жизнь широкая программа механизации трудоемких работ, автоматизации производства, внедрения передовой технологии, изучения организационной структуры народного хозяйства. К концу 1975 г. около 20—25% крупных предприятий ведущих

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом, т. 4, стр. 446.

отраслей промышленности перейдут на автоматизированное управление. Партия все проблемы научно-технической революции рассматривает сквозь призму достижений нашей конечной цели — коммунизма. «Не техника ради техники. Достижения науки не сами по себе, а во имя построения светлого здания коммунизма, воплощения лучших идеалов человечества»[1].

Коммунистическая партия решает важнейшие задачи по дальнейшему совершенствованию социально-политических отношений, воспитанию нового человека, развитию социалистического образа жизни и укреплению в нем коммунистических начал.

Построение развитого социалистического общества в СССР — торжество марксистско-ленинского учения о коммунистическом будущем человечества.

---

[1] *П. Федосеев.* Построение развитого социалистического общества в СССР — торжество идей ленинизма. — «Коммунист», 1974, № 2, стр. 28.

Содержание

Предисловие 3

Глава I. Теория «постиндустриального общества» — очередной миф буржуазной идеологии 10

Буржуазно-апологетический и реакционно-прогностический характер теории «постиндустриального общества» 18

Идейно-теоретические истоки 24

Глава II. Реакционно-утопический характер социального идеала в теории «постиндустриального общества» . . . 54

Наступит ли «постиндустриальная эра»? 60

Субъективно-идеалистический подход к науке как определяющей силе общественного развития . . . 68

Гиперболизация экономики обслуживания 74

Мещанско-потребительский характер социального идеала Кана и Винера 78

Классы и классовая борьба в «новом обществе» . . 86

Глава III. Авторы «постиндустриального общества» о путях его построения 110

Революция или реформа? . . . . . —

Научно-техническая революция в понимании авторов теории «постиндустриального общества» 115

Роль монополистического государства и капиталистической корпорации в «новом обществе» 130

Глава IV. Методологическая несостоятельность теории «постиндустриального общества» 148

От объективизма и «технологического детерминизма» к субъективизму в познании общественных явлений . 150

Эмпиризм и схематизм — два отклонения от научной теории. Попытки их преодоления 158

Глава V. Социально-политическое назначение и идеологическая направленность теории «постиндустриального общества» 168

Буржуазные либералы как авторы теории «постиндустриального общества» 174

Откровенная апологетика государственно-монополистического капитализма 180

«Постиндустриальное общество» — социальный идеал авторов буржуазно-реформистского направления . . 185

«Новые левые» как критики теории «постиндустриального общества» 190

Апология монополистического капитализма — главное назначение теории «постиндустриального общества» . 199

Заключение. Коммунизм — будущее человечества . . . 211

Иконникова Г. И.

И42 Теория «постиндустриального общества». Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ). М., «Мысль», 1975.

221 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС).

Книга посвящена выяснению идейно-теоретических истоков социально-политической направленности теории «постиндустриального общества».

В работе показывается как теоретическая, так и методологическая несостоятельность концепций «постиндустриального общества», их апологетический, реакционно-утопический, антикоммунистический характер, прикрытый «сциентистской» и прогностической формой.

И $\frac{10506\text{-}308}{004(01)\text{-}75}$ 67-75 **1ФБ**

Иконникова, Генриетта Ивановна

ТЕОРИЯ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА». БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЕГО БУРЖУАЗНЫЕ ТОЛКОВАТЕЛИ

(Критический анализ)

Редактор *М. П. Фетисова*
Младший редактор *В. И. Козловский*
Оформление художника *Е. Б. Адамова*
Художественный редактор *Е. М. Омельяновская*
Технический редактор *Ж. М. Конобеева*
Корректор *Н. С. Приставко*

Сдано в набор 5 сентября 1974 г. Подписано в печать 26 февраля 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Усл. печатных листов 11,76. Учетно-издательских листов 11,77. Тираж 15 000 экз. А10044. Заказ № 1436. Цена 71 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 32 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-51, Цветной бульвар, д. 26

В 1975 году

в издательстве «Мысль» выйдут книги:

Проблемы научного коммунизма. Вып. 9. Рабочий класс и строительство коммунизма. 20 л., 1 р. 45 к.

Очередной выпуск ежегодника кафедры научного коммунизма Академии общественных наук при ЦК КПСС посвящен одной из актуальных проблем развития социалистического общества — дальнейшему укреплению ведущей роли рабочего класса как строителя коммунизма.

Особое внимание в работе уделяется анализу влияния научно-технической революции на изменение социальной и профессиональной структуры рабочего класса при социализме, социальным источникам его пополнения и особенностям формирования рабочего класса ранее отсталых районов. Авторы раскрывают значение образования как фактора повышения роли рабочего класса в ускорении научно-технического прогресса, процесс развития нравственного сознания личности в рабочем коллективе социалистического предприятия.

Рубцов И. Е. **Научно-технический прогресс в условиях развитого социализма.** 15 л., 1 р. 25 к.

Монография посвящена анализу социальных форм научно-технического прогресса, присущих развитому социалистическому обществу. В ней анализируются пути превращения науки в непосредственную производительную силу, исследуются формы связи науки с производством.

Автор раскрывает основные направления научно-технического прогресса в развитом социалистическом обществе, показывает влияние развития науки и техники на рост профессионального и культурного уровня трудящихся.

В работе широко используются социологические исследования.